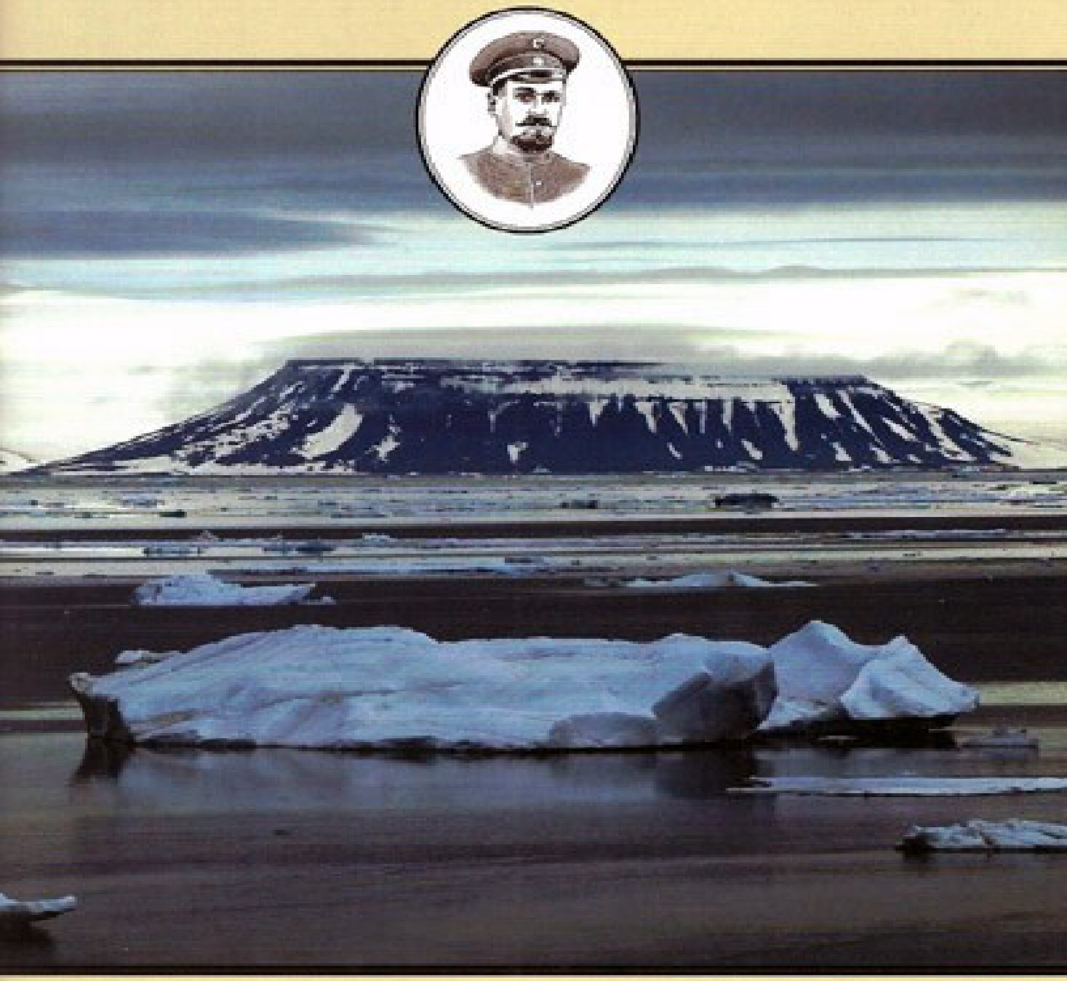
ВАЛЕРИАН АЛЬБАНОВ

На юг, к Земле Франца-Иосифа!



Paulsen

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Валериан Альбанов — штурман полярной экспедиции, отправившейся в Арктику на судне «Святая Анна» в начале XX века. Путешествие стало одним из самых загадочных в истории Арктики, а трагические события, развернувшиеся на борту плененного льдами корабля, до сих пор будоражат умы современников. Эта книга — дневник Валериана Альбанова, написанный им как единственным, не считая матроса Конрада, спасшимся членом экипажа. В нем он описывает мучительно долгий поход, который он совершил вместе с товарищами к Земле Франца-Иосифа, после того, как члены экспедиции покинули борт закованной льдами «Святой Анны». Целью экспидиции лейтенанта Г.Л.Брусилова являлось пройти из Атлантического в Тихий океан «Путем Норденшельда» — вдоль берегов Сибири, занимаясь охотой за тюленями, дельфинами и белыми медведями. Во время этого плавания судно «Св. Анна» было затерто льдами в Карском море, с которыми и было, после почти двухгодичного дрейфа, перенесено севернее Земли Франца-Иосифа. Отсюда штурман Альбанов, с товарищами, предпринял смелый поход по льду к югу и доставил ценные сведения о ходе экспедиции.

Дневник Валериана Альбанова — уникальное свидетельство человеческого мужества, упорства, терпения. В настоящей книге он рассказывает о событиях, предшествовавших его уходу с судна и следующих за ним, своих личных впечатлениях во время перехода к Земле Франца-Иосифа.

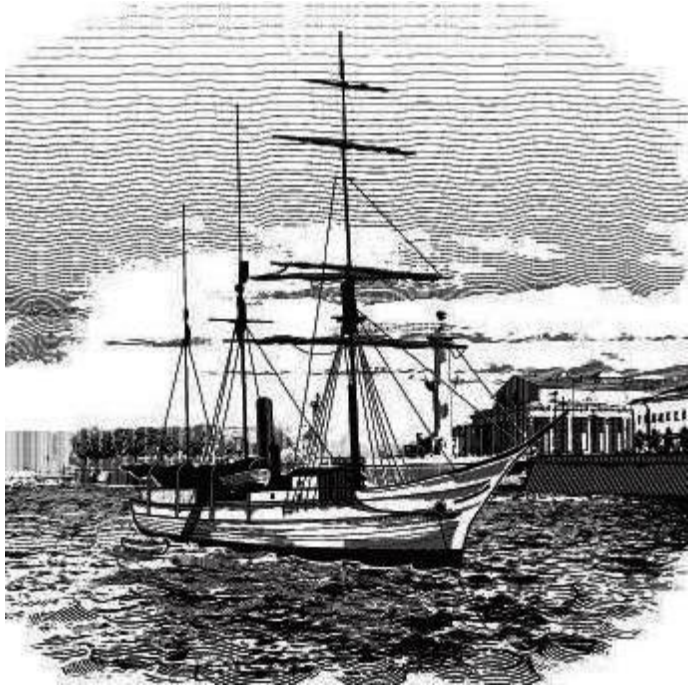
- Валериан Альбанов
  - Вступление
  - Сборы в санную экспедицию
  - Последний день на «Святой Анне»
  - На ледяных полях полярного океана
  - Гибель Баева
  - Земля!
  - На Земле Александры
  - Один за другим
  - Мыс Флора
  - Приготовление к зимовке
  - Судно пришло!
  - Домой!
- notes
  - 1

- ○ 2
- ○ 3
- ○ 4
- ○ 5
- ○ 6
- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45

- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70

Валериан Альбанов
На Юг, к Земле Франца-Иосифа

Вступление



Прошло уже три года[1] с тех пор, как я покинул шхуну «Св. Анна» экспедиции лейтенанта Брусилова, затертую льдами и полтора года дрейфовавшую на север вокруг архипелага Земли Франца-Иосифа. Судно это, замерзнув во льдах в Карском море на широте 72°45′N-ой, с октября 1912 года совершенно лишено было возможности самостоятельного движения и всецело находилось во власти плениших его полярных льдов, которые, в свою очередь, слепо подчинялись влиянию господствующих в данной местности ветров и течений. Покинул я судно с тринадцатью спутниками с целью пешком по вечно дрейфующему льду достигнуть Земли Франца-Иосифа, а потом постараться тем или иным путем добраться до обитаемых мест.

Конечно, три года срок сам по себе не такой уж большой, но, тем не менее, теперь, когда я хотел бы изложить подробно все события, предшествовавшие моему уходу с судна и последующие, и мои личные впечатления, то это мне представляется трудной задачей. Многое, действительно, может быть, важное, забыто, а пустяки, которые почему-либо врезались в память, сохранились в ней ясно.

Если бы у меня уцелели все мои записи и весь дневник, который я аккуратно вел во время моего пребывания на «Св.

Анне» и в пути по льду, то дело, конечно, облегчилось бы значительно. Но записки мои погибли вместе с двумя моими спутниками на каяке, унесенном в море за день до нашего спасения, перед прибытием на мыс Флора на острове Нортбрук Земли Франца-Иосифа. Сохранились же у меня записки только те, которые были со мной в каяке, а именно за время с 14(27) мая по 10(23) августа 1914 года, т. е. за время спустя уже месяц после ухода моего со «Св. Анны».

Лейтенант Брусилов в своей «Выписке из судового журнала», доставленной мною же в Главное гидрографическое управление и напечатанной в приложении к 4 выпуску XXXVIII т. «Записок по Гидрографии», пишет:

«9 (22) января. Наставляли самодельным проволочным линем лот Томсона, так как имеемых 400 сажен не хватает. Отставленный мною от исполнения своих обязанностей штурман Альбанов просил дать ему возможность и материал построить каяк, чтобы весной уйти с судна, понимая его тяжелое положение на судне, я разрешил. Вечером — сияние».

И затем далее:

«22 января (4 февраля). Горизонт закрыт мглой. Команда просила меня пройти к ним, и когда я пришел, то просили разрешения строить тоже каяки, по примеру штурмана, боясь остаться на третью зиму, на которую у нас не хватит провизии.

Сначала я пробовал разубедить и,[2] говоря, что летом, если не будет надежды освободиться, мы можем покинуть судно на ботах, указывая на пример «Жаннетты» (Судно американской полярной экспедиции Де Лонга «Жаннетта» с 1879 года совершало преднамеренный дрейф во льдах с целью достичь Северного полюса. В июне 1881 года «Жаннетта» была раздавлена льдами севернее Новосибирских островов, до которых ее команда с помощью собак тащила по льду три судовые шлюпки. На них людям удалось добраться к дельте Лены, где большинство спасшихся погибло от голода.), где им пришлось пройти гораздо большее расстояние на вельботах, чем это придется нам, и то они достигли земли благополучно. Видя, что они не убеждены этими доводами и что перспектива весной покинуть судно и летом достигнуть культурных стран, избавившись от всем наскучившего здесь сидения, для них столь заманчива, что отказаться от нее они не в силах, я объявил, что они могут готовиться и отправляться хоть все. Сейчас же нашлось несколько человек, которые пожелали остаться (впоследствии их оказалось *слишком много, и я был поставлен в затруднительное положение, не желая никого насиловать покинуть судно*). На судне остаются, кроме меня и Е. А. Жданко, оба гарпунера, боцман, старший машинист,

стюарт, повар, 2 молодых матроса (один из которых ученик мореходных классов). Это то количество, которое необходимо для управления судном и которое я смогу прокормить оставшейся провизией еще 1 год. Уходящие люди не представляются необходимыми на судне, так что теперь я очень рад, что обстоятельства так сложились. Я далек утверждать, что уход части команды с судна придуман и организован мною. Я еще раз говорю, что покинул бы судно поздно летом на шлюпках, когда убедился бы, что выбиться изо льда мы не можем. Теперь же, благодаря предполагаемому раннему оставлению судна большей частью команды, оставшаяся часть команды, в крайнем случае, может продержаться еще год с имеемой провизией».

В том же Приложении к «Запискам по Гидрографии» в конце (стр. 76), по моей просьбе, напечатано следующее мое разъяснение по поводу слов Брусилова: «отстраняется от должности штурман Альбанов».

«По выздоровлении лейтенанта Брусилова от его очень тяжкой и продолжительной болезни на судне сложился такой уклад судовой жизни и взаимных отношений всего состава, экспедиции, который, по моему мнению, не мог быть ни на одном судне, а в особенности являлся опасным на судне, находящемся в тяжелом полярном плавании. Так как во взглядах на этот вопрос мы разошлись с начальником экспедиции лейтенантом Брусиловым, то я и просил его освободить меня от исполнения обязанностей штурмана, на что лейтенант Брусилов, после некоторого размышления, и согласился, за что я ему очень благодарен».

Из этих приведенных мною выписок видно, что сначала я один собирался уходить с судна и только 22 января(4 февраля) мне было объявлено Брусиловым, что со мною он отпускает и часть команды. Я уходил с судна вследствие возникшего между мною и Брусиловым несогласия, команда же, как это видно из выписки, уходила вследствие понятной боязни остаться на третью зимовку, на которую у нас провизии уже не хватало.

Что за причина была моей размолвки с Брусиловым? Сейчас, когда прошло уже много времени с тех пор, когда я спокойно могу оглянуться назад и беспристрастно анализировать наши отношения, мне представляется, что в то время мы оба были нервнобольными людьми. Неудачи с самого начала экспедиции, повальные болезни зимы 1912/13 года, тяжелое настоящее положение и грозное неизвестное будущее с неизбежным голодом впереди, все это, конечно, создавало благоприятную почву для нервного заболевания. Из разных мелочей, неизбежных при

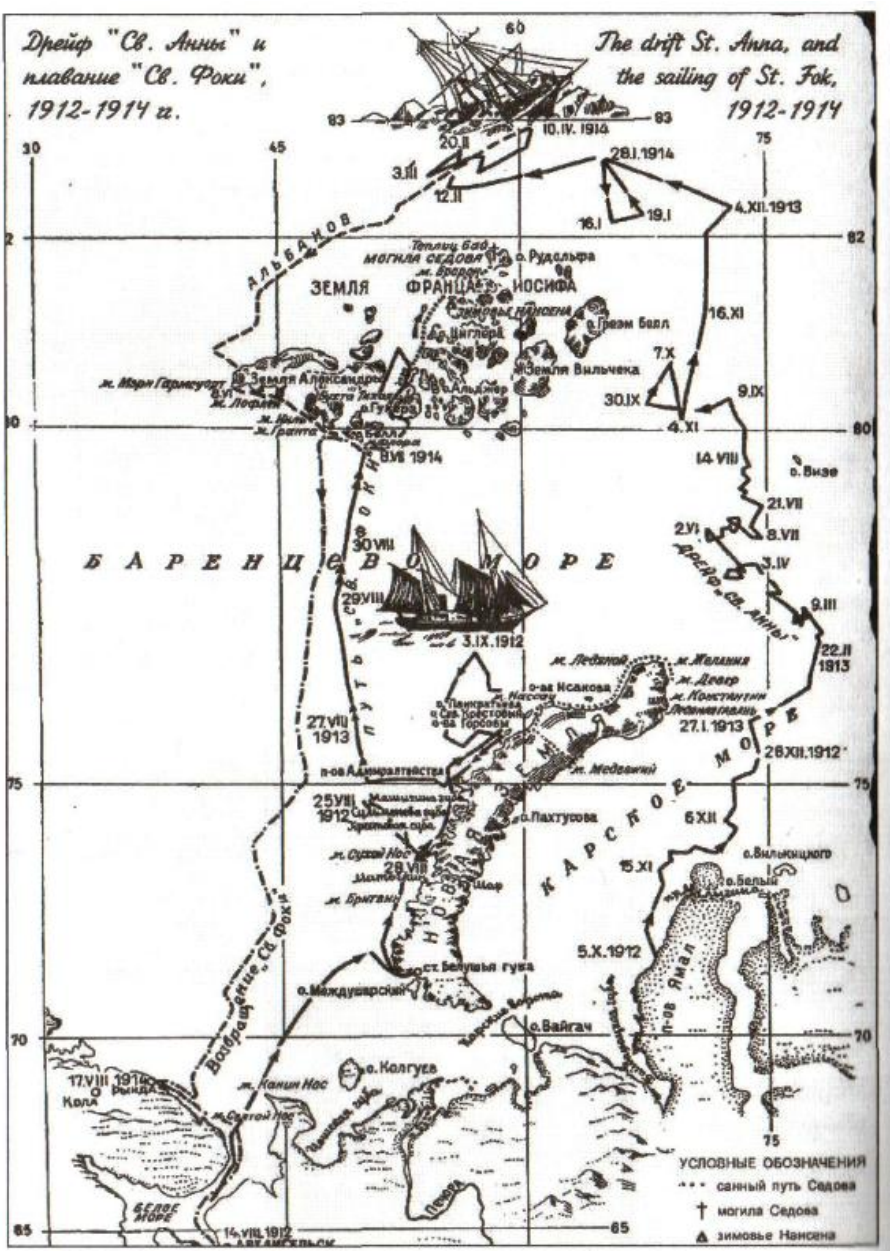
долгом, совместном житье в тяжелых условиях, создалась мало-помалу уже крупная преграда между нами. Терпеливо разобрать эту преграду путем объяснений, выяснить и устранить недочеты нашей жизни у нас не хватало ни решимости, ни хладнокровия, и недовольство все накоплялось и накоплялось.

С болезненной раздражительностью мы не могли бороться никакими силами, внезапно у обоих появлялась сильная одышка, голос прерывался, спазмы подступали к горлу, и мы должны были прекращать наше объяснение, ничего не выяснив, а часто даже позабыв о самой причине, вызвавшей их… Я не могу припомнить ни одного случая, чтобы после сентября 1913 года мы хоть раз поговорили с Георгием Львовичем как следует, хладнокровно, не торопясь скомкать объяснение и разойтись по своим углам. А между тем, я уверен теперь, объяснись мы хоть раз до конца, пусть это объяснение сначала было бы несколько шумным, пусть для этого нам пришлось бы закрыть двери, но в конце концов для нас обоих стало бы ясно, что нет у нас причин для ссоры, а если и были, то легко устранимые, и устранение этих причин должно было только служить ко всеобщему благополучию. Но, к сожалению, у нас такого решительного объяснения ни разу не состоялось, и мы расставались, хотя и по добровольному соглашению, но не друзьями. Когда отправлялись мы в экспедицию, желая пройти вдоль берегов Сибири до Владивостока, так называемым Северо-Восточным проходом, которым до того времени прошел только один Норденшельд на «Веге» (Экспедиция А. Э. Норденшельда на судне «Вега», частично субсидированная А. М. Сибиряковым, с участием представителя Русского географического общества совершила в 1878–1879 годах первое транзитное плавание по Северному морскому пути из Баренцева моря в Тихий океан.), то взяли провизии по расчету на полтора года. Правда, что на этот срок у нас провизии было с избытком, так как рассчитывали при сборах на экипаж в 30 человек, а отправилось нас только 24 человека; к тому же удачная охота на медведей в первый год нашего плавания сильно сэкономила нам провизию[3]. Таким образом, мы могли рассчитывать, что у нас хватит провизии еще на год, т. е. по декабрь наступившего 1914 года, конечно, при экономном расходовании ее. Хорошая охота могла бы несколько улучшить наше положение, но ее во второй год не было, и особенно рассчитывать на нее мы не имели права.

Между тем, в январе 1914 года становилось почти очевидным, что нам нечего рассчитывать на освобождение судна от ледяных оков в этом году: дрейф наш обещал затянуться в самом лучшем случае до осени 1915 года, т. е. месяцев на

двадцать, на двадцать два. И это при самых благоприятных условиях. Таким образом, если бы мы оставались все на судне, то в январе 1915 года у нас должен быть уже голод в буквальном смысле слова. Голод среди полярной ночи, т. е. в такое время, когда не может быть даже и надежды на охоту, когда замирает всякая жизнь в безбрежной дрейфующей ледяной пустыне.

С другой стороны, если бы в апреле месяце наступившего 1914 года половина всего экипажа «Св. Анны» решилась уйти с судна, чтобы в самое благоприятное для путешествия и охоты время достигнуть земли, и даже взяла бы с собой при этом на два месяца самой необходимой провизии, главным образом сухарей, то для другой половины экипажа, оставшейся на судне, провизии должно было хватить уже до октября месяца 1915 года. А в это время мы тогда считали уже возможным освобождение судна от ледяных оков, где-нибудь между Гренландией и Шпицбергеном.

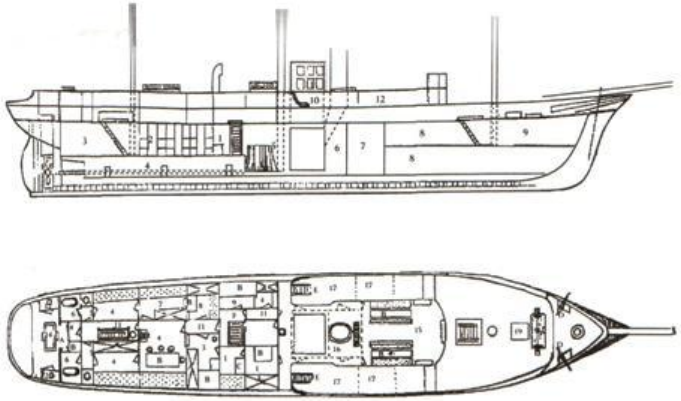

Дрейф "Св. Анны" и плавание "Св. Фоки", 1912-1914 гг.
The drift St. Anna, and the sailing of St. Fok, 1912-1914
ЗЕМЛЯ ФРАНЦА ИОСИФА
Земля Александры
Земля Вильчека
Земля Георга
Земля Принца Георга
Земля Принца Уэльского
Земля Короля Оскара II
Земля Короля Карла
Земля Короля Фредерика VIII
Земля Короля Оскара
Земля Петермана
Земля Греэм Белл
Земля Зичи
Земля Альджер
Земля Рудольфа
Земля Гукера
Земля Мери Гермионы
Земля Лофлей
Земля Гранта
Земля Нансена
Земля Вуттона
Земля Джексона
Земля Вуттона
Земля Вуттона
Земля Вутт

Топливом в это время служило сало медведей и тюленей, которых удавалось убивать, и к этому салу прибавляли машинное масло. На растопку и на согревание самовара шло дерево, которое получали, ломая бесчисленные перегородки, каютки и другие несущественные части судна. Такого дерева можно было получить еще довольно, не принося ущерба крепости судна. В течение зимы 1913/14 года весь экипаж помещался в кормовой части судна, в двух помещениях: в верхнем, устроенном в кожухах, наиболее легком и холодном, и в нижнем, где была устроена и кухня. Это нижнее помещение было теплое и отапливалось одной кухонной плитой. С уходом половины экипажа являлось возможным всем остающимся поместиться внизу, а верхнее помещение отапливать. Это, конечно, было и экономнее и безопаснее для здоровья, так как в верхнем помещении зимой редко удавалось держать температуру выше -2°R ночью и +4°R[4] днем. Теперь, кажется, ясны причины, побудившие меня с частью команды покинуть судно, а лейтенанта Брусилова отпустить нас.

Сборы в санную экспедицию

К своему путешествию я начал готовиться 10(23) января 1914 года. Работы было много. Надо было сделать семь каяков[5], семь нарт, сшить или исправить одежду, сапоги, готовить провизию и пр. и пр. Неимение с собой необходимого материала и даже некоторых инструментов сильно осложняло дело. Для каяков и нарт приходилось выбирать лес далеко не доброкачественный, пилить его, делать медные заклепки и даже инструменты. Кроме заклепок, все соединения каяков скреплялись бензелями[6] и весь остов оплетался сеткой из тонкой, но крепкой бечевки. Когда остов был готов, его обшивали парусиной, на что пошли запасные паруса. Все эти работы производились в трюме на холоде до 30°R[7] при свете жировых светилен, от которых было больше копоти, чем света. В большинстве случаев работать приходилось, несмотря на страшный холод, голыми руками, так как сама работа была мелкая, кропотливая, руки поминутно стыли, и мы их отогревали над «коптилками». В особенности мучительна на холоду была клепка остовов и обшивание их парусиной, когда холодная парусная игла, как раскаленное железо, оставляла волдыри на кончиках пальцев. Даже самые парусные иглы приходилось делать самим, и в конце концов в этой отрасли мы достигли почти искусства. Игла получалась крепкая, чистая, красивая, которую трудно было даже отличить от покупной. Мало-помалу трюм наш стал наполняться остовами каяков и нартами; оживление там царило с раннего утра и до поздней ночи, все были настроены бодро, шутили и пели песни. Каждый каяк первоначально рассчитывался на двух человек, не считая поклажи. Каждый давал своему каяку название: тут были «Чайка»,

«Нырок», «Пунога», «Чирок», «Глупыш» и пр. Некоторое затруднение встретилось при окраске, так как в трюме на холоду красить было нельзя. Тогда был снят световой люк на юте, и через него все каяки но очереди были опущены в нижнюю кухню, где и были окрашены. С неделю в кухне можно было ходить только сильно согнувшись, почти на четвереньках. В марте месяце у носа судна образовалась во льду трещина, которая скоро расширилась до двух сажен. В этой полынье была произведена проба всех каяков, оказавшаяся очень удовлетворительной. Каяки были поместительны и устойчивы. Конечно, материал для каяков был далеко не удовлетворительный и не такой, какой был бы желателен, а какой имелся налицо. Для продольных реек каяков употребляли ободранную обшивку потолка из палубной кают-компании. Это была старая, пересохшая ель, от которой, конечно, нельзя было ожидать особенной гибкости и упругости. На «шпангоуты» каяков большею частью пошли обручи с бочек, и только часть их была сделана из снятых с мачт и распиленных вдоль деревянных ракс[8]. Поэтому-то и приходилось остовы каяков оплетать сеткой, чтобы придать им большую прочность. С материалом для нарт дело было еще хуже. На полозья употребили столешницу от буфетного стола. Столешница эта была хотя и березовая, но тоже достаточно старая и хрупкая. Многие полозья из этой столешницы полопались еще при загибании, почему пришлось часть полозьев сделать из ясеневых весел. При выборе материала для каяков и нарт несколько раз у меня были столкновения с Георгием Львовичем, столкновения дикие, о которых мне и сейчас неприятно вспоминать. Почему-то он был уверен, что путь нам предстоит небольшой, несерьезный. Не раз он говорил мне, что пройдет не более пяти-шести дней нашего пути, как мы уже будем в виду берегов Земли Франца-Иосифа.



«Св. Анна». Верхний план: 1. Зимний камбуз; 2. Каюта на 18 человек; 3. Неиспользуемое помещение; 4. Коридор; 5. Машинное отделение; 6.Котельная; 7. Угольная; 8. Трюмы; 9.Кубрик; 10. Передний камбуз; <...> 12. Полуют для лоцмана или штурмана. Нижний план: 1. Каюта капитана; 2. Каюта штурмана; 3. Кают-компания; 4. Свободная каюта; 5. Туалеты; 6. Душевая; 7. Каюта Е.А. Жданко; 8. Каюта гарпунера; 9. Мастерская; 10. Машинное отделение; 11. Коридор; 12. Вход в трюм; 13. Задние туалеты; 14. Винтовая лестница; 15. Большая кают-компания переоборудованная в продовольственный склад; 16. Котельная; 17. Угольный трюм; <...> 19. Спуск в кубрик; A. Шкаф для одежды; B. Стол; C. Комод; D. Гарпунные пушки; E. Трапы; F. Плавильная печь

Наши заботы о прочности нарт и каяков он считал чрезмерными. Он даже долго отстаивал свою мысль, что для предстоящего пути не следует нам делать легких парусиновых каяков, а надо взять с собой обыкновенную промысловую тяжелую шлюпку. В доказательство он ссылался на экспедицию лейтенанта Де Лонга[9]. Не скажу, чтобы и я смотрел на свой предстоящий поход так оптимистически. Правда, я не ожидал тогда такого тяжелого пути, какой был на самом деле, но около месяца пути я ожидал. Путь с тяжелой шлюпкой, поставленной на нарты, в которую к тому же придется наложить всякого груза около 60 пудов, я считал невозможным. Мы тогда не были даже уверены в своем месте, где мы находимся и где мы должны встретить землю. На судне у нас не было карты Земли Франца-Иосифа. Для нанесения своего дрейфа мы пользовались самодельной (географической) сеткой, на которую я нанес увеличенную карточку этой земли, приложенную к описанию путешествия Нансена[10]. Про эту предварительную карточку сам Нансен говорит, что не придает ей серьезного значения, а помещает ее только для того, чтобы дать понятие об архипелаге Земля Франца-Иосифа. Мыс Флигели на нашей карте находился на широте 82°12′. К северу от этого мыса у нас была нанесена большая Земля Петермана, а на северо-запад — Земля короля Оскара[11]. Каково же было наше недоумение, когда астрономические определения марта и первых чисел апреля давали наши места как раз на этих сушах и в то же время только бесконечные ледяные поля по-старому окружали нас. Ничто не

указывало на присутствие близкой земли, даже медведи, которых за прошлый год мы убили 47 штук, в этом году не показывались. Не видно было обычных в прошлом году полыней и «разводьев», нигде не видно было и так называемого «водяного неба»[12], указывающего на присутствие этих полыней за горизонтом. Горизонт был ясный, лед медленно, спокойно совершал свой путь и все предвещало нам долгую трудную дорогу по торошенному льду, с глубоким снегом.

Правда, в январе месяце, когда южная часть неба только что начала розоветь, многие из нас и я сам видели на этом розовом фоне неба нечто похожее на землю, должно быть, очень отдаленную. Видно ее было в течение нескольких часов; глубина в это время резко уменьшилась, а около судна бегало много песцов. Это мог быть мыс Флигели на Земле кронпринца Рудольфа[13]. Но с тех пор прошло уже много времени, нас отнесло далеко и продолжало относить все дальше.

Надеясь увидать где-нибудь хотя отдаленную землю, я перед уходом с судна, когда наступили ясные солнечные дни, часто лазил в обсервационную бочку, укрепленную на грот-мачте на высоте 80 футов; но напрасно я всматривался в горизонт: нигде не мог заметить ничего, кроме бесконечных торосов. Зато торосов было много: горизонт на юге, куда предстояло нам отправиться, в сильную подзорную трубу представлялся в виде сплошного частокола, через который, казалось, и не продерешься с нашей поклажей более чем в 60 пудов. Но, конечно, это только казалось издали, на самом же деле проход был, пробраться было можно, но каковы были эти проходы и какова вообще была вся дорога, это мы узнали только впоследствии. В то же время мы предполагали проходить в день не менее 10 верст.

В тихую ясную погоду приятно посидеть в обсервационной бочке на высокой мачте. Чуть слышно шепчет ветерок в снастях, покрытых серебристым пушистым инеем. Как в белом одеянии, лежит и спит красавица «Св. Анна», убранная прихотливой рукой мороза и по самый планширь засыпанная снегом. Временами гирлянды инея срываются с такелажа и с тихим шуршанием, как цветы, осыпаются вниз на спящую. С высоты судно кажется уже и длиннее. Стройный, высокий, правильный рангоут его кажется еще выше, еще тоньше. Как светящиеся лучи бежит далеко вниз заиндевевший стальной такелаж, словно освещая заснувшую «Св. Анну». Полтора года уже спокойно спит она на своем ледяном ложе. Суждено ли тебе и дальше спокойно проспать тяжелое время, чтобы в одно прекрасное утро незаметно вместе с ложем твоим, на котором ты почила далеко в Карском море у берегов Ямала, очутиться где-нибудь между Шпицбергеном и

Гренландией? Проснешься ли ты тогда, спокойно сойдешь с своего ложа, ковра-самолета, на родную тебе стихию-воду, расправишь широкие белые крылья свои и радостно полетишь по глубокому морю на далекий теплый юг из царства смерти к жизни, где залечат твои раны, и все пережитое тобою на далеком севере будет казаться только тяжелым сном?

Или в холодную, бурную, полярную ночь, когда кругом завывает метель, когда не видно ни луны, ни звезд, ни северного сияния, ты внезапно будешь грубо пробуждена от своего сна ужасным треском, злобным визгом, шипением и содроганием твоего спокойного до сего времени ложа, с грохотом полетят вниз твои мачты, стеньги и реи, ломаясь сами и ломая все на палубе?

В предсмертных конвульсиях затрещат, ломаясь, все суставы твои и через некоторое время лишь кучи бесформенных обломков да лишний свежий ледяной холм укажут твою могилу. Вьюга будет петь над тобой погребальную песню и скоро запорошит свежим снегом место катастрофы. А у ближайших ропаков[14] кучка людей в темноте будет в отчаянии спасать что можно из своего имущества, все еще хватаясь за жизнь, все еще не теряя надежды…

Да любопытно, что-то ждет тебя, «Св. Анна»? А пока ты еще хороша! Пусть там, внутри тебя уже началось разрушение, но оно незначительно пока. Это даже нельзя назвать разрушением. С болью в сердце отрывается каждая доска от бесчисленных переборок твоих. Кучка людей все теснее и теснее сбивается в глубине твоего трюма, отчаянно отбиваясь от беспощадной суровой стихии. Одна забота у них: как можно дольше растянуть провизию.

Прошла вторая суровая зима. Нет больше бесконечных полярных ночей, нет темноты. С каждым днем солнце дольше и дольше остается над горизонтом, с каждым днем оно сильнее согревает, с каждым днем крепнут надежды у этой кучки людей, борющихся за жизнь. С утра до вечера хлопотливо бегают они от судна к каким-то странным повозочкам, стоящим около него в ряд, что-то прилаживают, что-то подгоняют. Если присмотреться внимательно, то эти повозочки, оказывается, состоят из двух частей: длинных, узких саней-нарт, на высоких копылах, на которых плотно, на подушках, установлены легкие парусиновые каяки, лодочки. Эти каяки служат кузовами повозочек. Каяки окрашены в черный цвет, что придает несколько мрачный вид им, и только боковые парусиновые «полки», которые плотно облегают каяки, несколько оживляют вид. Эти «полки» пришнурованы нижними сторонами к нащепам нарт, а верхними сторонами стянуты между собой поверх каяка так, что с одной стороны они

крепко прижимают каяк к подушкам нарт, а с другой — защищают борта каяков от ударов о выступы ледяных глыб.

Все озабочены, все заняты. Остающаяся команда тоже принимает деятельное участие в наших сборах: кто портняжничает, кто сапожничает, а кто готовит и упаковывает провизию. Денисов, наш милейший гарпунер-китобой, волнуется и хлопочет больше всех, хотя он остается на судне. Георгий Львович, Ерминия Александровна и Шленский заняты другим делом: они пишут. Боже мой! Что они пишут с утра до вечера вот уже целую неделю? Мне иногда становится страшно, каких размеров, какого веса дадут они нам почту отсюда в тот далекий мир, от которого мы так давно отрезаны, в тот мир, где люди живут и настоящим, а не только прошедшим и будущим, как у нас на «Св. Анне». Но, к моему удивлению, почта оказалась очень невелика, не более 5 фунтов.

Провизия наша не отличалась особенным разнообразием. Сухари перед упаковкой были второй раз тщательно просушены. Паковались они в двадцатифунтовые мешки, которые зашивались. Взяли мы с собой одну из трех, имевшихся на «Св. Анне» палаток. Палатка эта была большая, круглая и сравнительно с нансеновской очень тяжелая: около полутора пудов. Впоследствии, когда она намокла и намерзла, с нею было очень много возни и ей не суждено было уцелеть до Земли Франца-Иосифа. Но, во всяком случае, в первой половине путешествия она нам оказала неоценимые услуги, защищая от холода и от вьюги. Без нее нам было бы очень плохо. Из оружия мы взяли с собой: 2 магазинки, 3 промысловые норвежские винтовки, 1 двустволку-дробовик и 2 гарпуна, патронов разных — около 3 пудов. Если сюда еще прибавить теплую одежду, топоры, инструменты, посуду, лыжи, починочный материал и пр., то выйдет, что, не считая веса каяков и самих нарт, нам предстояло тащить груза до 65 пудов.

Первоначально мы предполагали тащить каждые нарты по два человека. У каждого человека была своя лямка, сшитая из парусины, к которой прикреплена была манильская веревка. Лямку надевали наискось на грудь через плечо, а веревку привязывали за последний или предпоследний задний копыл нарты так, чтобы тянувший приходился у форштевня каяка и одной рукой мог поддерживать каяк у форштевня, направляя в то же время нарту куда надо, а другой рукой опирался бы на лыжную палку. Один становился по правую сторону каяка, а другой по левую. Конечно, так идти было бы очень удобно, если бы наш путь не был изрезан сплошь торосами, и если бы мы в снегу не увязали выше колен. Но, увы, мы очень скоро убедились,

что такой способ передвижения на практике невозможен. Много, очень много времени прошло до тех пор, пока мы были в силах идти так, т. е. таща каждые нарты по два человека.

Как я уже говорил, на «Св. Анне» не было нужных нам теперь карт. Пришлось их изготовить, пользуясь все той же картой Нансена. Не было у нас никакой специальной литературы, кроме Нансена и одной книги Колчака «Льды Карского и Сибирского морей». Хотя перед отправлением нашим в экспедицию Георгий Львович купил за несколько сот рублей небольшую библиотечку, но там были романы, повести, рассказы, старые журналы, но ни одной нужной нам книги. Немудрено, что все наши сведения о Земле Франца-Иосифа — были почерпнуты только у Нансена. Знали мы, что почти двадцать лет тому назад через этот архипелаг прошли Нансен с Иогансеном, что они перезимовали в очень мрачной хижине на острове, который назвали островом Джексона, что на следующий год на острове Нортбрук, на мысе Флора, они встретились с Джексоном[15], который, кажется, очень недурно там устроился и провел несколько зим. Знали, что когда-то на этом мысе были хорошие постройки, но был ли там кто-нибудь после Джексона, уцелели ли там его постройки, был ли там оставлен склад провизии, этого мы ничего не знали. Помнили, что Нансен хвалит охоту на этом мысе и вообще на Земле Франца-Иосифа, ожидали там встретить таких моржей, которых хоть палкой бей по морде, а они не хотят проснуться; одним словом, мы знали то, что можно было узнать из краткого описания путешествия Нансена, которое было у нас. Зато эта книжка была у меня настольной. Я ее прочел несколько раз и многие места знал наизусть. Но мало того, так как эта книжка могла пригодиться на «Св. Анне», а взять ее с собой я не мог, то из нее у меня были переписаны в записную книжку те места, в которых Нансен описывает свой путь по этой земле, различные приметные места, по которым я мог бы ориентироваться. Конечно, это мне пригодилось бы, если бы я попал на путь Нансена. В ту же записную книжку у меня были записаны склонения солнца и уравнения времени на полтора года. Так как на судне у нас не было Наутикаль-Альманаха[16] на 1914 год, то эти выборки мы сделали из одного специального английского издания, случайно оказавшегося в куче различных лоций и старых карт, купленных вместе с судном у прежнего владельца. Но ведь с Земли Франца-Иосифа нам предстоял еще путь к Шпицбергену. Насчет этой земли наши познания были еще слабее. В том английском издании, откуда выбрал я склонение солнца и уравнение времени, опять же случайно, мы нашли около 10 или 12 пунктов Шпицбергена с обозначением их широты и

долготы. Эти пункты и были нанесены мною на приготовленную соответствующую сетку. Что из себя изображал каждый из этих пунктов, был ли он островом, мысом, горой или губой, этого мы не знали и это должно было показать будущее. Пока же все они были нанесены на сетку крестиками и наша фантазия могла соединять эти пункты совершенно произвольными линиями.

Кроме указанных сведений о Земле Франца-Иосифа мы еще знали, что Британским каналом[17] лет четырнадцать тому назад прошло судно герцога Абруццкого «Стелла Поларе»[18], а в 1912 году лейтенант Седов предполагал высадиться на каком-то из этих островов, после чего судно должно было вернуться в Архангельск, а он отправиться к полюсу.

Накануне нашего выступления в поход Георгий Львович позвал меня к себе и прочитал мне черновик составленного им предписания мне. Вот это предписание, сохранившееся у меня и посейчас:

«10 апреля 1914 года

Штурману Вал. Ив. Альбанову

Предлагаю Вам и всем нижепоименованным, согласно Вашего и их желания покинуть судно, с целью достижения обитаемой земли, сделать это 10-го сего апреля, следуя пешком по льду, везя за собой нарты с каяками и провизией, взяв таковой с расчетом на два месяца. Покинув судно, следовать на юг до тех пор, пока не увидите земли. Увидев же землю, действовать сообразно с обстоятельствами, но предпочтительно стараться достигнуть Британского канала, между островами Земли Франца-Иосифа, следовать им, как наиболее известным, к мысу «Флора», где я предполагаю, можно найти провизию и постройки. Далее, если время и обстоятельства позволят, направиться к Шпицбергену, не удаляясь из виду берегов Земли Франца-Иосифа. Достигнув Шпицбергена, представится Вам чрезвычайно трудная задача найти там людей, о месте пребывания которых мы не знаем, но надеюсь на южной части его — это Вам удастся, если не живущих на берегу, го застать где-нибудь промысловое судно. С Вами пойдут, согласно их желания, следующие тринадцать человек из команды — старший рулевой Петр Максимов, матросы Александр Конрад, Евгений Шпаковский, Ольгерд Нильсен, Иван Луняев, Иван Пономарев, Прохор Баев, Александр Шахнин, Павел Смиренников, Гавриил Анисимов, Александр Архиреев, машинист Владимир Губанов, кочегар Максим Шабатура[19].

Капитан судна «Св. Анна»

Лейтенант Брусилов.

Место судовой печати.

10 апреля 1914 г. в Северном Ледовитом океане

φ = 82°55′5 N-ая; λ = 60°45′ O-ая»

Вот тот официальный документ, на основании которого я должен был выступить во главе части команды шхуны «Св. Анна».

В этот же день всем нам был произведен подсчет заработанным деньгам, которые нам должен был уплатить действительный владелец судна, давший деньги на экспедицию, московский землевладелец генерал-лейтенант Б. А. Брусилов. В правильности подсчета мы все расписались.

Уже поздно вечером Георгий Львович в третий раз позвал меня к себе в каюту и прочитал список предметов, которые мы брали с собой и которые, по возможности, мы должны были вернуть ему: Вот этот список, помещенный на копии Судовой Роли:

2 винтовки Ремингтон, 1 винтовка норвежская, 1 двухствольное дробовое ружье центрального боя, 2 магазинки шестизарядные, 1 механический лаг, из которого был сделан одометр[20], 2 гарпуна, 2 топора, 1 пила, 2 компаса, 14 пар лыж, 1 малица[21] 1-го сорта, 12 малиц 2-го сорта, 1 совик, 1 хронометр, 1 секстан, 14 заспинных сумок, 1 бинокль малого размера.

Георгий Львович спросил меня, не забыл ли он что-нибудь записать. По правде сказать, при чтении этого списка я уже начал чувствовать знакомое мне раздражение, и спазмы стали подступать к моему горлу. Меня удивила эта мелочность. Георгий Львович словно забыл, какой путь ожидает нас. Как будто у трапа судна будут стоять лошади, которые и отвезут рассчитавшуюся команду на ближайшую железнодорожную станцию или пристань. Неужели он забыл, что мы идем в тяжелый путь, по дрейфующему льду, к неведомой земле, при условиях худших, чем когда-либо кто-нибудь шел? Неужели в последний вечер у него не нашлось никакой заботы поважнее, чем забота о заспинных сумках, топорах, поломанном лаге, пиле и гарпунах? Мне казалось тогда, что другие заботы сделали его в последний день несколько вдумчивее, серьезнее…[22] Я сдержал себя и напомнил Георгию Львовичу, что он забыл записать палатку, каяки, нарты, кружку, чашки и ведро оцинкованное. Палатка была записана сейчас же, а посуду было решено не записывать. «Про каяки и нарты я тоже не пишу, — сказал он, — по всей вероятности, они к концу пути будут сильно поломаны, да и доставка их со Шпицбергена будет стоить дороже, чем они сами стоили в то время. Но если бы Вам удалось доставить их в Александровск[23], то сдайте их на хранение исправнику». Я согласился с ним.

Сильно возбужденный, ушел я от командира вниз. По дороге остановил меня Денисов вопросом, где я буду вскрывать почту: в России или в Норвегии? Это было для меня последней каплей, и я

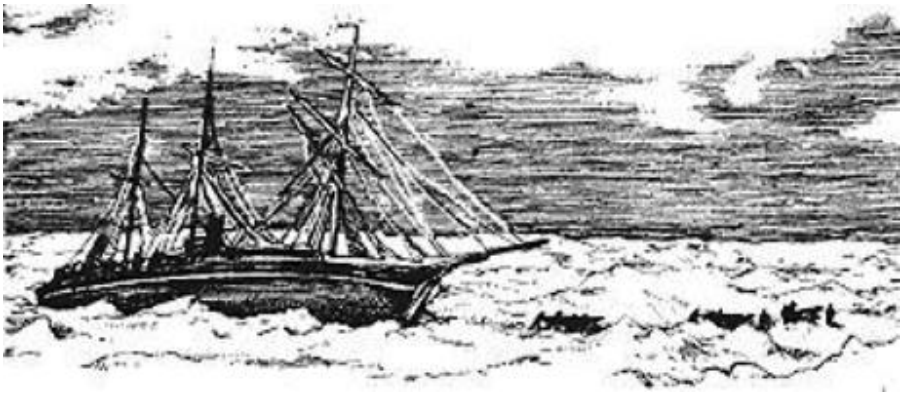
уже не выдержал: наговорил ему целую кучу дерзостей и посулил за первыми ропаками побросать в полынью и почту, и сумки, и пилу, и чашки с кружками, так как далеко не уверен, доберусь ли я до почтового поезда в России или в Норвегии. Денисов удивленно вытаращил на меня глаза и грустный ушел к себе. Мне стало стыдно за свою вспышку. Денисов спрашивал меня потому, чтобы знать, как писать адрес на письме жене своей в Норвегию, но он попал в неудачную минуту. Денисова я любил более других. Он всегда со мною был такой предупредительный, так всегда охотно помогал мне, без всякой даже просьбы с моей стороны, так старательно и горячо принимал участие в моих сборах. За что я обидел его? Я послал попросить его вниз и извинился перед ним, объяснив причину моей вспышки, растолковал ему, что не знаю сейчас, куда удастся нам попасть: в Россию или в Норвегию. Но обещал ему, что во всяком случае, куда бы я ни попал, постараюсь, чтобы почта вся дошла до своего назначения.

Денисов ушел примиренный.

Сумерки уже сгущались в темном помещении. Все укладывались спать. Грустно, тоскливо сделалось, мне. Как будто я уже очутился среди безграничных полярных полей, без возврата назад и с неизвестностью впереди. В тот памятный для меня мрачный вечер, накануне моего ухода с судна, я уже с тревогой перебирал в уме своих спутников. Я сомневался и тогда в их здоровье и выносливости. Одному из них уже было 56 лет, все почти жаловались на ноги, а у одного даже открылись на них раны, у другого была грыжа, у третьего болела сильно грудь, и кашель не давал ему спать всю зиму, у всех была сильная одышка и сердцебиение.

Да, тоскливо, одиноко чувствовал я себя в тот поздний вечер. Я думаю, это было предчувствие чего-то тяжелого, неотвратимого.

Последний день на «Святой Анне»



Но вот настал, наконец, день нашего отправления «домой». Давно я ждал наступления этого дня, готовился к нему, торопился с приготовлениями к отходу, но странно, когда наступил этот долгожданный день, мне стало жалко расставаться со «Св. Анной», жалко было покинуть ее далеко на севере, в беспомощном положении.

Я сжился с этим судном и полюбил его. Если я испытал много лишений и неприятностей на нем, то видел зато много и хорошего, в особенности в первое время нашего плавания. Хорошие у нас у всех были отношения, бодро и весело переносили мы наши неудачи. Много хороших вечеров провели мы в нашем чистеньком еще в то время салоне, у топившегося камина, за самоваром, за игрой в домино. Керосину тогда было еще довольно, и наши лампы давали много света. Оживление не оставляло нашу компанию, сыпались шутки, слышались неумолкаемые разговоры, высказывались догадки, предположения, надежды. Лед южной части Карского моря не принимает участия в движении полярного пака[24], это общее мнение. Поносит нас немного взад и вперед в продолжение зимы, а придет лето, освободит нас и мы пойдем на Енисей. Георгий Львович съездит в Красноярск, купит, что нам надо, привезет почту, мы погрузим уголь, приведем все в порядок и пойдем далее. «Св. Анна» еще постоит за себя: судно хорошее, во всяком случае лучше разных «Нимвродов» и «Мучеников фок»[25]. Немного, правда, холодновато наше помещение, но мы его устроим. Уголь возьмем на острове Диксона, а поедет Георгий Львович на нашем моторе[26], чтобы не терять времени на ожидание парохода. Так или иначе, во Владивосток мы придем.

Может быть, конечно, мы потеряем лишний год, но что же из этого? «Зверобойное» судно должно заниматься промыслом, мы и будем им заниматься, благо в Сибирском море моржей видимо-невидимо. Таковы были наши планы, наши разговоры у самовара в салоне за чистеньким столом. «Наша барышня», Ерминия Александровна, сидела «за хозяйку» и от нас не отставала. Ни одной минуты она не раскаивалась, что «увязалась», как мы говорили, с нами. Когда мы шутили на эту тему, она сердилась не на шутку. При исполнении своих служебных обязанностей «хозяйки» она первое время страшно конфузилась. Стоило кому-нибудь обратиться к ней с просьбой налить чаю, как она моментально краснела до корней волос, стесняясь, что не предложила сама. Если чаю нужно «было Георгию Львовичу, то он предварительно некоторое время сидел страшно «надувшись», стараясь покраснеть, и когда его лицо и даже глаза наливались кровью, тогда он очень застенчиво обращался: «Барышня, будьте добры, налейте мне стаканчик». Увидев его «застенчивую» физиономию, Ерминия Александровна сейчас же вспыхивала до слез, все смеялись, кричали «пожар» и бежали за водой.

Но это было давно, еще в первую половину первой нашей зимовки, в начале дрейфа. Тогда «Св. Анна» была еще такой чистенькой, такой нарядной, какой стояла в Петербурге у Николаевского моста, когда предлагалось желающим прокатиться на ней вдоль берегов Сибири «по стопам Норденшельда». Еще свежа была белая краска на ее стенах и потолках, как зеркало блестело полированное красное дерево ее мебели и великолепные ковры украшали полы ее кают.

Кладовые и трюм были битком набиты всевозможным провиантом и деликатесами. Чего только там не было? Орехи, конфеты, шоколад, фрукты, различные консервированные компоты, ананасы, ящики с вареньем, печенье, пряники, пастила и много, много другого, вплоть до самого существенного, до консервированного мяса и целых штабелей муки и крупы.

Но мало-помалу «Св. Анна» начала терять свой нарядный вид, мало-помалу начали пустеть ее кладовые, и трюм. Пришлось заделать досками световые люки, вставить вторые рамы в иллюминаторы или просто заколотить их, пришлось перенести койки от бортов, чтобы ночью одеяло и подушка не примерзли к стене. Пришлось сделать вторую обшивку с прокладкой войлока и толя на потолки, пришлось подвесить тазы, чтобы с отпотевающих потолков вода не бежала на койки, и столы. Там и здесь появились куски парусины, приколоченные для той же цели. Вышел весь керосин, и для освещения уже давно стали пользоваться жестяными баночками, в которых в тюленьем или

медвежьем жиру горели светильни.

Это «коптилки». От них очень мало свету, во всяком случае меньше, чем копоти. Зимой, когда температура в помещении колеблется от -2°R ночью до +4°R днем, когда воздух в помещении сырой, промозглый с вечно носящеюся в нем копотью, эти «коптилки» не в силах разогнать целыми месяцами царящего мрака. Они дают только небольшой круг света на стол, а за этим кругом тот же мрак. При входе в помещение вы видите небольшое красноватое пятно вокруг маленького, слабого, дрожащего огонька, а к этому огоньку жмутся со своей работой какие-то силуэты. Лучше пусть остаются они «силуэтами», не рассматривайте их… Они очень грязны, сильно закоптели… Мыло у нас уже вышло, пробовали варить сами, но неудачно. Пробовали мыться этим самодельным мылом, но не рады были: не удалось соскоблить с физиономии эту «замазку». Бедная «наша барышня», теперь, если вы покраснеете, этого не будет видно под копотью, покрывающей ваше лицо!

Но на что похожи стены нашего салона и наших кают! По углам везде лед и иней, постепенно утончающийся по мере удаления от бортов. Это самые чистые уголки: тут копоти нет, тут вы можете видеть причудливую игру самоцветных камней, светящихся даже при свете «коптилок». Но далее уже хуже: благодаря вечным подтекам воды, вечной сырости, краска пластами отстает от дерева и грязными закоптелыми лохмотьями висит по стенам. Под ними видно промозглое, потемневшее дерево, скользкое от сырости и плесени.

Но со всею этой копотью, со всею этой грязью, сыростью и холодом мы свыкались постепенно за полтора года. Благодаря этой постепенности, она не резала нам глаза, мы к ней привыкли. Потому-то мне и было жалко оставлять «Св. Анну» в то последнее утро, когда я проснулся в своей каюте. Как много воспоминаний было связано с каждой вещью в этой каюте, в которой я прожил полтора года! Как много я пережил в ней и передумал! Сам я придумывал, как выгоднее провести из нижней кухни эту дымовую трубу, чтобы она согревала возможно больше помещений, сам я придумывал и приспосабливал эту жировую «лампу-патент», которая, тем не менее, покрыла мои стены изрядным слоем сажи. В этой каюте, в последнее время в особенности, я жил совершенно отдельной жизнью. «Там», за стеной, жили «они» своей жизнью и оттуда только временами долетали до меня отголоски «их» жизни, а «здесь» жил «я» своей жизнью и отсюда к «ним» ничто не долетало. Последнее время моя каюта крепко держала в своих стенах все мои планы, опасения и надежды.

Но надо приниматься за дело. Выступление наше назначено было вечером 10 апреля. Я вышел на палубу, погода была на редкость хороша: первый настоящий весенний день в этом году. Тихо, не шелохнет. На небе ни облачка. Солнце начинает заметно припекать, а на темных покрышках каяков снег даже таять начал. Взяв секстан и часы, я с помощью Денисова, заметившего моменты, взял высоты солнца. В полдень удалось взять хорошую меридиональную высоту, и я получил наше место широта =82°58,5' N-ая и долгота =60°5′ O-ая. Тем временем мои спутники перетащили все каяки на правую сторону, выстроив их вереницей у сходни носами на юг. Мой каяк стоял головным.

Оказалось, что в три часа был назначен общий прощальный обед. Это, кажется, была мысль нашего стюарта Регальда и повара Калмыкова, нашего неунывающего поэта и певца. Он уже с утра готовится к нему и постарался не ударить лицом в грязь, оставив даже на время свою тетрадку со стихотворениями, с которой в обычное время никогда не разлучается. В нижнем же помещении стюарт накрывает столы, расставляет приборы, устанавливает скамейки, стараясь, чтобы обед был попараднее. А наверху все пишут, пишут и пишут…

Подошло время обеда. Все разместились, сел и я, по своему обыкновению в стороне, со своими спутниками.

Командир что-то задержался наверху. Настроение у всех, по-видимому, неважное, тоскливое, но все стараются его скрывать. Сквозь шутку, сквозь деланный смех проглядывает грусть разлуки и тревога как за уходящих, так и за остающихся. Остающиеся высказывают опасения, что тяжело будет тянуть по такому пути двоим нарты с общим грузом в 10 пудов, но уходящие храбрятся. Решено было, что до первой ночевки нас пойдут провожать все и будут помогать тянуть нарты. Каждый брался помогать определенно одной какой-нибудь паре, к кому проявлялись наибольшие дружба и симпатия. При выборе этого провожатого, конечно, не последнюю роль играла и физическая сила, и потому каждый старается похвалиться своим провожатым или «буксиром», который должен вывести его «из тихой гавани в открытом море». «Этот попрет. Вон у него какая ряжка». Ряжкой называют более или менее расплывающуюся физиономию провожатого. Со мной идет китобой Денисов, и его действительно здоровая краснощекая физиономия была, кажется, предметом зависти некоторых моих спутников. Но они делают равнодушное лицо и критикуют: «Ничего, что «ряжка» толста, зато кишка тонка». Заводится граммофон. Особенным успехом в последнее время пользуются пластинки: «Сойди на берег…» и «Крики чайки белоснежной…» Эти пластинки за четыре дня пасхальной недели

ставятся, кажется, сотый раз. Всем они надоели, но, тем не менее, мотивы эти так и напрашиваются сами, так и сверлят мозг. У всех бывают, я думаю, такие мотивы, которые обязательно наводят вас на какое-либо определенное воспоминание. Эти воспоминания как бы неразрывно связаны с мотивом. Упомянутые пластинки всегда нам напоминали начало нашего плавания, когда мы, полные самых розовых надежд, веселые, огибали берега Норвегии, когда, даже попав в ледяную западню, долго не падали духом, когда наш повар-поэт, набрав хор, целыми днями распевал сочиненную им большую поэму, которую, к сожалению, я не помню сейчас. Он очень уверенно говорил, что:

Под флагом матушки России
Мы с капитаном в путь пойдем.
И обогнем брега Сибири
Своим красавцем кораблем…

Наконец-то сходит вниз и Георгий Львович. Начинается обед: Ерминия Александровна разливает суп и угощает. Все сильно проголодались, так как привыкли обедать в 12 часов, а сейчас уже скоро 4 часа. Иногда кто-нибудь вымолвит слово, попробует пошутить, но, не встретив поддержки, замолкает.

Остающиеся особенно предупредительны с нами, уходящими, и усердно угощают то тем, то другим. Ведь это наш последний обед на судне, за столом, как следует сервированным. Придется ли уходящим еще когда-нибудь так роскошно обедать, а если и придется, то всем ли? Обед проходит молча и грустно: все чувствовали себя не в своей тарелке. Как будто исполняя какую-то повинность, сидели мы все за этим парадным прощальным обедом.

Я поторопился наверх, чтобы взять еще высоту солнца, так как горизонт начинал закрываться мглой. Солнце было красное, и все предвещало перемену погоды. Нанеся наше место на свою карту, я отнес ее, хронометр, секстан и остальные пожитки в каяк. Брал я с собой кроме того, что было на мне, еще две пары белья, остальное же все платье и белье раздал остающимся: мне это уже не понадобится. Взял я последнюю маленькую вещицу и положил ее в боковой карман: это была маленькая иконка Николая чудотворца. Моя каюта приняла пустой, нежилой вид. Бросив последний прощальный взгляд на нее, я вышел на лед. Все мы были одеты подорожному: высокие сапоги, у кого кожаные, у кого тюленьи, а у иных и с парусиновыми голенищами. Все в парусиновых брюках и рубахах поверх теплой одежды и в шапках с наушниками.

Интересную картину представляли эти люди, собравшиеся в путь, с лямками через плечо и лыжными палками в руках, и

каяки, длинной вереницей вытянувшиеся по направлению на юг. Темные корпуса каяков, с приподнятыми носами, с белыми парусиновыми «полками» по бокам напоминали вереницу уток, собравшихся лететь в теплые края. Так и казалось, что сейчас они взмахнут этими белыми крыльями и понесутся к югу. Но, увы, их надо было тащить и при этом сильно налегать на лямку плечом! Поверх каяков лежал различный скарб, не поместившийся внутри: весла, лыжи, малицы, ружья, палатка и пр. Возы эти, по правде сказать, были довольно тяжелы. Слишком узки были полозья у нарт, и они врезались глубоко в снег. Денисов уже все нарты попробовал тянуть и только сокрушенно покачивал головой. Но делать нечего. Я не желал пока ничего оставлять из взятого, к тому же это мы всегда успеем сделать. Ничего лишнего мы не брали, и все это нам очень и очень пригодится. Провожать нас идут буквально все, не исключая и Ульки, последней собаки, оставшейся в живых из шести гончих, взятых Георгием Львовичем из имения своего дяди. На судне никого не оставалось. Вышел, наконец, Георгий Львович и встал позади моего каяка, готовясь помогать тащить его. Все стоят и чего-то ожидают… Я снял шапку и перекрестился… Все сделали то же. Кто-то крикнул «ура», все подхватили, налегли на лямки, и мы тихо тронулись в наш далекий путь… В то время ближайшая земля была от нас в 65 милях на S. Это был мыс Флигели на Земле кронпринца Рудольфа. Но нас относило от этой земли неуклонно на север.

На ледяных полях полярного океана

Поскрипывая полозьями, колыхаясь как по волнам, потянулись нарты к виднеющимся на юге ропакам и торосам, между которыми, мы знали, есть ход. Несмотря на хорошую, сравнительно, дорогу и на то, что теперь каждую нарту тянули три человека, а двое нарт тянули по четыре человека, идти было очень тяжело. Мы еще «не втянулись». Через полчаса остановились отдохнуть, оглянулись назад на «Св. Анну» и видим, что отошли недалеко.

Около первых торосов произошла у нас первая поломка полоза. Решили назад не возвращаться. Что мы могли получить там? Как мы могли исправить повреждение? Все необходимое у нас было с собой, и исправить мы могли здесь. Мигом сняли каяк, перевернули нарты, и через 45 минут первая поломка была исправлена. Однако Георгий Львович встревожился и послал двух человек на судно, снять с бизань-мачты две раксы, которые мы должны были взять с собой специально для починки полозьев. Пошли дальше. Вот за торосами скрылась «Св. Анна». Здесь распрощались окончательно с нами и вернулись на судно Ерминия Александровна и Калмыков. Мы же с остальными провожатыми идем далее, по временам останавливаясь отдохнуть. Погода, действительно, начинает портиться. Около 2 часов ночи подул свежий SSO, и началась метель. Решили остановиться. Нарты поставили по очерченному кругу, счистили снег и поставили палатку. В этом маневре мы упражнялись ранее и потому все идет как по-писаному. Как показал наш ходомер, прошли мы за этот первый переход 5 верст. Скоро мы уже все забрались в палатку вокруг нашей жировой печки и пили чай с молоком. Неожиданно для всех Георгий Львович приказал

стюарту достать захваченный с судна шоколад и… бутылку шампанского, каким-то чудом уцелевшую от ящика, подаренного в Петербурге одним доброжелателем, сахарозаводчиком. Это было для всех сюрпризом. На долю каждого пришлось по рюмке шампанского, но дело не в количестве… Во всяком случае мы подняли «бокалы» шампанского на 83° северной широты, так как в это время пересекали эту параллель, и от души пожелали друг другу благополучного возвращения домой.

Поговорив немного о прошедшем, настоящем и будущем, мы сердечно распрощались с остающимися, и они на лыжах вернулись на судно.

Метель тем временем разыгралась не на шутку. Ветер ревел вовсю и потрясал нашу палатку. Забрались мы в малицы, укутали ноги и заснули, как могут спать сильно уставшие люди.

Проснувшись на другой день около 10 часов утра, мы сразу увидели, что о дальнейшем движении сегодня и думать не следует. Сильный S-й ветер так и рвал палатку. Мельчайшая снежная пыль попадала даже в палатку и толстым слоем покрыла наши малицы. Лежа в малицах и пимах, мы не ощущали особенного холода, хотя «на дворе» было не менее -18°R. Но надо было подумать о еде. Пришлось вставать, одеваться и выходить наружу. Большого труда стоило открыть парусиновую «дверь», так как и палатка и каяки были занесены снегом. Ни «Св. Анны» ни даже ближайших ропаков не было видно. Метель свирепствовала такая, что «свету божьего не видно» было. Нарубив пресного льда для чая и достав из каяков все нужное, мы поспешили забраться в палатку и поплотнее зашнуровать за собой «дверь». Развели огонь в нашей походной печке, сварили чай с молоком, подогрели «австралийского» мяса и, насытившись, поспешили опять забраться в свои малицы. Спали мы весь день: погода к этому располагала. Вечером мы проснулись, поговорили, опять закутались и опять завалились спать. Метель не утихала три дня. Идти было невозможно, и это время мы почти целиком провели или лежа в малицах, или закусывая, или во сне. Большинство спало по два человека рядом, засунув нижнюю часть тела в одну малицу, а другую малицу надев на голову и плечи. Хотя при таком способе спанья, действительно, бывает тепло, даже в самое холодное время, но я не любил и редко к нему прибегал. Трудно проспать долгое время неподвижно, не повернувшись на другой бок, и при всяком подобном движении компаньоны такого «спального мешка» неминуемо толкают и беспокоят друг друга. Частенько мне приходилось слышать перебранки таких компаньонов, иной раз едва не доходившие до драки. Конечно, во сне никто не замечает своего «буйного поведения» и всякие

протесты обыкновенно считает необоснованными придирками своего соседа. Но побранившись некоторое время, потолкав достаточно, в отместку, друг друга локтями под бока, повздорившие сонливцы обыкновенно поворачивались друг к другу спинами и продолжали прерванный сон. Чаще всех ссорились два неизменных компаньона, неразлучных друга, Конрад и Шпаковский. Я предпочел спать один, хотя это имеет свои отрицательные стороны в холодное время. Целиком в малицу забраться нельзя. Поэтому приходилось ноги засовывать по возможности глубже в рукава, а голову укутывать теплым пиджаком. При этом иногда бывало холодновато. Так, забравшись в малицы, мы и провели почти целиком три дня, с промежутками для приготовления пищи и для самой еды. Ветер все время дул южный, баллов до 8–9, с сильной метелью. Палатка наша была занесена снегом наравне с каяками. Хотя мы эти дни не двигались «по назначению», но мы утешали себя мыслью, что привыкаем к походной жизни и чувствовали себя в общем недурно. Иногда после ужина можно было даже слышать самые залихватские песни, в которых певцы старалась перекричать завывание метели. Один старик Анисимов, который и на судне всегда жаловался на поясницу и на ноги, теперь совершенно раскис. Решено было отправить его на судно. Двигаться, а тем более тянуть тяжелые нарты, он не мог.

13(26) апреля, вечером, когда метель начала немного утихать, мы были внезапно разбужены от своей спячки криками, песнями и стуками «в дверь». Это пришли с судна Денисов, Мельбарт и Регальд. Оказывается, что они еще вчера делали попытку навестить нас «на новоселье», но едва сами вернулись на судно, сбившись с пути в метели. Они принесли нам в жестяных банках горячей пищи, которую мы сейчас же принялись уплетать с аппетитом. Пришедшие рассказывали, что за эту метель «Св. Анну» совершенно занесло снегом, так что на ют и полубак можно заходить без сходни. Около судна они видели свежие медвежьи следы. Медведь, по-видимому, навестил их совсем недавно. Окончив наш великолепный неожиданный ужин, мы сбросили с себя спячку, встряхнулись и стали откапываться от снега. Две лопаты Денисов захватил с собой с судна. Анисимов был отправлен на судно с Денисовым, и четыре человека моих спутников пошли их провожать, решив на судне переночевать, так как пойдем дальше только завтра.

На другой день после полудня явились с судна Денисов, Мельбарт и Регальд. Регальд пришел со своими вещами, так как вместо старика Анисимова решил идти с нами он. В полдень я взял высоту солнца и был очень смущен, когда у меня получилась

широта 83°17′. Я даже сомневался в правильности своей высоты. Но Регальд принес мне письмо от Георгия Львовича, и в этом письме сообщалось, что наблюдения Георгия Львовича дали сегодня широту 83°18′. Не подлежало сомнению, значит, что за эти четыре дня нас отнесло на север на 20 миль. Георгий Львович в своем письме утешал меня, что если нас подало южным ветром на север, то так же северными ветрами подаст и на юг. Конечно, это справедливо, но все же такая подвижка к северу на 35 верст в то время, как мы своим собственным ходом подвинулись на юг только на 5 верст, мне не нравилась. Я беспокоился, сможем ли мы достаточно быстро двигаться на юг, чтобы пересилить невольный дрейф на север. Но нет, теперь лето подходит, а в это время надо ожидать больше северных ветров, чем южных. Не надо падать духом, а лучше приняться за дело. Убрали свои пожитки, сложили палатку и тронулись в путь. Но сейчас же у нас случилась небольшая неприятность, опять несколько обескуражившая нас. Только что мы налегли на лямки, как с троими из нас приключилась дурнота: сильное головокружение и слабость такая, что пришлось здесь же, около нарт, лечь на снег и полежать минут пятнадцать. Может быть, в этом была виновата наша трехдневная спячка, после которой мы слишком ретиво взялись за работу, а может быть, мы и вообще слишком слабы и больны после долгой, тяжелой зимовки. Эта болезненность была заметна по нашим желтым физиономиям с тех пор, как только появилось первый раз после зимы солнце. В долгую зимнюю ночь она не бросается в глаза, в особенности при свете наших коптилок. Но скоро мы оправились от нашей слабости, несколько сконфуженные, тронулись в путь. Сначала мы взяли только четыре каяка и легко пошли с ними. Снег был прибит метелью, и многие неровности пути сглажены. Оттащив первые каяки версты за три, мы вернулись за второй партией и потащили их. «Св. Анна» была хорошо видна. Погода была хорошая, теплая, солнечная. Мы воспряли духом и бодро перетаскивали свои каяки. Теперь мы знали, что хотя и таким способом, но мы можем двигаться на юг, с каждым днем хоть немного, но подвигаясь ближе «к дому».

За день мы сделали верст 6 и остановились на ночлег под прикрытием высоких торосов. Скоро была раскинута палатка, в которой развели огонь, сварили чай и, закусив, легли спать.

На следующий день мы двигались таким же способом, т. е. перетаскивали свои каяки за два приема, а иногда и за три. Иначе идти было невозможно. Дорога ухудшалась: стали попадаться крупные торосы, целые хребты, между которыми приходилось сначала найти еще дорогу. Около таких торосов снег

обыкновенно глубже и рыхлее. Наши нарты мало были приспособлены к такому снегу. Их узкие полозья уходили в снег по самые нащепы. Постепенно они погружались глубже и глубже в снег и в конце концов окончательно заседали в сугробе. Тогда приходилось серединой лямки поддевать под передний конец нащепа и выволакивать нарты из сугроба. Сегодня мы прошли уже не более четырех верст и то после усиленной работы. И сегодня неугомонные Денисов с Мельбартом догнали нас и принесли горячей пищи. Они прямо издеваются над нашим черепашьим движением и грозят еще неделю догонять нас. Денисов, этот неугомонный полухохол-полунорвежец, прямо неутомим. Он, кажется, способен ежедневно делать на лыжах верст по 50–60, если бы не боялся потерять следы свои, что может случиться при передвижке льда. Это самый деятельный, самый предприимчивый из всех оставшихся на судне. Слишком тяжело должно быть положение, чтобы он не выбрался из него и погиб. Интересна его история. Мальчишкой лет тринадцати удрал он из дома, откуда-то из Малороссии, не поладив с родными. Пробрался как-то за границу в трюме парохода, много плавал на парусных и паровых заграничных судах и в конце концов попал на китобойные промыслы около Южной Георгии. Здесь он окончательно сделался норвежцем китобоем-гарпунером, по временам наезжая в Норвегию. Там он женился на норвеженке и находил, что в Норвегии жить можно нисколько не хуже, чем в России. Прослышав случайно, что Брусилов купил шхуну и собирается заняться китобойным промыслом на Востоке, он явился к нему, предлагая свои услуги, и поступил на службу на условия гораздо худшие, чем работал в Норвегии. Утешался он только тем, что наконец-то попал на русского китобоя. Несмотря на то, что Денисов устроился в Норвегии совершенно, как дома, Россию он любил страстно, и попасть на русского китобоя было всегда его заветною мечтою. К сожалению, только их нет в России.

С 16(29) апреля мы уже порвали всякую связь со «Св. Анной», Денисов нас уже не догонял, а к вечеру потеряли из виду «Св. Анну».

Мало-помалу мы начали привыкать к своему кочевому образу жизни. Вставали часов в 7 утра и принимались готовить завтрак. Первое время у нас еще было тюленье сало, взятое с судна для согревания пищи и для растапливания льда для питья. Наш прибор для варки пищи, к сожалению, был очень примитивный и расходовал много сала. Это был жестяной кожух, в который сверху вставлялось до половины своей высоты обыкновенное оцинкованное ведро с крышкой. Внутри кожуха ставился

железный поддонник, в котором и горело сало. Эту печь мы обыкновенно ставили в палатке, и температура в ней, во время варки пищи, значительно поднималась. Но зато дыму при этом было тоже довольно, и наша палатка, в особенности ее верхняя часть, где были сделаны отдушины, сильно закоптилась. Про нас самих и говорить нечего: мы очень скоро стали походить сначала на цыган, и день ото дня наша кожа становилась все смуглее и смуглее.

После завтрака, часов около 9 утра, мы снимали наш бивуак, укладывали свои пожитки и трогались в путь. Взяв трое нарт, мы тащили их часа 2 по глубокому снегу, часто перебираясь через торосы. Снег был очень глубокий, и мы вязли в нем выше колен. Тащить тяжелые нарты, пользуясь лыжами, было невозможно, так как лыжи скользили. Мы очень сожалели, что не сделали еще на судне специальных лыж, пригодных для этой цели. Оттащив первую партию версты за две, мы оставляли их около какого-нибудь старого тороса, на вершине которого ставили флаг, и возвращались за второй партией каяков. В час или в 2 часа дня мы делали привал, палатку при этом не ставили, так как это занимало много времени. Присаживались в малицах с подветренной стороны каяков, доставали сухари и жевали их. Первое время к этим сухарям мы получали по маленькому кусочку шоколада, но, к сожалению, его у нас было очень мало. Отдохнув часа полтора, мы отправлялись далее, опять же взяв в первую очередь только три каяка, на одном из которых была палатка. Шли версты две или около того, смотря по дороге, и теперь уже выбирали место для ночлега. Два человека оставались ставить палатку, а остальные на лыжах шли за второй партией каяков. Место для ночевки старались выбирать у какого-нибудь высокого холма, с которого можно было бы наблюдать горизонт. Внутри палатки мы расстилали куски парусины, служившие для защиты каяков, одеяла и дождевики, у кого были. Нарты ставили по кругу, и палатка своими оттяжками крепилась за копылы нарт. Часов в 7 или в 8 мы уже сидели в палатке, забравшись с ногами в малицы и дожидались, когда растает в ведре лед и достаточно согреется вода, чтобы можно было заварить чай. Из экономии в топливе мы редко дожидались, чтобы вода закипела. Обыкновенно же наш чай был только теплый. Но мы были рады и этому. Дверь в палатку плотно зашнуровывалась, пар из ведра и кружек мигом наполнял палатку, становилось тепло, и все оживлялись. Получив свои порции чая, сухарей и австралийского мяса, мы забывали и холод и усталость. Когда же вышло у нас австралийское мясо, то мы варили суп из сухого бульона Скорикова[27], который, к слову сказать, получался всегда очень

жидкий, и запускали его молотым горохом или «жюльеном», сушеной зеленью.

Это время дня было у нас самое приятное и оживленное. Разговоры не прекращались и все время вертелись около вопроса, когда мы увидим землю, как пойдем по ней к земле обетованной, мысу Флора, что там найдем и как устроимся. Намокшие за день пимы или сапоги мы предварительно оставляли на ветру надетыми на лыжные палки, и за ночь они обыкновенно просыхали. Этими вечерами я пользовался для записывания в дневник происшедшего за день, а если удавалось взять высоты солнца, то и для вычислений. Но гораздо хуже было наше дело, если в этот день у нас не было топлива. В такие «холодные» вечера оживления уже не было. Мрачные, озябшие, сидели мы по своим углам, закутавшись в малицы, ели сухари и заедали их маленькими кусочкам льда. К сухарям мы, правда, получали по ложке русского масла, но оно было тоже мороженое и горячей пищи заменить не могло. Отсутствие питьевой воды было очень чувствительно, лед плохо заменял ее, а после сухарей жажда мучила порядочно. Правда, много времени спустя некоторые из нас стали пользоваться и морской водой, размачивая в ней сухари или делая нечто вроде тюри, в которую прибавляли немного сушеного луку. Первое время при этом мы чувствовали неприятную горечь от морской воды, но скоро привыкли и не замечали уже ее. Суп же и похлебку мы всегда варили из морской воды, прибавляя в нее только немного льда. «Холодных» же вечеров у нас было достаточно, в особенности в первой трети нашего пути… Полыней не было, а следовательно, не было и тюленей, которые давали нам и пищу и топливо, про медведей же и говорить нечего: в этой части пути мы не видели даже и следов медвежьих.

Самое неприятное время дня было утро, когда, согревшись за ночь в теплых малицах, приходилось погрызть наскоро сухарей без горячего чая и выходить на холод. Не снимая еще малицы, мы принимались собирать наши пожитки, подстилки, складывать палатку, зашнуровывать и увязывать каяки.

Но вот и все готово: с неохотой снимаем мы малицы, так как в них тянуть каяки по глубокому снегу нельзя, бросаем их на каяки, одеваем лямки и тяжело трогаемся в путь. Если при этом еще была пасмурная погода, метель или сильный мороз, то наше настроение и совсем портилось. Безотрадным, бесконечным казался нам наш путь и никогда, казалось, не настанет теплое время года, никогда не доберемся мы до полыней, которых так страстно ждали. Мы все еще надеялись, что будут нам попадаться попутные полыньи, по которым нам удастся так скоро и удобно

плыть на каяках, стреляя по пути тюленей; но полыней не было.

На десятый или одиннадцатый день после нашего отхода со «Св. Анны», когда мы были от нее в верстах сорока, три матроса: Пономарев, Шабатура и Шахнин — не выдержали и стали просить меня отпустить их обратно на судно, так как они устали и не надеются дойти когда-нибудь до берега. Эти матросы, собственно говоря, отнюдь не были слабее других, и я бы даже сказал, что, напротив, они были здоровее многих. Но они ожидали дней через пять, через шесть увидеть землю, а дней через десять уже высадиться на нее. Идти же по дрейфующему льду месяц, а может быть и больше, им вовсе не нравилось, и они предпочитали вернуться на судно, где пока они могут жить сравнительно в тепле и сытно. Так как все уходили с судна добровольно, без всякого принуждения, к тому же наше положение я считал далеко не блестящим, то я и не счел себя вправе противиться желанию этих трех лиц.

Метелей за эти дни не было, лед был в сравнительно спокойном состоянии, т. е. перестановок отдельных ледяных полей относительно друг другу мы не замечали, а след, оставленный семью нартами и четырнадцатью людьми, был слишком заметен, так что найти дорогу на «Св. Анну» было возможно. Уходящие отказались брать с собой нарты с каяком. Взяли с собой винтовку, патроны, теплую одежду, заспинные сумки с сухарями и на лыжах отправились в путь. Я полагаю, что на следующий день они прибыли благополучно на «Св. Анну».

На всякий же случай мы решили простоять еще сутки на месте, чтобы ушедшие могли вернуться к нам, если почему-либо потеряют дорогу на судно. За это время мы разобрали двое нарт и два каяка на топливо. Обшивку с каяков мы сначала стелили в палатке на снег, но потом и ее пришлось сжечь.

Пономареву я дал письмо для передачи Брусилову, в котором описал наше положение. Таким образом, теперь нас при пяти нартах осталось 11 человек: Луняев, Максимов, Нильсен, Конрад, Смиренников, Регальд, Баев, Архиреев, Шпаковский, Губанов и я сам.

Способ нашего передвижения оставался все тот же, т. е. мы продолжали перетаскивать свои нарты в большинстве случаев за два приема, а иногда и за три.

Очень редко попадались нам большие поля молодого льда с тонким и крепким слоем снега. Но изредка все же бывали такие счастливые для нас дни. Тогда уж мы тащили все нарты сразу и были очень довольны, что не придется нам проходить путь дважды. Если же при этом еще был попутный северный ветерок, то мы ставили на каяках паруса, которые хотя и немного, но

помогали нам.

Приближалась весна. Сильнее прогревало солнце в полуденное время, но таяния еще не было. Снег только начал покрываться тонкой, гладкой матовой коркой, очень сильно отражающей свет. В конце апреля почти у всех нас стали болеть глаза. На «Св. Анне» только некоторые из нас страдали этой болезнью, и обыкновенно она скоро проходила после того, как больной посидит несколько дней в помещении. Настоящих предохранительных снеговых очков у нас не было. Еще на судне машинист Фрейберг сделал нам всем по паре очков, но нельзя сказать, чтобы эти очки достигали своего назначения. Стекла для них делали из темных четырехгранных бутылок от «джина». Надев такие очки, мы ничего не видели впереди, поминутно спотыкались в ропаках, перевертывали нарты, падали сами, но глаза по-прежнему болели невозможно, и слезы текли горячими струями. В передних нартах обыкновенно шли счастливцы, «зрячие», а «слепцы» тянулись по следам, с закрытыми глазами, только по временам посматривая сквозь ресницы на дорогу. Но бывали дни, когда глаза болели у всех и болели нестерпимо, тогда уж приходилось целый день сидеть в палатке, ожидая, когда отдохнут глаза от этого нестерпимого, сильного света. Глаза болели не только при ясной солнечной погоде. Часто небо было покрыто облаками, солнце не было видно, даже горизонт был закрыт какой-то мглой, но глаза болели не меньше. Если утихала самая резь в глазах, то в них оставалась еще какая-то муть, и все предметы мы видели как бы в тумане.

Тяжел, мучителен был наш путь, но еще мучительнее становился он, когда болели глаза. Живо, как будто это было только вчера, встает перед моим мысленным взором следующая картина, которой я, кажется, никогда не забуду.

Большое ровное поле с неглубоким снегом. Далеко сам я не вижу, но мой спутник говорит, что вдали чуть видны хребты торосов, между которыми попадаются очень высокие холмы. Что там за этими торосами? Может быть, забравшись на один из этих высоких холмов, мы увидим на горизонте землю… Хотя бы чуть-чуть видную отдаленную землю, голый безжизненный утес.

Или, может быть, эти тороса образовались около большой полыньи, по которой нам удастся, наконец, поплыть на каяках на юг, на которой много «выстает зверя», так необходимого, нам на топливо и на мясо.

Длинной вереницей растянулись пять каяков, из которых четыре каяка тянут по два человека, передний мой — три. Я иду во втором ряду, так как положительно не могу смотреть.

Тепло и тихо. На небе ни облачка. Солнце ослепительно

светит мне в лицо, и глаза плотно закрыты. Приоткрыв их на минуту, чтобы посмотреть направление и убедиться, что по-прежнему тянется равнина, опять закрываю их.

Первое время боль усиливается, но постепенно затихает, глаза успокаиваются, и уже не хочется их открывать. Даже шапку надвинул на них, чтобы защитить от света, который проникает даже сквозь веки.

Мерно, в ногу, одновременно покачиваясь вперед, налегая на лямку грудью и выпрямляясь, держась одной рукой, за борт каяка, идем мы.

В правой руке лыжная палка с кружком и острым наконечником, которая с механической точностью заносится вперед, с рукою качается вправо и медленно остается позади…

Как однообразно, как отчетливо скрипит снег под наконечником этой палки! Эта палка как бы отмеривает пройденное расстояние и, недовольная результатом, настойчиво брюзжит. Невольно прислушиваешься к этому ритмическому поскрипыванию, и вот вам ясно слышится: «далеко, да-ле-ко, да-ле-ко…» Мало-помалу исчезает всякая мысль… Теряешь всякое представление о времени и месте… Как в забытьи, идем мы, механически переставляя ноги и налегая грудью на лямку. Тепло, солнце припекает… Жаркое южное лето. Вы идете по набережной, в тени высоких каменных домов. В этих домах азиатские фруктовые склады, двери в которые раскрыты настежь. Вы ясно слышите ароматный, пряный запах свежих и сухих фруктов. Одуряюще пахнет апельсинами, персиками, сушеными яблоками, изюмом и гвоздикой… Вы ясно чувствуете приятную влажную прохладу от мягких от жары асфальтовых панелей, часто поливаемых водою персами-торговцами. Вам уже слышится их спокойная гортанная речь… Более, как хорошо пахнет, какая приятная прохлада.

Вдруг вы спотыкаетесь о свою палку, порывисто хватаетесь за каяк, открываете глаза и останавливаетесь, пораженные картиной… Первое время вы не можете сообразить, где вы. Как сюда попали.

«Что случилось?» — спрашивают спутники, с удивлением смотря на ваше лицо. Но вот вы приходите в себя. «Ничего, споткнулся». И по-старому тянется ледяное поле, но ближе видны тороса. По-старому солнце ослепительно светит, по-старому болят глаза….

А галлюцинации еще не совсем исчезли. Я еще ясно слышу душистый, пряный запах фруктов и воздух, кажется, напоен им. Неужели мои спутники не слышат этого запаха? Что это? Не болен ли я? Опять закрыты глаза, опять медленное, мерное

покачивание, опять недовольно поскрипывает наконечник палки о том, что далеко, далеко нам идти… Мысль возвращается к только что пережитому. Странно, почему я никогда особенно не любил фруктов? Почему так мало они меня прельщали и так редко я покупал их, да и вообще всякие сласти?

Если я благополучно вернусь «домой», то обязательно поеду на юг или даже поступлю на службу где-нибудь в Черном или Каспийском море. Тепло там… В одной рубашке можно ходить и даже босиком… Неужели правда можно? Странно… Сейчас здесь так трудно себе представить это, что даже не верится этой возможности.

Буду много-много есть апельсинов, яблок, винограду… Но и шоколад тоже ведь хорошая вещь с ржаными сухарями, как мы едим в полуденный привал… Только теперь мы очень мало его получаем, этого шоколаду, всего по одной дольке, на которые разделена плитка. А хорошо бы поставить перед собой тарелку с хорошо просушенными ржаными сухарями, а в руку сразу целую плитку шоколада и есть сколько хочется. Ах зачем я пошел в это плавание, в холодное ледяное море, когда так хорошо плавать на теплом юге! Как это глупо было! Теперь вот и казнись, и иди, иди, иди, подгоняемый призраком голодной смерти. Не искушай судьбу, так тебе и надо, и ты даже права не имеешь жаловаться на несправедливость ее. Сегодня вот предстоит у нас «холодный» вечер, так как топлива нет нисколько, не на чем даже будет натаять воды для питья. Все это только справедливое возмездие тебе, не суйся туда, где природа не желает допустить присутствия человека. Мечтаешь ехать на теплый юг, когда ты еще находишься в области вечного движущегося льда, далеко за пределами земли. Ты еще доберись сначала до оконечности самой северной земли… Доберешься ли?

Перевалив через громадные торосы, мы убедились, что никакой полыньи за ними нет. Впереди был виден далеко торошенный лед, по которому нам предстояло искать мало-мальски сносную дорогу. Раскинули палатку и расположились на ночлег.

Пошарив по каякам, нашли кое-что лишнее, годное на топливо, и хотя не удалось согреть воды для чая, но для питья воды натаяли. И то хорошо. На ужин получили по фунту сухарей и по столовой ложке замороженного масла. Если это масло отогреть немного своим дыханием, забравшись в малицу, то его можно намазать на сухарь. Ржаной сухарь, намазанный маслом, очень вкусная и сытная вещь. Во всяком случае лучше, чем один сухой сухарь.

Сегодня мы сделали хороший переход, не менее 6 вёрст, но

зато впереди у нас не дорога, а частокол.

Спать легли все мрачные и молчаливые. Утром я проснулся радостный и возбужденный под впечатлением только что виденного сна. Сейчас же поделился им со своими спутниками, как чем-то действительно радостным, имеющим прямое отношение к успеху нашего путешествия. И спутники мои были заинтересованы и со вниманием слушали меня.

Вижу я, будто идем мы все по льду, по большому полю, как шли вчера и, конечно, тянем за собой, по обыкновению, свои нарты. Впереди, видим, стоит большая толпа людей, о чем-то оживленно между собой разговаривают, которые, по-видимому, кого-то ждут и смотрят в сторону, куда и мы держим путь. Ни толпа эта нас, ни мы со своими каяками толпу не удивили. Как будто это дело обычное и встреча самая заурядная.

Подходим ближе к этим людям и спрашиваем, о чем они так оживленно рассуждают и кого ждут. Мне указывают на худенького, седенького старичка, который выходил в это время из-за торосов, и говорят, что это предсказатель или ясновидящий, который очень верно всегда предсказывает будущее.

Вот, думаю я, подходящий случай, которого не следует упускать. Попрошу я старичка, пусть погадает мне и предскажет, что ждет нас и доберемся ли мы до земли. Подхожу к нему и протягиваю руки ладонями вверх, как протягивают гадалке, которая по линиям рук узнает будущее. А может быть, и не совсем так. Может быть, я их протягивал так, как протягивают руки под благословение, т. е. согнув ладони «в горсточку». И не очень развязно подходил к этому старичку. Седенький старичок только мельком посмотрел на мои руки, успокоительно или напутственно махнул рукой на юг и сказал: «Ничего, дойдешь, недалеко уж и полынья, а там»… Я не успел дослушать предсказания старичка и проснулся!

Под впечатлением этого сна, я так был радостно настроен, что от вчерашнего мрачного настроения не оставалось и следа. Своим воодушевлением я увлек невольно и всех спутников моих. Ни одной минуты я не сомневался, что это вещий сон, что этот старичок-предсказатель был сам Николай чудотворец, иконка которого всегда была у меня в боковом кармане. Да и те люди, которых видал я во сне, слишком благоговейно смотрели на этого предсказателя. Конечно, я тогда был болен, и галлюцинации накануне, когда я почти в забытьи перенесся на набережную Баку, только подтверждают это, но тем не менее, этот сон, со всеми его мельчайшими подробностями, не выходил у меня из головы всю дорогу, вплоть до мыса Флора. В трудные минуты я, помимо своей воли, вспоминал успокоительное предсказание старичка.

Мои спутники тоже уверовали в этот сон, в особенности после того, как в тот же вечер, совершенно неожиданно для нас, мы оказались около большой полыньи. На этой полынье мы убили несколько тюленей, давших нам много мяса и жира на топливо. Мы отдыхали, были сыты и счастливы. Мы легко падали духом, но зато немного нам надо было и для счастья…

Полынья, у которой мы стали, очень большая. Противоположная ее кромка чуть видна на горизонте. Ветер эти дни держится все время северный, так что замерзающая шуга или сало[28] все время относится к противоположной кромке.

У нашей кромки тоже намерзает тонкий свежий ледок, отламывается и несется туда же, через полынью. В бинокль можно рассмотреть, что такой ледяной каши, сильно измельченной, накопилось у противоположной кромки очень много, а так как по полынье ходит зыбь, то вся эта каша колышется. Съездили на каяке к противоположной стороне и убедились, что пробиться через такую кашу, шириною около полумили, нельзя и высадиться на старый лед прямо невозможно.

Надо искать обхода этой полыньи или более удобной переправы. На востоке полынья постепенно расширялась, не преувеличу, если скажу, до нескольких миль. Пройдя на восток верст около десяти, мы все еще не видели ее края и не замечали, чтобы она начала суживаться. Над нею держится сильное испарение и потому не удалось определить ее действительных размеров, а на востоке над горизонтом много резкой черноты, доказывающей, что воды там много. Кто знает, далеко ли она тянулась? Но, к сожалению, она не поворачивала к югу, по крайней мере в том месте, которое мы видали. На запад полынья постепенно суживалась, но пройдя туда верст пять, мы не дошли до зажатого места.

Очень много ходило по этой полынье белух, ботельносов и полосатиков[29]. Поминутно слышалось их пыхтение, и эти небольшие киты носились здесь и там по несколько штук зараз, один за другим, то показывая спину, то исчезая под водой.

Тюленей на этой полынье показывалось тоже много, но слишком далеко. Впрочем, если им начать подсвистывать так, как подсвистывают лошадям, которых поят, то они, видимо, заинтересованные, подходят ближе, стараясь высунуться выше из воды. Таким способом нам удалось убить четыре или пять тюленей. Теперь мы были обеспечены топливом на несколько дней, а мясо ели и жареное и в похлебке с молотым горохом.

Тюленье мясо в вареном или жареном виде по цвету напоминает дичь. Оно темного цвета и мягкое. На вкус оно довольно приятное, по крайней мере, я говорю про тех тюленей,

которых я ел севернее Земли Франца-Иосифа. Не думаю, чтобы оно казалось мне приятным от голода или потому, что мои вкусовые ощущения притупились. Нет, этого сказать нельзя. Когда мы убивали в Карском море тюленей или даже «зайцев», то, несмотря на то, что употребляли в пищу только «катары» — ласты, вымачивая их предварительно в уксусе и жаря на масле, все-таки попадались куски мяса, положительно отзывающегося и пахнущего ворванью[30]. Медвежье мясо, которого мы ели много и на судне, и в пути, которое, конечно, лучше тюленьего, если оно холодное и давно сварено, тоже иногда отзывает ворванью, в особенности в тех местах, которые прилегают близко к костям. Суп, сваренный из костей старого уже медведя, по-моему, всегда пахнет ворванью.

Так что я не думаю, что мои вкусовые ощущения были утрачены или попорчены тогда, когда я ел тюленей, даже жареных на тюленьем же жире, и не замечал никакого неприятного привкуса.

Не зависит ли это от места, где жил убитый тюлень, и чем он питался?

В желудках всех тюленей, нами убитых к северу от Земли Франца-Иосифа, а убили мы их порядочно, мы ни разу не нашли остатков рыбы, а всегда только мелких рачков, бокоплавов или «копшаков», как их зовут на Мурмане. В тюлене, по-моему, все съедобно. Печенка тюленя — это даже деликатес. Ее мы с удовольствием ели на судне все, еще тогда, когда у нас было много разной провизии. Мозг тюленя очень вкусный, если его прожарить в кипящем сале. Тюленьи «катары», самые оконечности, хорошо пропеченные, очень похожи на телячьи ножки.

Первое время мои спутники сильно злоупотребляли тюленьим салом, нарезав его мелкими кусочками и сильно прожаривая. Получалось то, что называется «шкварками». Если бы они ели эти «шкварки» с сухарями, то много, конечно бы, не съели, так как скоро насытились бы. Но сухари мы берегли и «шкварки» ели без сухарей, с одной солью. Для непривычного желудка такое лакомство действует как сильное слабительное. Но желудок ко всему приспосабливается, в конце концов и «шкварки» не оказывали особенного действия на наши желудки.

У этой большой полыньи, так сильно напоминающей очень дальнюю дорогу, куда-то на восток, мы простояли два дня. За это время в западной, более узкой части ее, накопилось много уже молодого тонкого льда, который набился друг под друга и достаточно окреп. По этому тонкому льду мы и переправились через полынью. Взяли немного восточнее, надеясь, что там будут

полыньи, идущие на юг и соединяющиеся с большой полыньей на востоке, но этого не случилось.

Попадались маленькие полыньи, дававшие нам, правда, пищу, но плыть по ним было нельзя.

Гибель Баева

Опять пошли торосы, пошел глубокий снег, опять наше движение вперед за день было около 3 верст. Хуже всего этот глубокий снег, в котором нарты вязнут по самые нащепы и часто ломаются. Чуть не каждый день приходится заниматься починкой то тех, то других нарт. После каждой такой починки нарты становятся все тяжелее и тяжелее на ходу. Хорошо еще, что мы все полозья обтянули широкими железными шинами, а то была бы беда. Теперь же, как только ломается полоз, мы отвинчиваем шину, очень скоро делаем нужные накладки на перелом, не гоняясь особенно за чистотой работы, скрепляем их, а железная шина, привернутая на место, скрывает все недочеты.

Настал май месяц.

Уже два дня Баев приставал ко мне, уговаривая взять правее, т. е. западнее. С какого-то очень высокого ропака он увидел, по его словам на SSW совершенно ровный лед, который потом тянулся на юг очень далеко. Ропаков на этом льду совершенно нет, и все торосы остаются далеко влево. 2(15) мая утром, уйдя на разведку с Максимовым, Баев, по его словам, дошел до этого ровного молодого льда, который тянулся на юг, насколько мог видеть глаз с высокого холма. Снегу на этом большом поле было очень мало и то крепкого. Как выражался Баев: «такая ровнушка, что копыто не пишет».

Но напрасно мы целый день забирали правее, напрасно я с торосов разглядывал окрестность, «ровнушка», как в воду канула. Баев не сдавался: он все стоял на своем, что «есть ровнушка», но только он, должно быть, сбился с дороги и не может ее найти. «Сам своими глазами видел, господин штурман, сам шел по ней.

Такая ровнушка, что конца-края не видно! Не иначе, как до острова!»

На следующий день, 3(16) мая, утром, мы пошли на SSO поискать дорогу, не желая более забирать вправо. Должна же она где-нибудь быть за ропаками. Баев же отпросился у меня попробовать поискать свою «ровнушку» правее.

Мы нашли дорогу, хотя и неважную, и повернули обратно. Когда мы пришли часа через три к своему бивуаку, то Баева еще не было. Настал полдень, а его все нет. Часа в 4 дня мы решили, что дело не ладно: надо идти на поиски пропавшего.

Взяв с собой сухарей, мы отправились вчетвером: я, Регальд, Конрад и Шпаковский. Баев не любил ходить на лыжах и ушел без них. Следы его пимов хорошо были видны на глубоком снегу.

Сначала они повели нас на SW, но мало-помалу склонились на W. Верстах в пяти от нашей стоянки действительно пошел не толстый лед, около полутора фут, на котором снегу было очень мало. Баев шел по левой стороне этих полей, по-видимому, ожидая, что через некоторое время поля повернут левее, т. е. на S, но ропаки по-старому не пускали его влево. Тем временем погода начала портиться и пошел снег. Стали появляться нешироκие каналы, через которые нам на лыжах переходить было нетрудно, но Баеву приходилось прибегать к помощи мелких льдин. Далее каналов стало попадаться больше. Так шли мы по следам Баева в один конец два часа, и, я считаю, сделали не менее 10–12 верст. Наконец, следы повернули обратно, но Баев уже не придерживался своих старых следов и почему-то забирал левее. Наш флаг, который мы всегда ставили у своего становища на ропаке, давно уже не был виден за торосами. Следы пимов Баева очень слабо отпечатывались на тонком слое крепкого снега, и скоро их запорошило шедшим снегом. Идя на некотором расстоянии друг от друга шеренгой, мы иногда находили слабый след, но скоро окончательно его потеряли. Снег начинал заносить и наши следы, которые были значительно резче. Стали мы кричать, свистеть и стрелять из винтовки, но безуспешно. У Баева была с собой винтовка-магазинка и штук двенадцать патронов. Если бы он был где-нибудь поблизости, он услышал бы наши выстрелы и ответил бы на них. Но ничего не было слышно.

Надо было торопиться обратно и принять меры, если Баев еще не вернулся.

Часов в 9 вечера мы были уже у палатки. Баев не вернулся.

Из мачт каяков, лыж, лыжных палок и запасных реек мы связали мачту вышиною в 5 сажен, прикрепили к ее вершине два имеющихся у нас флага и с помощью длинных оттяжек укрепили эту мачту на вершине холма, вышиною сажени в две. Эти флаги

были далеко видны, и если Баев ходит где-нибудь вокруг нашей стоянки, он должен увидеть наши сигналы.

Подняли мы эту мачту часов в 10 вечера, т. е. через 15 часов после ухода Баева.

Погода тем временем стала улучшаться, и снег перестал.

На следующий день мы ходили опять на поиски пропавшего, причем описали вокруг нашей стоянки целый круг радиусом до 4 верст, надеясь напасть на свежие следы Баева на глубоком снегу. Если его следы были занесены снегом на тонком льду, где след был очень слабый, то этого не должно было быть на глубоком снегу, если бы Баев ушел с ровного молодого льда в торосы, на глубокий снег. Но все наши поиски остались безуспешными. Куда он мог деться, один бог знает. В том месте, где мы видели каналы, он переходил их благополучно, это мы видели по его следам. Возвращаясь обратно, он не пошел по своим старым следам, а левее и мог заблудиться в ропаках. Но трудно предположить, что долго идя по одному направлению по глубокому снегу, где хорошо сохраняются следы, он не вернулся бы назад, когда убедился бы, что не туда идет. Тогда его следы привели бы его к тому месту, где уже видна была наша высокая мачта. Переправляясь через какую-нибудь полынью, он мог свалиться в воду, но такие купания были для нас не редкостью. Обыкновенно сейчас же выкарабкаешься на лед, выжмешь воду из одежды и бежишь к становищу. Помню я, что Баев не раз жаловался на свое сердце, по-видимому, он страдал пороком.

Не мог ли случиться у него разрыв сердца при падении в холодную воду?

Иначе я ничего не мог придумать.

Простояли мы на этом месте трое суток, все еще надеясь, что подойдет Баев, но его не было, он как в воду канул, уйдя искать свою «ровнушку, на которой копыто не пишет».

Среда 14(27) мая. Снялись мы очень поздно, около 4 час. дня, и за 6 часов прошли 4 версты. Сегодня у нас в некотором роде юбилейный день: мы считаем, что всего отошли от судна 100 верст. Конечно, это не так уж много для месяца хода, всего только выходит на круг по 3,3 версты в сутки, но дорога зато такая, какой мы не ожидали. Уходя с судна, мы рассчитывали теперь уже быть, если не на берегу, то в виду берегов.

Справили мы свой юбилей торжественно: сварили из сушеной черники и вишни суп, и даже подправили его для сладости двумя банками консервированного молока, что вместе с сухарями дало роскошный ужин.

После полудня ветер перешел к NW, и стало холоднее; появилась кругом над горизонтом чернота и накрыл туман. По-

видимому, лед пришел в движение. Мы шли на S, и там в особенности много сильной черноты, но пока больших полыней с чистой водой не видим.

Четверг, 15(28) мая. Опять не хватило топлива, опять забота, чем напитать людей! Как это тяжело, как это надоело мне! Хуже всего то, что эта забота никого из моих спутников как бы не касается. Удивительные люди, ни предприимчивости, ни сообразительности у них не заметно. Как будто им совершенно все равно, дойдем ли мы до земли или не дойдем. Тяжело в такой компании оказаться в критическом положении. Иногда невольно становится страшно за будущее.

Конечно, этого нельзя сказать про всех, но слишком незначительно исключение, слишком мало энергичных, здоровых помощников. Сегодня ветер перешел к W. Погода холодная, туманная. Прошли за день 2 версты.

Пятница, 16(29) мая. Про вчерашнее происшествие не хотелось писать вчера, да и сегодня не хочется. Одно скажу, что вчера едва-едва не потонули три человека. Если доберемся до берега, то пусть эти люди помнят день 15 мая, день своего избавления от смерти, и ежегодно чтят его. Но если спаслись люди, то все же утопили дробовку-двустволку и нашу кормилицу-кухню. Благодаря этому мы вчера должны были есть сырое мясо и пить холодную воду, разведенную молоком, а сегодня, вместо горячего чая, который всегда так согревал нас, мы пили чуть тепленькую водичку с сухарями. Стоим у полыньи, которая тянется на SW и потом поворачивает на SSW. Сейчас начинаем укладываться и поплывем сколько можно. Ветер SW, кругом много «водяного неба» и туман.

(Вечером). Проехать больше полуверсты не удалось, так как полынья покрыта шугой. Остановились на ночь. У всех сильно болят глаза, а у Луняева, кроме того, болит нога.

Суббота, 17(30) мая. Сегодня к утру полынья очистилась и расширилась, но направление ее на SSW. Несмотря на это, мы спустили в воду каяки и проплыли на них два часа, пройдя приблизительно около 9 верст. Идти же по льду было прямо невозможно, да и ждать нечего. Каяки держатся на воде прекрасно. Сидеть на дне их, в неудобной позе, нет надобности: мы помещаемся или на грузе, или, как я, на задней рейке, служащей бимсом[31] для палубной покрышки. Нарты, несмотря на всю их тяжесть и громоздкость, тоже помещаются каждая на своем каяке, впереди, и от этого каяк не теряет устойчивости. Просачивание воды есть, но совсем незначительное.

Я с Нильсеном сегодня ушел далеко вперед; за нами шли парами остальные каяки. Когда мы подошли к концу полыньи и я

влез на высокий ропак, то увидел два каяка, уже близко подходивших к нам, а остальных двух не было видно. Ждем мы их час, ждем два, а их все нет, как нет. Так и решили, что опять что-нибудь случилось, опять какой-нибудь сюрприз ожидает нас. Так оно и было на самом деле. Около 4 часов подошел четвертый каяк, и нам сообщили следующее: только что последний каяк отошел от кромки льда, как Регальду понадобилось во что бы то ни стало вылезть на лед, что он и стал делать, но в это время у него под ногами осыпался снег и наш «стюарт» самым основательным образом выкупался. Так как на этом каяке Регальд плыл один, то каяк был очень скоро далеко отнесен по ветру и пришлось звать на помощь ушедший уже каяк Губанова. Тот поймал каяк Регальда и прибуксировал его к месту происшествия. Скоро мы опять собрались все, поставили палатку, собрали остатки топлива и сварили гороху. Немного утешились наши неудачники.

Эх, только бы привел мне бог благополучно добраться до берега с этими ротозеями!

К вечеру ветер от SW усилился и пошел снег.

Воскресенье, 18(31) мая. Сегодня, можно сказать, хорошая дорога. Громадные ледяные поля, ропаки и торосы встречаются только изредка. Лед молодой, покрытый слоем снега не больше 4 вершков, но и то снег сравнительно плотный.

Мне припоминается, что Нансен говорит про подобный совершенно плоский лед, виденный с вершины острова Белой Земли[32]. Во всяком случае этот лед не того происхождения, как окружавший «Св. Анну». Шли мы по этому льду с тремя нартами в один конец 4 часа, и я считаю, что прошли верст 6 или 7. Подойдя к большой полынье, окруженной сильно поломанным льдом, мы закусили сухарями с кусочком шоколаду и немного отдохнули. После этого восемь человек отправились на, лыжах за оставленными двумя каяками, а я с Луняевым пошел к полынье, в надежде убить тюленя.

Несмотря на все наши старания подойти к большой воде полыньи, нам это не удалось, до такой степени весь окружающий ее лед поломан. Похоже на то, что эта полынья существует давно и ее то сжимает, то разводит. Пытливо смотрю я на горизонт по ту сторону полыньи, надеясь увидеть то препятствие, о которое ломается лед, т. е. остров, желанный остров, но, увы, ничего не вижу. Правда, горизонт мглистый и погода пасмурная.

Вернулись мы к каякам и стали ждать.

В ходу как-то незаметно идет время и только вот в таком ожидании становится очевидно, сколько времени мы теряем при том способе передвижения, какой практикуется у нас, т. е.

перетаскивая сначала три каяка и возвращаясь опять за 6 верст за оставленными двумя.

Ужасно досадно, что приходится терять даром столько времени. Ведь за это время мы могли бы далеко уйти. Нет, так идти нельзя. Сегодня же решили уничтожить самый плохой каяк и самые сломанные нарты, а обшивку с каяка натянуть на один из оставшихся. Дерево употребим на топливо, уменьшим палатку до минимума, уничтожим все лишнее и будем идти со всеми четырьмя оставшимися нартами зараз; без этого изводящего возврата на место предыдущей ночевки.

Луняев тащить не может, он еле-еле сам ходит и при этом стонет все время. Значит, на четверо, нарт нас налицо 9 работников. Пусть это будет тяжело, но все же будем двигаться полегоньку вперед. Плыть же на четырех каяках десять человек вполне могут. Стоит только моим ротозеям не забывать, что под ними не карбас, а легкий парусиновый каяк.

Завтрашний день, пожалуй, уйдет на приведение в исполнение нашего плана, а тем временем мы посмотрим, как подобраться к полынье и нельзя ли по ней поплыть. Сейчас, когда я пишу этот дневник, говорят, что полынья разводится и слышен шум прибоя. Ну, насчет прибоя-то «ах, оставьте». Не поверю.

Понедельник, 19 мая(1 июня). Стоим и приводим в исполнение вчерашний план. Дует Ost ветер, балла 4–5. Облачно. Попробовали бросить наш лот, но дна не достали, вытравив более 100 сажен. Но надо сказать, что груз к линю подвешен небольшой, из опасения порвать наш линь, и вследствие этого он показывает не прямо вниз, а несколько наклонно на ветер.

Целый день ищем или обхода полыньи, или подхода к ее воде, но пока поиски безуспешны. Проклятая полынья. К ней положительно нельзя подступиться ни пешком, ни на лыжах, ни на каяках. Лед поломан на громадное расстояние и вправо и влево. И вчера и сегодня я выкупался, стараясь на лыжах перейти через многочисленные трещины и каналы. Вдали видна вода этой полыньи и, действительно, слышно нечто очень похожее на шум прибоя, но вместе с тем лед не колышется и вода не производит впечатления очень большой, по крайней мере издали. С высокого ропака, вдали за этой полыньей, вчера я видел еще такую же полынью. Может быть, на S нас ожидает целый ряд полыней. Погода по-прежнему пасмурная и солнца нет. Вот уже 19 дней, как я не имею возможности определиться, и вопрос, где мы, куда нас несет, подвигаемся ли мы хоть немного на S, сильно интересует меня.

Сегодня посчитал провизию: оказалось, что у нас осталось сухарей 520 фунтов. При расходе таком же, как сейчас, нам этих

сухарей хватит на месяц. Можно бы, конечно, сократить выдачу, если бы наша охота была удачнее, но пока этого нет. Полыней мы встречаем много, но тюленей уже несколько дней не видим даже издали. Про медведей и говорить нечего. Неужели эти животные не водятся здесь? Но ведь следы их мы видели неоднократно, — куда же медведи подевались? Иногда одиночками, парами и тройками пролетают белые чайки и глупыши[33]. Были нырки, но теперь они стали редки. Принимая во внимание все это, я невольно начинаю опасаться за будущее.

Конечно, за месяц может произойти очень многое: мы можем подвинуться значительно на S или SW, так как и N и NO ветра у нас преобладают; мы можем, наконец, встретить хорошую попутную полынью, по которой движение будет быстрее, наконец, мы можем убить медведя.

Сейчас подсчитал вес груза, который теперь придется на каждую нарту, и вышло приблизительно около 6 пудов, не считая веса каяка и нарт. Это не так уж много, и если будет сносная дорога, то такой груз два человека везти могут.

Сейчас разведчики пошли на W посмотреть, нет ли там обхода полыньи. Глаза болят у нас у всех ужасно, а у Луняева болит еще, кроме того, нога до невозможности терпеть боль. Вот еще напасть! Неужели и его придется класть на нарты? Часов около 10 вечера вернулись разведчики и сообщили, что, пожалуй, удастся обойти полынью или, по крайней мере, с некоторым затруднением переправиться через нее. Ходившие видели трех нырков и одного глупыша.

Ветер SO, балла 4.

Вторник, 20 мая(2 июня). Продолжает дуть SO ветер, балла 4–5. По-прежнему облачно и пасмурно. Часов в 11 утра снялись и пошли к найденной вчера переправе, находящейся в расстоянии около версты от стоянки. Сначала везли нарты по два человека, но скоро дорога стала хуже и пришлось, волей-неволей, приняться за старое, т. е. запрягаться по 4–5 человек. Придя к месту, наименее изрезанному трещинами и каналами, мы убедились, что их развело, лед переставило и подобраться к полынье нет никакой возможности.

Поставили палатку, напились чаю, и я со Шпаковским пошли искать обхода полыньи дальше на W. Обход, кажется, нашли, плохонький, конечно, но до завтрашнего утра решили еще постоять: слишком болят глаза. Кажется, что обойдя полынью, мы встретим хорошую дорогу. Давай бог! А солнца все нет, как нет; вот уже двадцатый день не могу определиться, где мы.

Луняев совсем превращается в развалину: болела у него нога, заболели глаза, а сегодня он сообщил, что и вторая нога у него

стала болеть. Ох, придется, кажется, его везти на нартах, похоже на это. Когда же это будет, наконец, земля, хотя какая-нибудь, голая, неприветливая земля, которая только бы стояла на месте, на которой мы не опасались бы ежеминутно, что нас относит на север, на которой можно бы охотиться?

Среда, 21 мая(3 июня). Наконец-то нам удалось обойти проклятую полынью. Но что это был за обход! Что это была за дорога! Тащили нарты по шесть, по семь человек каждую, расчищая и прокладывая дорогу и топорами, и гарпунами. Но так или иначе, а полынью обошли и вышли на ровную-ровную поляну, покрытую не толстым слоем крепкого снега. По этой-то дороге потащили нарты по 2 человека каждую.

А все же и по этой дороге тяжело так идти, но мы, хотя и медленно, но тащимся и тащимся вперед, а сознание того, что полынья осталась, наконец, позади и, главное, что не придется возвращаться назад за остальными нартами — значительно прибавляет нам силы.

Прошли мы за день верст 6, и целый ряд трещин и каналов опять преградил нам путь. Удивительно поломан лед. Через часть каналов переправились мы сегодня, но и на завтра их еще осталось за глаза довольно. Скверно, что хотя полыней мы видим много, да и впереди их кажется достаточно, судя по «водному» небу кругом, но эти полыньи или запорошены, или во многих местах зажаты, или покрыты мелкобитым льдом и шугой. Плыть по ним положительно нельзя. Да и тянутся они в большинстве случаев с востока на запад. Через эти полыньи и переправляться-то трудно: ни пешком, ни вплавь.

Лед, безусловно, сильно переменился за время нашего шествия. Нет уже многолетних ропаков, и годовалый лед со старым крупным торосом даже стал редко попадаться. Большею частью попадающийся нам лед молодой: от нескольких дюймов до фута или полутора фут толщиной. Торосы этого молодого льда состоят из мелких синих обломков и издали очень красивы. Иногда тянутся целые длинные валы, саженей до двух высотою из мелких ровных синеватых кусков, напоминающих груды сахара. Сегодня видели на очень тонком льду много песку и глины.

Летают чайки, но мало; видели одного тюленя. Отчего тюленей стало так мало?

Сегодня, идя по следам Луняева, я обратил внимание, что он плюет кровью. Догнав его, я осмотрел его десны и нашел, что у него цинга, безусловно.

Одно средство было у меня для борьбы с этой, болезнью — это движение. Ну, положим, могу еще давать хины. Так и буду делать: тянуть нарты он не может уже несколько дней, пусть

ходит каждый день на разведку и выбирает получше дорогу.

Плохо дело обстоит у меня по «компасной части». Большой обыкновенный компас давно уже окончательно и безнадежно поломался, и я его даже выбросил. Другой, спиртовой, тоже испортился. Стекло его; поставленное на судне и выточенное на точиле, лопнуло, и спирт вытекает. Камень в топке лопнул, должно быть, от постоянных толчков, картушка стоит криво и все время застаивается. Пробовал его сегодня починить, но успеха не добился. Большею частью пользуюсь часами и солнцем, когда оно есть, и маленькой компасной стрелочкой на моем бинокле.

Но все это ничего, лишь бы увидеть землю. Где она? «Сезам, откройся!»

К вечеру ветер перешел на NO. Слава богу.

Четверг, 22 мая(4 июня). Ветер ONO, балла 4. Это уже хуже. Должно быть, нас сносит на W. Погода стала холоднее. В 10 часов утра мы пошли далее. За исключением некоторых мест, дорога хорошая. Поляны и поляны, отделенные друг от друга, правда, высокими торосами, которые нам приходится переходить или удается оставлять в стороне. Изредка тонкий поломанный лед, а изредка снежные холмы, но довольно плотные. Очень тонкий ломаный лед часто запачкан, преимущественно с нижней стороны каким-то веществом, которое раньше мы принимали за песок или глину. Рассмотрев повнимательнее, я убедился, что это не то. Цвет розовато-коричневый и чище, чем цвет глины или песка, а самого вещества красящего нигде не видно. Я пришел к заключению, что этой окраской лед обязан каким-нибудь водорослям и что этот лед еще недавно был, безусловно, очень недалеко от берега[34].

Такой лед, окрашенный каким-то веществом, я видел неоднократно в последнее время, и всегда это был очень молодой поломанный лед, толщиною около полуфута.

Весь день сегодня туман, но по временам он рассеивается и, наконец, проглядывает солнце. Полуденную высоту взять не удалось, а близмеридиональная дала широту 82°38′. Горизонт был очень мглистый и, конечно я ошибся. Мы должны быть южнее. Взял высоту солнца полуночную, но тоже при плохом горизонте, и она дала широту 82°29′. Хотелось бы верить ночной высоте, но пока не решаюсь, подожду до завтра. Жаль, что у меня нет с собой искусственного горизонта, но, впрочем, мало ли чего у меня нет. Прежде всего, у меня нет хороших нарт и… хороших ездовых собак.

Сегодня мы прошли верст 6, не меньше, Ветер NO, лед хороший, и мы поставили на своих каяках паруса. Интересную картину представляет из себя этот, с одной стороны, океанский, а

с другой стороны, сухопутный флот, «на всех парусах» ползущий к югу. Не могу похвастаться, как Нансен, что «мы летели, как перья»; нет, мы не летели, а скорее тащили и даже сильно налегали грудью на лямки, но все же парусишки заметно помогали, и мы шли веселее.

Весь день шли, таща трое нарт по 2 человека, а передние — три человека. Луняев идет на лыжах впереди, охая и морщась, и выбирает дорогу. Мало хотя, но все же мы видим чаек, и даже стали попадаться такие породы их, каких раньше мы не встречали. Тюленей в полыньях по-прежнему не видно.

«Цинготных» теперь у меня двое: Губанов тоже заболел, и десны у него кровоточат и припухли.

Все лечение мое ограничивается тем, что посылаю их на лыжах искать дорогу, на разведку, даю на сон облатку хины, а Луняеву, кроме того, к чаю выдаю сушеной вишни или черники. Мне кажется, что цинга в этом начальном периоде выражается, главным образом, в нежелании больного двигаться. Не так сама боль в ногах, как больной преувеличивает ее, не желая лишний раз пошевелиться и тем невольно становясь союзником начинающейся болезни.

Не знаю, конечно, может быть, я ошибаюсь, но это мне так представляется, и этот способ лечения, т. е. не давать залеживаться, единственный, которым я могу пользоваться, если не считать хину. Мне не раз приходилось слышать, что русские колонисты на крайнем севере с заболевшим своим товарищем поступают так: когда он уже отказывается двигаться, хотя особенной слабости по виду еще не заметно, то его берут насильно под руки и водят взад и вперед до тех пор, пока «доктора» сами не выбьются из сил.

Может быть, это жестокий способ лечения, но не надо забывать, что я говорю только про начальный период болезни, когда человек еще не утратил физической силы, но у него ослабевает энергия, нет нравственной силы. Самую тяжелую форму цинги[35]я наблюдал у Георгия Львовича, который был болен около 6 или 7 месяцев, причем три с половиной месяца лежал, как пласт, не имея силы даже повернуться с одного бока на другой. Повернуть его на другой бок было не так-то просто.

Для этого приходилось становиться на кровать, широко расставив ноги, и, как «на козлах», поднимать и поворачивать за бедра, а другой в это время поворачивал ему плечи. При этом надо было подкладывать мягкие подушечки под все суставы, так как у больного появились уже «пролежни».

Всякое неосторожное движение вызывало у Георгия Львовича боль, и он кричал и немилосердно ругался. Опускать его в ванну

приходилось на простыне. О его виде в феврале 1913 года можно получить понятие, если представить себе скелет, обтянутый даже не кожей, а резиной, причем выделялся каждый сустав. Когда появилось солнце, пробовали открывать иллюминаторы в его каюте, но он чувствовал какое-то странное отвращение к дневному свету и требовал закрыть плотно окна и зажечь лампу. Ничем нельзя было отвлечь его днем, от сна; ничем нельзя было заинтересовать его и развлечь; он спал целый день, отказываясь от пищи. Приходилось, как ребенка, уговаривать скушать яйцо или бульону, грозя в противном случае не давать сладкого или не массировать ног, что ему очень нравилось. День он проводил во сне, а ночь большею частью в бреду. Бред этот был странный, трудно было заметить, когда он впадал в него. Сначала говорит, по-видимому, здраво, сознавая действительность и в большинстве случаев весело, но вдруг начинал спрашивать и припоминать, сколько мы убили в третьем году китов и моржей в устье реки Енисей, сколько поймали и продали осетров там же. Или начнет спрашивать меня, дали ли лошадям сена и овса? Что вы, Георгий Львович, какие у нас лошади? Никаких лошадей у нас нет, мы находимся в Карском море на «Св. Анне», «Ну вот рассказывайте мне тоже. Как так нет у нас лошадей? Ну, не у нас, так на соседнем судне есть, это все равно. Помните, мы еще на дню к рыбакам-то ездили». Или говорит некоторое время совершенно сознательно и прикажет позвать машиниста: «Сколько у нас пару в главном котле и сколько оборотов делает машина?» Долго не может понять, почему у нас нет пара и почему мы стоим на месте: «Нет, — это нельзя, сорок быков и тридцать коров слишком много для меня. Этого я не могу выдержать». Так проводил Георгий Львович ночи. Любил, чтобы у него горел все время-огонь в печке, причем, чтобы он видел его: и, видел, как подкладывают дрова. Это ему надо было не для тепла, так как у него в это время болезни было даже жарко и приходилось открывать иллюминаторы, но он любил смотреть на огонь. В конце марта он стал очень медленно поправляться. Вместе с силами стала появляться у него раздражительность, и он стал капризничать, хотя во время самого разгара болезни был все время в самом жизнерадостном, в самом веселом настроении, несмотря на полный упадок сил. Это веселое настроение производило впечатление чего-то неестественного, болезненного, даже хуже раздражительности, когда мы его видели в таком ужасном состоянии.

От капризов и раздражительности его главным образом страдала «наша барышня», Ерминия Александровна, неутомимая сиделка у кровати больного. Трудно ей приходилось в это время;

Георгий Львович здоровый, обыкновенно изысканно вежливый, деликатный, будучи больным, становился грубым до крайности. Частенько в сиделку летели и чашки и тарелки, когда она слишком настойчиво уговаривала больного покушать бульона или кашки. При этом слышалась такая отборная ругань, которую Георгий Львович только слышал, но вряд ли когда-нибудь употреблял будучи здоровым. Но Ерминия Александровна все терпеливо переносила и очень трудно было ее каждый раз уговорить идти отдохнуть, так как в противном случае она сама сляжет. На Пасху Георгий Львович в первый раз был вынесен на кресле, обложенный подушками, в салон к пасхальному столу, где просидеть мог около получаса, а с мая месяца он уже стал быстро поправляться и в июле был совершенно здоров. Быстрому выздоровлению много содействовал свежий воздух, так как его стали каждый день выносить в кресле на лед, а потом даже клали на удобные нарты с носилками, пристегивали к ним ремнями и катали версты по 4 и 5 в день. Эти прогулки он очень любил. Первое время после болезни у него еще были слабы ноги, но это понятно. Пожалуй, болезнь отозвалась и на памяти его, так как первое время он скоро забывал, что говорил и что делал. Часто даже спрашивал, умывался ли он сегодня или завтракал или нет? Но вернусь к дневнику.

Недостаток мяса очень тревожил меня. Скориковский бульон подходит к концу, австралийского мяса и масла давно уже нет. Консервированного молока и шоколаду осталось очень мало. Очень жалею» что у нас так мало шоколаду. Это питательная и компактная провизия, которая очень кстати во время полуденных привалов, когда мы не ставим палатки и закусываем наскоро сухарями.

В полночь, при солнце, светящем сквозь туман, на южной части небосклона можно было наблюдать очень красивую радугу.

Пятница, 23 мая(5 июня). С утра великолепная солнечная погода. Ходившие на разведку «цинготные» обещают хорошую дорогу, с крепким снегом. Напились чаю с молоком и сухарями и тронулись в путь в 10 часов утра. До 6 часов 30 минут вечера сделали хороший переход, не менее 8 верст. Разведчики не обманули нас, и дорога, действительно, оказалась хорошей. Несмотря на NO ветер, балла 4, трещины и полыньи, встречающиеся на нашем пути, зажаты и мы без труда переходим их. В полдень я остановился и брал высоту солнца, в то время как остальные продолжали идти вперед.

Высота очень хорошая, при резком горизонте и широта получилась 82°31′. Это, правда, не так хорошо, как в полночь, но все же лучше, чем вчера в полдень. Но горизонт очень ясный и без

черноты, и мне представляется, что лед не движется по ветру на юг потому, что его «что-то» держит. Это «что-то», конечно, должно быть землей, но где она, неизвестно; я по-старому ничего похожего не вижу.

Несмотря на ясную погоду, когда, казалось бы, должны «выставать» тюлени, Луняев напрасно просидел целых два часа у полыньи, но ни один тюлень «не выстал». Безжизненно кругом. Видели сегодня медвежий след, но старый, должно быть того времени, когда этот молодой лед был ближе к берегу. Бульона Скорикова у нас осталось 6 фунтов, так что мы можем сварить при экономии 12 супов; хотя это будет походить более на воду, чем на суп. Гороху и «жюльену» осталось на очень экономных шесть супов. Молока осталось 3 баночки. Шоколад сегодня на отдыхе раздал последний. Придется теперь заменить его в полдень сгущенным молоком, а потом и сушеными яблоками, которых мы еще имеем 2 фунта. Хочется мне дотянуть все эти мелкие дополнения к сухарям хотя бы до берега, когда, может быть, у нас будет больше мяса. Едим мы, казалось бы, и довольно, но все время голодны. Правда, в большинстве случаев мы едим почти одни сухари, сдабривая их теми крохами, про которые я упоминал выше. Все время только и слышу здесь и там разговоры про самые вкусные, про самые соблазнительные вещи. Невольно и сам начнешь думать о чем-нибудь в этом же роде, и береговая жизнь, со всеми ее удобствами, со всеми ее прелестями, покажется такой прекрасной, заманчивой и желанной, что даже начнешь сомневаться в возможности достигнуть счастливой земли.

И отчего теперь-то именно так ясно представляются мне все эти «прелести земной жизни», ясно до галлюцинаций. Неужели это перед концом, неужели это предчувствие нашей гибели? Но нет, этого не может быть. Я уверен, что рано или поздно, но мы должны добраться до земли. Слишком ярко я помню тот сон, слишком сильное впечатление произвел он на меня. В пути я стал религиозным, почти суеверным, как раньше не был. Иконка Николая чудотворца постоянно лежит у меня в кармане. Команда сильно упала духом, как я ни стараюсь подбадривать своих спутников.

К вечеру ветер перешел к N и стало больше черноты над горизонтом. По-видимому, лед пришел в движение. Мы переправились через очень скверную полынью, не зажатую, не разведенную, и впереди у нас имеется еще несколько полыней на завтра. По-прежнему тонкий лед, но снег стал глубже, и во многих местах под ним вода, но пока еще, к сожалению, вода морская. Где имеются торосы и высокие нагромождения льда, там

воды больше. Сегодня мы с Нильсеном тянули свою нарту вдвоем, хотя и шли первыми по рыхлому снегу, но с завтрашнего дня обязательно буду брать в свои нарты третьего человека. Задним идти по готовому следу легче, и они частенько присаживаются отдыхать, давая нам уйти вперед, в то время как мы выбиваемся из сил. Нет, так нельзя! Нужно равномерное распределение труда, да надо и поторапливаться.

1 июня день моего ангела. Хорошо бы, если к этому дню нам удалось достигнуть 82 параллели.

Суббота, 24 мая(6 июня) (утром). В два часа ночи накрыл легкий туман. Тихо. «Водяного неба» много кругом, но на S и SO можно было наблюдать над самым горизонтом очень светлое блестящее облако. Оно было в середине выпуклое, и концы его сходились с горизонтом. Выделялось это облако очень резко, но при первом же внимательном рассмотрении в бинокль становилось ясно, что это не могло быть землей. Не отблеск ли это от земли, покрытой ледником?

(Вечером). Вчера только записал в дневник благое намерение двигаться быстрее, как сегодня уже убедился, что решить легче, чем осуществить. Дорога отвратительная, с глубоким снегом, под которым много воды. Полыньи все время преграждают нам путь. Одну обошли, а другую не могли обойти, уйдя далеко в сторону, и кое-как, поминутно проваливаясь, переправились через нее. Спустить каяк невозможно, так как полынья заполнена мелкобитым льдом. У третьей полыньи поискали переправы, но нигде не найдя ее, решили ночевать. Прошли сегодня на S не более 3–4 верст, хотя ходили целый день без толку. Ветер с утра NW, балла 4–5. Весь день туман и тот матовый свет, от которого так сильно болят глаза. Болят они у меня до того, что сейчас эту тетрадь вижу я, как сквозь кисею, и горячие слезы текут по моим щекам. Иногда приходится прерывать свое занятие и залезать с головой в малицу. Там, в совершенной темноте, мало-помалу, боль затихает и можно открыть глаза. Но пелена перед глазами не исчезала весь день. После 4 часов дня ветер перешел в Ost четверть, полыньи начало разводить, и прибавилось над горизонтом черноты. Сейчас полночь. Полынью, у которой мы стоим, развело широко, может быть, удастся через нее переплыть. Пробовали сегодня достать дно, но по-прежнему безуспешно. Линь сильно показывает на N, уйдя под кромку льда. Опять появились чайки, утром видели двух нырков, а вечером в полынье «выставал» тюлень. Но ни первая, ни вторые, ни третий не попали нам на ужин, хотя я решил теперь не брезговать даже чайками. Луняев, проходя около полыньи, видел маленькую рыбку, которая плыла почти по самой поверхности воды. Рыбка была похожа на

маленькую сельдь.

Завтра Троица. Как хорошо будет в этот день «там», на земле, где-нибудь на юге, и как плохо здесь, на плавучем льду, сплошь изрезанном полыньями и торосами под 82°20′ широты.

Воскресенье, 25 мая(7 июня). Обхода нет. Приходится так или иначе переправляться. Впереди, в расстоянии около версты, опять неминуемая переправа на каяках, с этой долгой выгрузкой и погрузкой всего нашего имущества.

(Вечером). Сегодня, действительно, праздник Троицы даже для нас, «плавающих и путешествующих».

Продвинулись мы сегодня на S не больше трех верст, причем два раза плыли на каяках и раз шли по довольно сносной дороге. Когда кончилась вторая полынья, я, пользуясь случаем, вылез на лед взять полуденную высоту солнца. После недолгого вычисления я получил широту 82°21′. Я даже не поверил своим вычислениям, но, проверив, убедился, что все правильно. Великолепно! Так как со мною вместе подошел еще только один каяк, то мы стали поджидать отставших, чтобы вместе двигаться далее, благо впереди виднелась поляна. Вскоре подошел еще каяк, и я порадовал прибывших хорошей широтой. В ответ и они поздравили меся с праздником, объявив, что дорогой убили медведя. Это ли не праздник для нас! Последнего медведя мы ели на судне в прошлом году, кажется, в сентябре месяце, и с тех пор только мечтали об этой дичине. И вдруг, когда у нас так мало осталось провизии и мы сжигаем на топливо все, вплоть до запасных весел и последней пары белья, правда, полного паразитами, вдруг в такой критический момент судьба послала нам пудов до десяти великолепного мяса, которое Свердруп, капитан «Фрама», называет «царским блюдом». Предусмотрительная судьба вместе с мясом послала и топливо, так как медведь очень жирный. И не странно ли, что этот неожиданный, дорогой подарок послан нам именно тогда, когда мы нуждались в нем, и именно в праздник Троицы? Не желает ли провидение подкрепить нас, маловерных и слабых? Не могу описать, какой подъем духа вызвал у нас этот подарок. Я даже никогда не ожидал, чтобы мы могли так радоваться, так ликовать. На трех каяках отправились мы за добычей, в то время, как другие ставили палатку, разводили огонь и кипятили воду.

Медведя мы нашли на том месте, где я час тому назад высадил на льдину Регальда, найдя, что три человека, при имеющемся грузе, для моего маленького каяка слишком много. Оставляя Регальда ожидать следующего, менее обремененного каяка, я оставил ему свою винтовку и четыре патрона. Когда подошедший каяк брал Регальда, к ним на расстоянии почти

десяти шагов неожиданно подошел медведь, который и был убит Конрадом. Мы сняли великолепную шкуру вместе с салом на топливо (двухсотрублевая шкура должна была идти на топливо ради спасения наших собственных шкур), мясо же разделали так тщательно, как самые лучшие мясники. Даже кровь собрали в чашки. Вечером мы ели мясо и в жареном, и в сыром, и в вареном виде. Сырая печень с солью, право, очень вкусная вещь. Вот это праздник!

Но ветер все же меняется: он еще не выбрал направления и дует то от S, то от SW, то от WSW. Погода прояснилась. Светит солнце и бело, бело кругом. Сильно болят глаза.

Понедельник, 26 мая(8 июня). Стоим на старом месте и стараемся заготовить впрок все имеющееся у нас медвежье мясо, следовательно, стоим не напрасно. Варим, жарим целый день, топим жир, а я делаю опыт сушить на ветру мясо. Четыре человека ушли искать дорогу.

Наевшись досыта, все стали предприимчивее и бодрее. Погода сегодня славная: светит солнце, и ветер опять, на наше счастье, дует от N и дует основательно. У меня опять болят глаза, но широта так сильно интересует меня, что я пошел на выбранное мною место чуть ли не за полчаса до полудня. Горизонт и край солнца я скорее угадываю, чем вижу, но тем не менее я убедился, что вчера не наврал. Сегодня широта получилась 82°20′. На одну милю к югу нас за сутки, конечно, опустило ветром.

Когда я шел сегодня с секстаном к месту наблюдений, то неожиданно пересек свежие медвежьи следы. Два медведя, по-видимому, сегодня утром посетили наше становище. Они подходили к самым каякам, посидели и побрели на NO. Вообще и сегодня и вчера у нас очень хорошие дни. Мы ходим радостные, праздничные.

Вторник, 27 мая(9 июня). Вчера мы напрасно потеряли время. Часов в 10 вечера мы снялись и «пошли по назначению». За три часа прошли верст пять, Остановились у поломанного льда, двигаться дальше некуда. Ветер со вчерашнего вечера дует W, баллов 5–6.

Когда мы еще были на «Св. Анне», у нас ходили слухи, что медвежью печень есть нельзя, так как от нее человек заболевает. Хотя мы и не особенно доверяли этим слухам, но все же не ели, за исключением нескольких человек, самых «вольнодумцев». Теперь мы все ели печень, и могу сказать, по личному опыту, что печень вредна. У всех так сильно ломит голову, что можно подумать, что мы угорели и даже хуже. Кроме того, у меня во всем теле сильная ломота, а у многих расстройство желудка. Нет, теперь довольно есть печень!

Сегодня, по случаю ночного перехода, мы проснулись в 12 часов. Сильная метель. Намело вокруг целые сугробы снега.

Среда, 28 мая(10 июня). Вчера, вследствие сильной метели, весь день пришлось простоять на месте. Сегодня стало лучше. Ветер сначала перешел на S, а потом на Ost. В 12 часов дня снялись и пошли к переправе через целый ряд трещин и каналов. Дорога невозможная. Измучились мы за день так, как никогда.

Глубокий снег, который уже начал таять, оседает с шумом целыми пластами. Под снегом почти повсюду вода и в некоторых местах до 6 вершков. Прошли за день не более 4 верст и промокли при этом до нитки. Поминутно нарты завязают в мокром, липком снегу, и их приходится по 4 и 5 человек на руках вытягивать за нащепы из сугроба. Утром бросали лот, но дна и сегодня не достали, вытравив линя сажен 70. По направлению линя ясно видно, что нас со льдом несет на S. Положение наше, конечно, не особенно завидное, это я сознаю давно и сам. Поэтому я не особенно удивился, когда сегодня вечером, сначала Конрад, а потом и еще 4 человека, выразили желание, бросив нарты и каяки, идти на лыжах вперед. Хотя бросать каяки я считаю опасным, или во всяком случае преждевременным, но, тем не менее, противиться желанию «лыжников» я не мог. Как я мог гарантировать им успех при моем способе движения, как мог я навязывать им тащить всю поклажу, наши нарты и каяки, которые я считал необходимыми для нас, но «лыжники» считали лишней обузой?

Я только постарался разъяснить им, что они могут очутиться в очень рискованном положении, бросивши в океане хотя бы и покрытом льдом, наши каяки, на которых так хорошо плыть, в чем мы уже имели случай убедиться, и которые в конце концов, не так уж тяжелы. Как они будут жить, если даже доберутся до земли, без теплого платья, без топора, посуды и массы других вещей, которые сейчас лежат» в каяке и представляют, правда, некоторый груз, но которые так нужны будут на первой же земле, где им вздумается пожить и отдохнуть? «Лыжники» приумолкли, но я вижу, что не убедил их. Палатку свою мы уже начали резать понемногу на растопку и, я думаю, недалеко то время, когда мы с нею распрощаемся. Она слишком громоздка, в особенности намокшая. При переправах через полыньи она занимает очень много места и внутри каяка не помещается. Сегодня у нас еще осталось 16 мешков сухарей, т. е. 8 пудов. Это наша главная провизия. Затем идет несколько фунтов молотого гороху, мясо медвежье и патроны. Патроны — главный груз после сухарей. Но что можно из этого бросить?

Четверг, 29 мая(11 июня). Опять бесчисленные каналы,

трещины и полыньи. Лед поломан до невозможности. Невольно припоминаю, что Нансен, подходя к земле, встретил, кажется, такой же поломанный лед. Но почему-то все полыньи тянутся с востока на запад, и ни одной мало-мальски длинной полыньи нет попутной.

Сейчас стоим у такого сильного поломанного льда и стараемся найти способ переправиться через него.

Луняев сегодня убил в полынье двух тюленей, одного большого, а другого поменьше. Тюленье сало годится для топлива лучше, чем медвежье. Его легче разжечь, меньше для этого растопки, а когда оно разгорится и поддонник достаточно нагреется, то жир только подбрасывай. Горит сильным пламенем, причем фитилем служит зола, которая всегда тщательно сохраняется нами в поддоннике.

Ветер NO, и нас несет на SW, в чем я убедился, вытравив сегодня в воду 40 сажен линя с грузом.

В последнее время это движение льда на юг стало очень заметно. Взяв сегодня полуденную высоту солнца, я получил широту такую, что лучше и желать не могу: 82°8,5'. Ошибки нет, в этом я убежден. Положительно счастье обернулось в нашу сторону и улыбается во всю физиономию… или строит нам какую-нибудь каверзу.

Пятница, 30 мая(12 июня). С утра NW ветер, баллов 5. После завтрака началась сильная метель, и все небо покрылось облаками. Тем не менее, мы в 10 часов утра спустили на воду каяки, переправились через полыньи и пошли по очень плохой дороге. Но и дальше опять полыньи, и переправы приходится делать чуть ли не каждые полчаса.

Давно уж мы не встречаем больших полей, по которым можно идти часами. Встречаемые теперь поляны такие, что от одной переправы видна и следующая сажен 70–90. Не про такой ли лед упоминает Нансен, сравнивая его с рыболовной сетью; если бы посмотреть на него с высоты птичьего полета, ячеями этой сети были бы небольшие поляны, отделенные друг от друга трещинами, полыньями и каналами. Во всяком случае наша «сеть» такова, что только бы бог помог нам выбраться из нее. Трудно выбраться из этой «сети» полузажатых, полуразведенных каналов. За день отчаянной работы нам удалось пройти не более 3 верст. Но все же нас продолжает нести со льдом на S. Недавно только я мог мечтать о том, чтобы к 1 июля, дню моего ангела, нам достигнуть 82 параллели. Для этого нам надо было бы делать очень настойчиво хорошие переходы. Так ли мы шли? Нет, далеко не так. Когда я сравниваю наши суточные переходы с черепашьими, то думаю, что обижаю черепаху. Но, тем не менее,

сегодня полуденная высота солнца дала широту 82°12′, а теперь, когда я пишу этот дневник, мы уже, должно быть, пересекли 82 параллель.

Странное дело: на моей карте северная оконечность Земли кронпринца Рудольфа нанесена на широте 82°12′. Следовательно, теперь, когда широта наша 82°, я нахожусь от этой земли или к востоку или к западу, но вероятно, что западнее, так как в противном случае пришлось бы весь дрейф «Св. Анны» отнести до невозможности восточнее. Нас сносит на запад это я могу видеть и по моему никуда негодному хронометру, и по господствующим ветрам, и по направлению выпущенного в воду линя.

У меня на карте на Земле Рудольфа нанесены две вершины более чем по 1200 фут. Если бы эти вершины были нанесены у меня правильно, то я их должен был бы увидеть более чем за 35 миль. Однако я ничего похожего на землю не вижу. Что бы я не дал сейчас за заслуживающую доверия карту и за хороший хронометр! Мой хронометр дает на карте такое место по долготе, что лучше про него не говорить до определения его поправки. И неудивительно: никакой хронометр не выдержал бы той дороги, тех толчков, падений и опрокидываний вместе с нартами, какие приходится выдерживать моему. Единственно, чем оказывает он мне помощь, это тем, что я вижу, что относительно предыдущего определения нас сносит к западу. Кроме того, на моем хронометре очень удобно сидеть, когда мы плывем на каяках. А это тоже польза. Если удастся добраться до берега и получить поправку хронометра, то проложить наш путь будет нетрудно. Надо внимательнее смотреть на горизонт. Чтобы хоть чем-нибудь заинтересовать своих апатичных спутников и заставить их лишний раз ночью подняться на высокий «ропак», посмотреть на горизонт, я сегодня за чаем объявил им, что первый, увидевший землю, получит премию в 25 рублей.

Сейчас 7 часов вечера. Стоим мы у полузажатой полыньи, за которой можно рассмотреть еще много каналов. Ветер дует NW, силою 6 баллов. Метель опять началась, и разведку поэтому придется отложить до более благоприятной погоды. Сегодня и вчера мы видели несколько раз нырков, а сегодня даже перешли три медвежьих следа.

Суббота, 31 мая(13 июня). Сегодня утром, только что мы напились чаю, как слышим, кричит Максимов, что за полыньей стоит медведь. Выскочили и видим, действительно, как раз против палатки, на другой стороне полыньи, стоит громадный медведь и, по-видимому, думает, идти ли ему ближе к этой странной вещи или не стоит. Мы с Луняевым взяли винтовки и под прикрытием торосов подкрались почти к самой полынье, но

все же стрелять было еще слишком далеко. А медведь стоит и только носом воздух тянет. Он пришел с подветра, услышав вкусный запах горевшего у нас в печке тюленьего сала, но ближе подходить не решался. Когда вы увидите на фоне белых торосов медведя, чуть-чуть только отличающегося от них желтизной, то прежде всего вам бросятся в глаза три черные точки, расположенные треугольником: два глаза и нос. Эти точки то поднимаются, то опускаются, и ими медведь исследует незнакомое существо или предмет. Но инстинкт самосохранения взял верх над любопытством и голодом; постояв минут 5, медведь повернулся и собрался уходить. Пришлось стрелять: прицелившись хорошенько, мы одновременно выстрелили. Медведь упал, но сейчас же поднялся и побежал. Мы продолжали стрелять «пачками». При некоторых удачных выстрелах медведь подпрыгивал и даже перевернулся через голову. Но вот он уже, по-видимому, не может подняться, начал кататься и свирепо грызть лед. Наконец он успокоился и лежит неподвижно. Спустили мы два каяка и поплыли через полынью. Вдруг наш «мертвый» медведь поднялся и пошел наутек так быстро, что твой иноходец. Мы вернулись обратно, пожалев только напрасно выпущенных патронов, а Конрад отправился в погоню. Хотя мы и решили уже, что «этого медведя не едят», но все же я послал на помощь Конраду Смиренникова, так как по такому ломаному льду одному ходить опасно. Минут через сорок Смиренников вернулся и сообщил, что медведь далеко не убежал и мертвый лежит в полынье. Пришлось туда тащить каяк и через полтора часа у нас опять была целая туша хорошего мяса.

Да, сегодня удачный денек! Ветер чистый N. Полуденная высота солнца дала широту 81°54′. Бросили лот и, мне кажется, достали дна на глубине 100 сажен, хотя грунта поднять не удалось.

Много летает нырков; один раз пролетала стайка в 9 штук. Летают белые чайки и глупыши. Тюленей «выставало» целый день тоже много и даже по два и по три за раз. Положительно земля должна быть где-то недалеко. Слишком большое оживление вокруг нас и на льду, и на воде, и в воздухе.

А на горизонте ничего не видно «из островов». Впрочем не так; теперь, когда мы так страстно ждем, так желаем увидеть землю, мы видим ее в каждой тучке, в каждом ропаке, в каждом светлом пятне на горизонте. Вот-вот мы ждем, что станет горизонт яснее, и мы убедимся, что перед нами, далеко на горизонте, земля во всей ее прелести. Но проходит некоторое время, уносится тучка, ясно в бинокль мы рассмотрели ропак, и от наших островов не осталось и следа. Лед находится в

движении: полынья, у которой мы вчера остановились, стала совершенно неузнаваема. Куски льда отламываются от нашего поля, уносятся к противоположной кромке полыньи, и наше владение понемногу уменьшается. Лед за полыньей состоит из мелких льдин. Ходили на разведку и убедились, что по нужному нам направлению идти нельзя. Не могу себе и представить, как мы пойдем.

Пока придется подождать, благо здесь хорошо обстоит дело с провизией. На разведке встретили совершенно свежий след.

Сейчас у нас идет «стряпня». Стюарт положительно хочет побить рекорд хотя в этом деле. Из медвежьего мяса, почек, сала и кишок мы наделали таких колбас, что самый взыскательный гастроном облизал бы свои пальцы. Я это говорю не от голоду, так как теперь мы сыты до отвала. Медвежье мясо мы варим и сушим на ветру «впрок», чтобы впоследствии не беспокоиться одновременным приготовлением и пищи и чая, в особенности тогда, когда не будет попадаться тюленей на топливо. Убитый сегодня медведь большой, не менее 10 фут от кончика носа до хвоста. Шкура его очень хороша. Хорошие деньги можно было бы взять за нее «там», где живут люди. Жалко, а приходится бросать: не брать же с собой такую тяжесть, когда мы почти готовы побросать самое необходимое.

Ночью поднялась сильная метель, при крепком северном ветре.

Воскресенье, 1(14) июня. Сегодня день моего ангела. Едва я проснулся, мои спутники поздравили меня с этим событием и пожелали… ну, чего можно пожелать в нашем положении? Конечно, земли, как можно скорее и больше земли, а остальное, бог даст, приложится само. Регальд, наш «стюарт», экспромтом решил отпраздновать мои именины и закатил такой именинный стол, что у всех от одного виду даже слюнки потекли. Во-первых, все получили по громадному куску великолепного бифштекса с поджаренным луком. На второе — по большому куску сочной горячей колбасы. На третье был чай с сушеными яблоками, для чего в ведро, в котором мы варим чай, были высыпаны остатки, что-то около полуфунта, сушеных фруктов. Чувствуют себя именинниками положительно все. Да и помимо именин моих этому радостному настроению есть основание. Ветер по-прежнему N, балла 4–5, и нас несет и несет на юг. Хоть и не ходи вовсе пешком, а сиди в своей купе-палатке.

Хотя сегодня солнце только временами проглядывает сквозь облака, но все-таки удалось взять его высоту, и широта получилась 81°49,5'.

Погода прохладная и мглистая. По-старому стоим на месте и

ждем какой-нибудь перемены в дороге, а тем временем варим, жарим и едим.

Нас очень быстро подает на юг. Меня смущает одно обстоятельство, о котором я стараюсь умолчать перед своими спутниками. Если лед так быстро идет на SSW, то значит там «ничто» не преграждает ему путь. А ведь это «что» не более, не менее, как острова, к которым нам следует стремиться. Ведь, если мы радуемся нашему быстрому дрейфу, то только ради этих островов. А их-то, по-видимому, и нет там, куда движется лед. Будь этот быстрый дрейф, когда мы были много севернее, он ничего не принес бы мне, кроме радости, так как благодаря ему мы подвигались бы ближе к земле. Но теперь, когда мы, достигнув широты Земли Франца-Иосифа, продолжаем быстро двигаться на юг и тем не менее не видим и намека на острова, становится ясно, что нас проносит мимо этой земли. Проносит нас, конечно, по западную сторону, и нам необходимо идти на О, но как пойдешь по этим льдинам, все время находящимся в движении относительно друг друга? Отчего лед не несет спокойно, без перестановок, как это было ранее? Может быть, тут начало действовать приливное и отливное течение, а может быть, масса льда каким-нибудь краем, не видимым нам, задевает за сушу. Но если она и задевает за сушу, то где-то очень далеко, так как не заметно торошения льда, по моему мнению, неизбежного, если бы остров был близко. Лед переставляется ежеминутно, прямо на глазах. Одна полынья закрывается, другая открывается, льдины меняются своими местами, как будто какие-то великаны на большой доске играют в шахматы.

Идя на SSO на разведку и переправившись через несколько каналов на льдинах, мы увидели на одной льдине «лыжницу», следы лыж. От удивления мы рты разинули: кто бы мог здесь проходить на лыжах, так недалеко от нашей стоянки? Пересчитав число лыж и рассмотрев их внимательно, мы убедились, что это наши же следы, проложенные раньше, но только эта льдина переставлена на другое место.

Вот и извольте идти по такому льду! Можем идти по льду с таким же успехом, как это делает белка в колесе. По этому льду даже на разведку ходить далеко опасно: как раз заблудишься. Бросали и сегодня лот, но дна не доставали, выпустив линя 100 сажен. Во время разведки видели свежие следы медведицы с двумя медвежатами и трех взрослых медведей. Летают нырки и глупыши. Луняев убил тюленя, но пока его собрались доставать, он утонул.

Ветер и вечером продолжает дуть N. Пошел снег.

Понедельник, 2(15) июня. Сильный N ветер, почти шторм. Он

треплет нашу палатку, завывает и переставляет лед в различных комбинациях. Кругом много воды, но плыть по ней невозможно. Лед, гонимый ветром, по-видимому, свободно несется на SSW. Ничто не стесняет его движения, и можно предположить, что где-то южнее большое пространство свободной воды, куда и выносится лед.

Пользуясь прояснившимся на несколько минут горизонтом, я взял высоту солнца и получил широту 81°42,5'. Это значит, за сутки нас подало на юг на 7 миль. Недурно! Положим, что и ветер сегодня крепкий. Дна достать и сегодня не удалось. По-старому нигде не видно ничего похожего на землю. Раньше я смотрел и ждал землю в южной части горизонта, но теперь внимательно осматриваю горизонт кругом, не исключая и севера. Странно, где мы можем быть? Неужели возможно, что мы находимся по восточную сторону островов? Нет, это немыслимо! Мы должны быть по западную сторону Земли Франца-Иосифа, где-нибудь к северу от Земли Александры. Только бы нам не быть слишком западно, где-нибудь между Землей Франца-Иосифа и Шпицбергеном. Тогда будет наше дело хуже: можем «промазать» мимо Земли Франца-Иосифа и не попасть на Шпицберген.

Но этого трудно было ожидать. Вероятнее всего, мы находимся севернее Земли Александры. Насколько я помню, Нансен на пути от места своей зимовки на острове Джексона к мысу Флора видал вдали, должно быть, эту землю. Она была, кажется, низменна и сплошь тогда покрыта снегом или ледником. Немудрено, что мы ее сейчас не видим, но должны скоро увидеть.

Острова же кронпринца Рудольфа и другие, лежащие к югу от него, по всей вероятности, остаются много восточнее от нас. Если это предположение мое верно, то наше положение хуже, чем мы желали бы. Я предпочел бы попасть на путь Нансена, так как об этом пути мне хоть немного известно. Знаю, что там есть и моржи, и медведи, и птицы, следовательно, мы там не померли бы с голоду. Тот путь у меня тщательно записан в мою записную книжку, которую я называю «лоцией». С Землей же Александры дело обстоит у меня гораздо хуже: она совершенно неизвестна мне, и ее северные берега даже нанесены у меня на карте пунктиром, как они были нанесены и на карточке Нансена. Но поживем — увидим. Не буду пока загадывать вперед. Одно можем сказать, что нам надо двигаться на SO и отнюдь не сдаваться к западу. Но сейчас об этом нечего и думать. По этому льду одинаково нельзя идти как на запад, так и на юг, так и на восток.

Забились мы в палатку и ждем перемены в нашем положении, благо мяса у нас теперь довольно.

Ветер не утихает, и «на дворе» сильная метель. Луняев убил

тюленя специально для топлива, так как тюленье сало лучше горит. По полынье ходят волны и сейчас, когда нужно было ехать доставать убитого тюленя, мои «моряки» даже струсили и начали прятаться друг за другом. Поехал я, чтобы подбодрить их. Эх, лишь бы только побольше этих волн, а «моряки» привыкнут, когда придет нужда! Где много волн, там много воды, а следовательно, есть и дорога, которая нужна нам.

Среда, 4(17) июня. И вчера, и сегодня продолжает дуть сильный ветер. Метель и мокрый снег. Погода такая, про которую говорят, что «хороший хозяин и собаки не выгонит на двор». Сыро «на дворе», сыро и в палатке у нас. От долгого проживания на одном месте под палаткой снег и лед подтаивают, и вода копится в образовавшейся яме. Третьего дня мы переставляли палатку на новое место, но сегодня опять у нас мокро. Подстилки под нами, малицы, совики и даже наша одежда намокли, хоть выжми. Озябшие, сидим мы в своей палатке, словно обложенные компрессами, и мрачно молчим. Таково влияние погоды. Просушить наше имущество в такую погоду нечего и думать, и мы только переодеваем малицу задом наперед и жмемся поближе к нашей печке. Эта новая печка сделана у нас по образцу утопленной: она так же, как и та, страшно много требует топлива, так что тюленей только добывай. Хорошо хоть то, что в полынье, у которой мы стоим, тюлени «выстают», несмотря даже на плохую погоду, и когда топливо понадобится, оно у нас будет. Всех лучше у нас стреляет Луняев. Он стреляет прямо артистически, и многими уже тюленями мы ему обязаны. По тюленю стрелять трудно. Слишком неожиданно он покажет ненадолго свою голову, и слишком мала и подвижна эта мишень-голова. Убить же тюленя на воде можно только разбив ему череп. Тогда тюлень, если он достаточно жирный, остается плавать на поверхности воды. Вообще, тюлень очень «крепок на рану». Если вы даже очень тяжело раните его, когда он лежит на льду, он все равно уйдет в воду. Но мы мало видели их лежащими на льду и ни одного не убили.

Сегодня, когда я вышел из палатки посмотреть на горизонт, на другой стороне полыньи увидел неожиданно медведя. Он тоже заметил меня и, подняв голову, с удивлением следил за мною. Я сделал вид, что испугался, и стал прятаться за ропаки, надеясь, что он подойдет поближе, но медведь этот был осторожный и ближе подходить не желал, или не желал вымокнуть в полынье.

А иногда нам удавались такие уловки. Медведь, видя, что от него прячутся и стараются уйти, начинает осторожно подкрадываться, тоже скрываясь за торосами и отдельными ропаками. Такая взаимная охота друг за другом часто была

гибельна для медведя, так как тогда можно подпустить медведя очень близко и стрелять наверняка. Если же идти на медведя открыто, смело, то медведь обыкновенно после некоторого внимательного изучения невиданного существа, человека — причем он усиленно поводил своими тремя черными точками и втягивал воздух — бросался наутек. Это животное тоже «крепкое на рану». Еще на судне у нас бывали случаи, когда медведь с перебитыми задними ногами, а может быть, и хребтом, волоча заднюю половину тела, удирал на передних ногах. От ярости он оборачивался и грыз свои задние ноги, взрывал снег и лед, но продолжал уходить. Были медведи, в которых мы находили потом по двенадцати ран и все раны промысловыми пулями, т. е. разрывными, которые при попадании в кость дробят ее на мелкие куски, а при вылете делают громадное отверстие. В таком положении к медведю близко подходить опасно, хотя бы он и казался уже обессиленным. Неожиданно, отдохнув и набрав силы, он делал страшный скачок, который едва не стоил жизни одному нашему матросу на «Св. Анне». Обычно же медведь очень труслив и всегда убегает, и убегает быстро, почти не завязая в глубоком снегу; несерьезная рана только заставляет его прибавить ходу. Когда медведица не одна, а с одним или двумя медвежатами, она становится еще осторожнее, и подойти к ней на ружейный выстрел труднее.

Очень любопытная картина, когда медведица, удирая, переправляется через полынью по тонкому льду. Она ползет на брюхе, широко раскидывая толстые лапы, и медвежата, как лягушки, очень комично во всем подражают ей. Хотя медведи очень хорошо плавают и ныряют, но в холодную погоду зимой предпочитают переправы по тонкому льду, не желая мокнуть. Но один раз мы были свидетелями, как удирающий медведь на большой полынье, покрытой тонким льдом, пробил лед, нырнул и, пройдя подо льдом большое расстояние, пробил головой лед, показался на несколько секунд только для того, чтобы оглянуться на погоню, после чего опять нырнул и вышел у края полыньи на толстый лед.

Ни вчера, ни сегодня определиться мне не пришлось, но нас продолжает нести на SSW, в чем я убедился, вытравив в воду линь с грузом. Заметил я, что полыньи периодически то сжимаются, то разводятся в определенное время. Теперь уж я уверен, что вся эта перестановка льда есть дело приливов и отливов, которых раньше, когда мы были далеко в море, заметно не было.

К вечеру погода стала утихать. Два человека отправились искать ушедшего медведя, но только я думаю, что из этого ничего не выйдет.

Намереваемся распрощаться с одними нартами и одним каяком, так как они пришли положительно в негодность: поломаны вдребезги. Мы пробовали и убедились, что в трех каяках можем поместиться все десять человек, а если два из них еще связать вместе, то не страшны никакие волны. Провизии же у нас, не считая медвежьего мяса, осталось только 12 мешков сухарей, т. е. 6 пудов, фунта 3 соли и фунта 4 бульона Скорикова. Затем идет теплая одежда, лыжи, посуда и самая наша драгоценность, вся наша надежда — патроны и оружие. Сейчас воспользуемся поправившейся погодой и начнем сушить на ветру нашу намокшую рухлядь и сушиться сами. А то даже противно сидеть в этих «компрессах».

Четверг, 5(18) июня. Погода меняется: северный ветер затих и потянул слабенький S. Опять настала та туманная или мглистая погода, тот какой-то особенный матовый свет, казалось бы и несильный, при котором так невыносимо болят глаза. Все предметы, даже близкие, рисуются, словно за кисейной завесой, иногда даже двоятся, ни на что нельзя смотреть пристально широко открытыми глазами, а только прищуренными, и поминутно давая им отдыхать. Временами горизонт расчищается, солнце кажется за облаками матовым шаром, и мне удалось взять его высоту.

Опять приходится удивляться быстроте дрейфа на юг; широта получилась 81°90′. Не буду особенно доверять сегодняшнему определению: во-первых, болят глаза, а во-вторых, горизонт все же неясный.

Около четырех часов, при мглистом же горизонте на OSO от места нашей стоянки, я увидел «нечто».

Не могу сказать наверно, что это такое. По крайней мере землю я не так представляю себе. Это были два белых или даже розоватых облачка над самым горизонтом. Они долго не меняли ни формы своей, ни места, пока их не закрыло туманом. Не понимаю, что это такое; я даже ничего не говорю про виденное мною своим спутникам. Слишком часто приходилось нам ошибаться за два месяца нашего скитания по льду и принимать за землю и облака, и отдаленные торосы.

Кажется, никогда еще не были мы окружены таким количеством полыней, разводьев и каналов, как теперь; они ежечасно меняются, то зажимаются, то раздвигаются, меняют свое направление, но все покрыты мелкобитым льдом — «кашей» и плыть по ним невозможно. Кругом на горизонте много «водяного неба» или черноты, но больше всего этой черноты на Ost и на W. Много летает нырков и визгливых белых чаек. Ох, эти чайки! Как часто по ночам они не дают мне заснуть, суетясь, ссорясь и споря

между собою около выброшенных на лед внутренностей убитого тюленя. Они, как злые духи, кажется, следят за нами, издеваются над нашим положением, хохочут до истерики, визжат, свистят и едва ли не ругаются. Как долго буду помнить я эти «крики чайки белоснежной», эти бессонные ночи в палатке, это незаходящее солнце, просвечивающее сквозь полотно ее, если когда-нибудь доберусь до берега. Дна мы не достали и сегодня, хотя два раза бросали лот. Линь неизменно показывает, что лед движется на S. К вечеру опять подул N ветер. Что же, давай Бог! Лучше на юг, чем обратно на север!

Пятница, 6(19) июня. Оказывается, что вчера при определении я не ошибся. Сегодня полуденная высота при великолепном горизонте дала широту 81°10′. Удивительно, но это так. Таким образом выходит, что за неделю нашей стоянки на одном месте мы продрейфовали со льдом на юг на целый градус. Пожалуй, это даже слишком много для того, чтобы объяснить движение льда на юг только северными ветрами. Трудно предположить, чтобы лед, под влиянием только одного ветра, в продолжение целой недели двигался по 8,5 миль в сутки. Насколько я помню, такого быстрого движения не было на «Св. Анне». Нет, здесь не обошлось без течения, это мое мнение[36].

С уменьшением широты до 81° еще настойчивее является вопрос: где мы? Я уже решил, что мы дрейфуем западнее Земли Франца-Иосифа, иначе пришлось бы весь дрейф «Св. Анны» отнести слишком далеко на восток, чего быть не может. Итак, мы действительно покинули судно на 60 меридиане и после этого, во время нашего страшно медленного движения на юг до 82 параллели, нас сильно снесло на W, чего и надо было ожидать: Но на моей карте Земля Александры показана немного севернее 81 параллели, так что, если бы мы не проходили еще западнее этого западного острова архипелага Франца-Иосифа, то теперь должны были бы быть вплотную прижаты к его берегам. А между тем, мы не видим даже ничего похожего на землю, да и дна достать не можем своим стосаженным линем. Остается, значит, только два предположения: или моя карта ни к черту не годна, или мы дрейфуем где-нибудь между Землей Александры и Шпицбергеном, причем уже миновали Землю Гилис[37], не видав ее. Что вероятнее, трудно сказать. Может быть, даже оба предположения верны. Во всяком случае, очень возможно, что нам не удастся «ухватиться» за Землю Александры, и тогда прощай мечты о мысе Флора, о Джексоновских постройках и о провизии, может быть, случайно сохранившейся там. Тогда, значит, прямым рейсом до Шпицбергена? Не придется мне следовать по предписанию, полученному от Брусилова, а по

божьему соизволению. Пословица недаром говорит: человек предполагает, а бог располагает. Но хватит ли у нас энергии следовать прямо до Шпицбергена? Успеем ли мы в этом году? Выдержат ли каяки и нарты этот путь? Посмотрим!..

Ветер к вечеру перешел в NW четверть и посвежел до 6 баллов. Замечаем, что в полыньях начали «выставать» тюлени более крупные, чем раньше, но убить этих крупных не удалось ни одного; слишком они осторожны. Нырки и неугомонные белые чайки, эти истеричные существа, летают круглые сутки. Сегодня уничтожили четвертый каяк и самые поломанные нарты. Пойдем дальше на три «подводы». Маловато остается у нас сухарей, маловато.

Суббота, 7(20) июня. Стоим и сегодня на старом месте. Это у нас тоже нечто вроде Нансеновского «лагеря ожидания». Только вопрос, дождемся ли мы чего-нибудь, а если дождемся, то чего? Ветер NW, 5 баллов. Это хорошо: пусть нас прижимает немного к Ost. Погода пасмурная, и идет мокрый снег. Снег стал сильно таять и оседает целыми пластами. Сверху он становится плотным, и идти по нему было бы недурно, если бы знать, куда идти, если бы не этот так безобразно поломанный лед, если бы не эти бесчисленные каналы и полыньи. На горизонте кругом много черноты, и лед в сильном движении. Я не уверен, кажется мне только или это и на самом деле так, будто лед, находящийся от нас на O, отстает в своем движении на S от нашего льда и от лежащего западнее. Сегодня убили в полынье тюленя, который, по общему приговору, был больше всех убитых нами как в пути, так и на судне, Я попробовал его приподнять, и он весил не менее 4 или 5 пудов. Похлебка из него вышла чудесная. Стаи нырков становятся все многочисленнее, и сегодня вечером я видел стайку в пятнадцать штук, пролетевшую на север. Куда они, глупые, летят, чего им там надо в этой пустыне?

Я всех этих птиц называю нырками только потому, что они, будучи издали похожи на уток, на самом деле не утки, но в то же время и не нырки, которых я знаю. Эти, которых мы видим, черного цвета, шейки у них короче утиных и клюв не утиный, а острый, как у вороны. Грудь у них и брюшко белые. Одни из них величиною с утку, а другие много меньше. По виду же маленькие очень похожи на больших, так что мы сначала даже их принимали за молодых; разве что клюв у маленьких покороче и потолще и не так похож на вороний, как у больших. Большие, если ранены, то кричат даже как-то по-вороньи. Маленькие, когда сидят стайкой, то очень мило щебечут и страшно подвижные существа[38]. Чайки попадаются трех пород, но преимущественно белые, очень скандальные, шумные существа, не дающие нам спать ни днем,

ни ночью.

Сегодня не удалось взять высоты солнца. Лот бросали два раза, но дна не достали; линь показывает на N.

Теперь я стал замечать, что линь показывает наше движение не точно по ветру, а в сторону. Положительно, мне кажется, что здесь есть постоянное течение.

Земля!

Понедельник, 9(22) июня. Вчера ветер продолжал дуть NW и WNW. Хотя днем была пасмурная погода, все же удалось взять высоту солнца: широта получилась 80°52′ и долгота 40°20′, но в последней я не уверен по-прежнему. Вечером, около 9 часов, я по обыкновению забрался на высокий ропак посмотреть на горизонт. Кроме обычных островов, которые мы много раз видели кругом и которые в конце концов оказывались торосами или облаками, на этот раз я видел на SO от себя, при хорошем горизонте что-то такое, отчего я в волнении должен был присесть на ропак и поспешно начал протирать и бинокль и глаза. Это была резкая серебристо-матовая полоска, немного выпуклая вверх, идущая от самого горизонта и влево постепенно теряющаяся. Самый «носок» ее, прилегающий к горизонту, особенно резко и правильно выделялся на фоне голубого неба. Цвета он был точно такого же, какого бывает луна днем, и даже похоже было, как будто из-за горизонта чуть показалась луна, но почему-то левая половина сегмента этой луны постепенно тускнела и исчезала, в то время как правая половина по мере приближения к горизонту становилась резче. Эта светломатовая правильная полоска была похожа на аккуратный нежно-белый мазок тонкой кистью по голубому полю. Пожалуй, нечто похожее я видел и 5 июня почти в том же направлении, только тогда я их называл облачками, их было два[39], и они были не так ясно видны. Но тогда и горизонт был хуже. Ночью я раз пять выходил посмотреть в бинокль и каждый раз находил этот кусочек луны на своем месте; иногда он был яснее, иногда слабее виден, но главнейшие признаки, т. е. цвет и форма, оставались те же.

Я удивляюсь, как никто из моих спутников ничего не видит. Какого труда стоит мне сдержать себя, не вбежать в палатку, не закричать во весь голос: что же вы сидите чучелами, что вы спите,

разве не видите, что мы почти у цели, что нас подносит к земле? Мне хочется растормошить своих спутников, хочется говорить и говорить о земле, так как я уверен теперь, что это земля. Но я почему-то сдерживаю себя, ухмыляюсь и думаю: нет, дорогие мои, увидайте сами! Но спутники мои не замечают земли, не замечают и моего волнения. Я и премией, назначенной за увиденную землю, не могу заинтересовать их. По-старому большинство их апатичны, малоподвижны и вместо наблюдений за горизонтом предпочитают или спать, или, забравшись с ногами в малицы, заниматься охотой за «бекасами».

Утром погода была на редкость хорошая. Земля была видна еще яснее. Мне припоминается, что Нансен описывает виденную им Отдаленную землю, кажется, кронпринца Рудольфа, в виде матового щита, лежащего выпуклостью вверх. Но ведь наша земля именно такой же матовый щит, лежащий выпуклостью вверх, только видна одна правая половина его: но это зависит от направления, с которого мы видим землю, и от освещения.

Но как не похожа эта земля на то, что я ожидал увидеть, рассматривая горизонт почти два месяца.

Эта земля какая-то сказочная, фантастическая, почти такая же далекая от действительности, как картина. Ее странный, ненатуральный лунный цвет, правильная, как по лекалу очерченная, форма совершенно не дают понятия о расстоянии, какое отделяет нас от этой земли.

Утром, при очень хорошей погоде, кроме замеченной вчера земли, которая, по-видимому, не очень высока, левее ее, на Ost, были видны еще несколько отдельных вершин[40]. Эти были гораздо дальше, но и много выше первой земли. Они были уже не ледники, а высокие гористые острова синевато-темного цвета. Вершины их временами закрывались туманом, очертания были неопределенны, и, должно быть, благодаря струящемуся влажному воздуху казалось, что эти очертания вершин колеблются. Но в общем они не меняли своей формы.

До этих гористых островов, должно быть, очень далеко и если мы их видим, то только потому, что слишком хороша сегодня погода и слишком они высоки.

Местами между вершинами чуть были заметны ледники, но только потому, что они рисовались на фоне темных гор. Сравнивая эти отдаленные ледники с ледником, замеченным вчера, становится ясно, насколько он ближе к нам. Но сколько же миль может быть до этой ближайшей земли? Трудно, почти невозможно сказать. Глаз не привык определять расстояние до таких «лунных» островов. Я скорее определил бы расстояние до тех дальних гористых островов, ну что-нибудь около 50–60 миль.

Но до этого ближайшего, право, не могу определить.

Иногда, когда я представляю его себе мысленно невысоким, сажени 4 над уровнем моря, гладким, как каток, тогда он кажется мне совсем недалеко, миль 5–6. Но сейчас же мне покажется очень уж неестественной его гладкая ледяная поверхность; мне представляется, что он гораздо выше, что из-за горизонта мне видна только самая выпуклость его, кажущаяся такой идеально ровной только благодаря большому расстоянию, и тогда я готов дать до этого «лунного острова» и все 25–30 миль. Но во всяком случае мы сейчас ближе к земле, чем были когда-либо почти за два года. Слава тебе, Господи! Но вопрос, как мы будем добираться до этой земли? Как бы это трудно ни было, а добираться все же надо.

Сегодня я взял хорошую полуденную высоту солнца и получил широту, как и вчера, 80°52′. Ветер сегодня S. Должно быть, благодаря ему наше движение на юг приостановилось. Сейчас четвертый час дня. Мы пообедали и укладываемся, так как немедленно пойдем к земле. Я взял еще высоты солнца и, положив Сомнерову линию[41], получил незначительную, около 2 миль, подвижку на O против вчерашней точки. Несмотря на S ветер мы приближаемся к острову, что видно и по вытравленному линю. Здесь есть приливное и отливное течения. Глетчер сейчас виден яснее, чем вчера: ослепительно бела и ровна его поверхность.

(10 часов вечера). Шли мы сегодня до девяти часов и прошли версты 3–4. На общем совете решено не ставить палатки, пока не доберемся до острова. Это мы хотим делать для того, чтобы меньше терять времени на сборы и чтобы меньше спать. Не знаю только, выдержим ли мы свой характер и выполним ли свое доброе намерение. Полыньи так быстро разводятся, что через некоторые успевали перетащить только один или два каяка, а третий уже приходилось спускать в воду вместе с нартами и грузом наверху и на лямках перетаскивать на другую сторону. Много «выстает» тюленей даже в маленьких разводьях, много летает нырков, и все летят или к острову, или от него. Перешли совершенно свежий медвежий след и несколько более старых. Все это очень подбадривает нас и придает совершенно новый характер нашему путешествию. Теперь ведь мы идем к земле и земле уже видимой. Вчера удалось убить тюленя и трех нырков, которых сегодня ели. Попробовали сделать силок для ловли изводящих нас белых чаек, но из этих истеричек ни одна не соблаговолила засунуть свою лапу в петлю. Сейчас мы ночуем почти под открытым небом, только положив на лед лыжи и сделав навес из парусов.

Вторник, 10(23) июня. Вечер. Сидим в палатке, хотя до острова не только не дошли, но, по всей вероятности, даже стали дальше от него, чем были вчера. Благими намерениями ад вымощен… Погода туманная, временами идет мокрый снег, иногда переходящий в мелкий дождь. Ветер с утра S. Снялись в 8 часов утра и до 3 часов дня прошли не более 2–3 верст. Снег мокрый, липкий. «Не дорога, а клей», — говорят мои спутники. Про переправы и вспоминать неприятно: ни пешком, ни вплавь. Перемокли, измучились, решили ставить палатку, обедать. Убили тюленя, от которого собрали две миски крови, из этой крови и нырков сделали очень хорошую похлебку. Когда мы варим чай или похлебку, то обыкновенно шутить не любим. Варить, так варить, говорим мы, и закатываем и чаю и похлебки по полнешенькому ведру, вплоть до краев. А ведро у нас большое, в форме усеченного конуса. Остатков от этих порций обыкновенно не бывает. Сегодня утром мы съели ведро похлебки, выпили чаю, и сейчас на ужин мы съели больше чем по фунту мяса и дожидаемся с нетерпением, когда вскипит наше ведро чаю. Мы бы, пожалуй, не прочь и сейчас сварить и съесть ведро похлебки, но стесняемся: надо «экономить»… Кроме перечисленных порций пищи, каждый из нас ежедневно получает по фунту сухарей. Аппетиты у нас не волчьи, а много больше, это что-то ненормальное, болезненное.

В мрачные минуты нам приходит в голову примета, что такая необыкновенная жадность, как у нас теперь, обыкновенно бывает перед сильной голодовкой. Упаси нас, господь, от этого!

Но несмотря на то, что пищей мы теперь не обижены, как это видно из указанных порций, вчера была обнаружена пропажа 7 фунтов сухарей. Заметить такую пропажу у нас не трудно, так как все сухари зашиты в одинаковые двадцатифунтовые мешки. Такого мешка нам хватает на два дня. Подобные пропажи, но в меньшем размере, я замечал и раньше, и надо ли говорить, как они меня огорчают, даже раздражают. Объявил, что за пропажу будут отвечать все, так как я буду принужден уменьшить порции.

Но если я кого-нибудь поймаю на месте преступления, то собственноручно застрелю негодяя, решившегося воровать у своих товарищей, находящихся и без того в тяжелом положении. Как ни горько, но должен сознаться, что есть у меня в партии три или четыре человека, с которыми мне ничего не хотелось бы иметь общего. Не стоит говорить про это: теперь бы только скорее добраться до берега.

С каким страстным нетерпением мне хочется попасть на этот остров. На нем окончится наш двухгодовой дрейф со льдом, вместе с тем наша постоянная зависимость от ветров, течений и

полыней. Мы уже будем сами располагать своим движением вперед. Возможно, что там мы найдем свободную полосу воды у берега, по которой быстро поплывем, куда нам надо. Там мы увидим массу птиц, моржей, и, может быть, и медведей. На острове мы собираемся устроить себе хорошую «баню». Шутка ли сказать, мы за два месяца своего пребывания на льду ни разу не мылись и, конечно, имеем ужасный вид. Сначала я как-то не обращал внимания на это, но один раз, беря высоту солнца, я в большом зеркале секстана случайно увидел свою физиономию и прямо испугался. Какая-то черная, блестящая, как шагрень, пленка лупилась на моей физиономии и отставала целыми пластами. Я думал, что это только копоть, но потом убедился, что грязь лупится вместе с тонкой пленкой кожи. Таковы были все мы. Когда же мы стали сдирать эту пленку, отставшую только местами, то стали похожи на татуированных. Про ту единственную пару белья, которая была на нас, про брюки, теплые вязаные рубашки и пиджаки и говорить нечего. Они только вполне соответствовали тому телу, которое покрывали. Вся наша одежда сплошь кишела «бекасами», т. е. насекомыми, и я думаю, что вязаная рубашка по ровному месту могла бы далеко уползти самостоятельно.

В палатке частенько можно наблюдать картину, как все сидят в кружок и, изредка перекидываясь отрывистыми фразами, с самым глубокомысленным видом заняты «охотой за бекасами». Страшно сосредоточенный вид… Охота эта преимущественно происходит по вечерам и потому называется «вечерними занятиями». Не мылись мы по разным причинам: во-первых, не было мыла, во-вторых, не было воды, часто даже для питья, не говоря уже про умывание или стирку, а в-третьих, было холодно. Некоторые же даже просто дали «обет» не мыться, пока не дойдем до берега. А кто же мог предполагать, что мы увидим этот берег только через два месяца. Немудрено, что все частенько чувствовали потребность «поохотиться», а совместное спанье в малицах, конечно, способствовало равномерному распределению «дичи». «Охота» эта удивительно всех объединяла, и все споры в это время обыкновенно прекращались. Но довольно этой темы.

После обеда я с тремя человеками пошел на разведку. Картина нам представилась сравнительно благоприятная. За четырьмя полыньями, через которые нам предстоит завтра переправиться, пойдет дорога лучше. Совершенно особенный лед: ропаки на нем черные, грязные, с приставшими кусками водорослей, песка и даже камней. Несколько камешков, водорослей и две маленькие палочки мы даже захватили с собой, как первые дары земли, как масличную ветвь. Снег на этом льду

уже сильно разъеден и стаял; дорога сравнительно хорошая. Видели много совершенно свежих медвежьих следов. А погода по-прежнему сырая, туманная. Идет мокрый снег, почти дождь. Ветер S.

Среда, 11(24) июня. Сегодня сделали хороший переход, верст 6. Стоим сейчас, вечером, на льдине, опять окруженной полыньями и мелкобитым льдом. Утром ветер был слабый NO, но к вечеру перешел к N и покрепчал. Горизонт немного очистился, и можно было видеть наш остров-глетчер, хотя и плохо. Не могу разобрать, три ли отдельных небольших острова перед нами или это один большой, но с тремя выпуклыми ледниками. Ближайший ледник от нас сейчас на S; по-видимому, нас со льдом подало течением немного на Ost, так как увидали мы этот остров или, вернее, западную оконечность его, на SO. Расстояние до него, как и раньше, определить не могу: очень необычайная странная форма и обманчивый цвет положительно не дают понятия о расстоянии. Убили маленького тюленя и нырка. Опять болят глаза. Никогда, кажется, мои глаза не привыкнут к этому свету, хотя, казалось бы, пора привыкнуть.

Четверг, 12(25) июня. Тяжелый день. Во-первых, у семи человек, а в том числе и у меня, продолжают болеть глаза и болят так, как никогда. Во-вторых, за день ушли мы не более двух верст. Все время переправы через полыньи, забитые мелкобитым льдом и шугой. Приходится каяки, вместе с нартами и грузом, спихивать в эту кашу, самому садиться верхом на груз и, расталкивая лед веслом, перебираться через полынью. Такие тяжелые переправы попадаются на каждом шагу. Во время одной из переправ случилось несчастье, иначе я не могу назвать потопление одной из двух имеющихся у нас винтовок «ремингтон». Утопил Луняев с помощью Смиренникова. Это разгильдяйство, нерасторопность страшно возмутили меня. К стыду своему должен признаться, что не мог сдержать себя, и на этот раз кой-кому попало порядочно. Кто войдет в мое положение, тот не осудит меня. Это уже второе ружье, утопленное моими разгильдяями за время нашего пути по льду. Осталась только одна винтовка такая же, для которой у нас еще много патронов. Маленькую магазинку считать нечего, так как для нее осталось не более 80 патронов. Остаться же в нашем положении без винтовки вряд ли захотел бы здравомыслящий человек. Кроме упомянутых двух оставшихся винтовок мы имеем еще дробовку-двустволку, но эту нельзя назвать серьезным, ружьем там, где из-за каждого ропака можно ожидать увидеть медведя.

Сегодня ясная, солнечная погода, при слабом N ветре. Пробовал определиться, но из этого ничего не вышло: вместо

солнца вижу какое-то расплывшееся пятно, а горизонта и совсем не вижу. Ох, эти глаза! Они заставляют меня бездеятельно сидеть в то время, когда нужно идти и идти вперед. Остров, по словам наиболее зорких, сегодня виден очень хорошо, но я ничего не могу разобрать. Часов в 5 Губанов с Максимовым ходили на лыжах на разведку верст за 6. С того места, докуда они дошли, по словам Губанова, на острове даже можно разобрать некоторые подробности. Сегодня, когда мы переправились через полынью, мимо нас пролетели два раза гаги. Это уж много лучше чаек и нырков. Летели они от острова. Вообще все птицы летят по этому направлению, и это дает мне право надеяться, что и видимый нами остров не такой уж мертвый и пустынный, как он кажется. Тюленей сегодня не видно. Запас этого мяса вышел весь, и сегодня на обед было роздано сваренное раньше медвежье мясо. На ужин же варили похлебку из сушеного медвежьего мяса. Есть можно, но когда похлебка эта остынет, то она имеет неприятный запах и привкус. Сахар у нас вышел весь уже несколько дней тому назад. Теперь мы пьем чай с ржаными сухарями и находим, что если и дальше будет так продолжаться, то было бы недурно. Но, увы, запасы и чаю и сухарей у нас быстро уменьшаются. Чаю осталось только на несколько дней.

Идти приходилось теперь так: с высокого тороса сначала намечаешь путь, выбирая места, где возможно или перейти, или переплыть, и стараешься выбирать льдины по возможности большие. Часто приходится, перебросив на другую сторону канала длинную лямку, самим переходить по зыбкому мелкому льду на лыжах и, перейдя канал, перетягивать через него каяки на лямках. При этом каяки кренятся, застревают в каше и большого труда стоит их вытянуть на лед. Поминутно то тот, то другой проваливаются, но, вылив из сапог воду, сейчас же принимаются за прерванное дело. А остров почти так же далеко, как был и раньше.

Пятница, 13(26) июня. Ветер SSW. Снялись в 8 часов утра и шли до 6 часов 30 минут вечера с часовой остановкой на обед. Прошли за день верст 8. На этот раз попадаются большие льдины, покрытые глубоким снегом. Под снегом много воды, по-прежнему морской. Провизии становится маловато. Вчера я писал, что чаю остается на несколько дней, а между тем сегодня вечером пришлось высыпать в ведро последнюю заварку. Утром завтракали только чаем с сухарями, обед состоял из сухарей и теплой воды, разбавленной консервированным молоком, но к ужину удалось убить трех нырков, из которых сварили похлебку, прибавив в ведро немного бульону Скорикова. Часть этой похлебки оставили на завтра. В одной полынье «выставали»

тюлени, но убить не удалось ни одного.

Во время переправы через полынью мы были напуганы внезапно высоко выскочившим из воды большим «зайцем»[42]. Он, должно быть, в свою очередь испугался спущенных на воду каяков. К вечеру «зрячие» увидели остров, так-как горизонт немного прояснился. На этот раз он был уже опять на SO. Лед, по-видимому, носит взад и вперед около острова приливом и отливом. Вот причина такой массы мелкобитого льда в полыньях. Воображаю, сколько этой гадости, этой каши, ближе к острову! Губанов все уверяет меня, что остров виден лучше, но я этого не замечаю. К вечеру SSW ветер посвежел и пошел не то град, не то крупа.

Суббота, 14 июня. Ветер тот же. Погода опять мглистая, холодная. Снялись в 9 часов утра и шли до 12 часов дня, пройдя 4 версты. Выйдя на тонкий лед, Конрад, шедший в передних нартах, внезапно провалился в лунку, сделанную тюленем и занесенную снегом. Провалился основательно, запутался в лямке, и его прикрыло нартами. Все бросились на помощь, обрезали лямку, оттащили нарты и выволокли Конрада, промокшего до нитки и хлебнувшего даже воды. Пришлось ставить палатку и отогревать утопленника.

Сегодня осталось у нас сухарей на 10 человек только 3 пуда. Охота в последнее время становится менее удачной, чем ранее. На обед сегодня были у нас сухари и горячая вода, в которой развели последнюю баночку консервированного молока. На общем «совете» постановили идти на разведку как можно дальше, и если результат окажется неблагоприятным, то бросим палатку и все, что только возможно, и почти с пустыми каяками пойдем быстрее. Жаль бросать наше имущество: топоры, гарпуны, палки, запасные лыжи, теплую одежду и обувь, каждую пустую жестяную банку; конечно, из всего этого составляется порядочный груз, но в то же время как это будет нам нужно, прямо необходимо, если бы нам пришлось зимовать на этих островах. А зимовать, по всей вероятности, придется. Пошли на разведку. Отойдя на версту от стоянки, увидели в полынье «выстающих» тюленей. Решили подождать. Опять фортуна улыбнулась нам в решающий момент. Посидев немного у полыньи, убили двух тюленей, и ужин был у нас великолепный. Все повеселели и решили подождать бросать наше имущество. Не судьба!

Понедельник, 16(29) июня. Вчера прошли не более 2 верст. В той полынье, где убили третьего дня двух тюленей, вчера утром убили еще двух. Переправились через полынью и решили остановиться вследствие густого тумана, В такую погоду и по такому льду идти прямо опасно. Можно зайти в такую кашу, что и

не выберешься обратно. Пока ставили палатку и разводили огонь, Луняеву удалось в течение часа убить 5 тюленей. Счастливая полынья! Зверя «выстает» на редкость много. Можно было настрелять тюленей и гораздо больше, но пока запас у нас и без этого велик. Насколько удалось мне рассмотреть место нашей стоянки, мы находимся на небольшой льдине, окруженной со всех сторон мелкобитым льдом. Нигде не видно дороги. Положение неважное, и ветер, как назло, дует уже несколько дней S и, пожалуй, нас отжимает от острова. Придется подождать пока, благо тюленей много. Может быть, ветер переменится и подожмет нас поближе к острову или хотя бы сожмет эту отвратительную кашу из мелкобитого льда. Что делать, что предпринять? Дождаться ли улучшения дороги или случайной попутной полыньи, или побросать все и на лыжах, с котомками за плечами пойти к острову? Но невозможно остаться без каяков. Нам могут попасться пространства чистой воды, через которые невозможно будет перебраться иначе, как в каяках. Сделали опыт: в один каяк положили все имущество и пробовали тянуть восемь человек. Опыт оказался, как я и ожидал, неудачным: перегруженные нарты в этом талом глубоком снегу так завязают, что восемь человек тянут их с таким же усилием, как и трое нарт, не говоря уже про то, что через день такого пути наши и без того поломанные нарты окончательно оказались бы негодными. А без нарт пришлось бы бросать и каяк. Этот опыт окончательно укрепил меня в решении из оставшихся трех каяков не бросать ни одного. Лучше будем идти медленно, но без риска в один прекрасный день очутиться на льдине, окруженной со всех сторон водой, и не имея возможности переплыть на остров. Не надо отчаиваться. Понемногу, но настойчиво, мы должны когда-нибудь подойти к острову и подойти со всем оставшимся необходимым имуществом. В сущности мы не так уж много времени и идем: всего только 7 дней, как увидели остров, и за это время, конечно, подвинулись к нему порядочно. Раньше его можно было рассмотреть только в бинокль, теперь, когда туман рассеивается, его видно хорошо и простыми глазами. Нужды нет, что он кажется таким неестественным. Должно быть, он и вблизи такой же. Насколько я помню, Нансен после того, как увидел Белую Землю; полмесяца еще шел до нее. А у него оставались еще собаки, которые помогали хорошо тянуть. Да и нарты у него были не нашим чета. Нет, что бы мне ни напевали «лыжники», а каяков я не брошу, или, по крайней мере, своего каяка не брошу. А если из них кто-нибудь думает иначе, то я их насильно к себе и к каякам не привязал. Так я и объявил своим спутникам.

В 6 часов вечера мы снялись и пошли вперед. За два с

половиной часа прошли верст пять. Пришлось остановиться, так как лед опять начало разводить. Остановились на большой старой льдине. На этой льдине нашли первый раз в этом году совершенно пресную воду. Только что успели поставить палатку, как прибежавший Конрад сообщил, что за ропаками лежит большой морж. Взяли винтовки и пошли. Морж лежал у самой полыньи и временами поднимал голову, прислушиваясь к чему-то. Как мы осторожно ни подкрадывались к нему, он ушел в воду до выстрела. Осмотрев лежбище, мы убедились, что здесь лежало несколько моржей. Под их тушами были большие проталины, сильно запачканные навозом. Появление моржей очень обрадовало нас. Туман держался весь день. Определиться и сегодня не удалось.

Вторник, 17(30) июня. Сегодня замечательный день. На меня сегодня свалилась, как «на бедного Макара» такая «шишка», от которой долго, кажется, я не приду в себя. Вчера вечером два человека, фамилии их называть не буду, вызвались утром, часа в 4, отправиться на поиски дороги и попросили взять с собою, по обыкновению, на всякий случай сухарей. Это у нас всегда было принято делать для предосторожности. Утром я проснулся в половине четвертого и разбудил разведчиков, после чего опять заснул. Проснувшись к завтраку, я узнал, что разведчиков еще нет. В 12 часов дня я уже начал беспокоиться, и мы решили пойти по их следам на поиски. Может быть, лед как-нибудь переставило, и они не могут попасть обратно. Когда мы стали собираться на поиски, то обнаружили очень неприятный сюрприз: оказалось, что разведчики взяли с собой пару лучших сапог Луняева, почти все теплые вещи, принадлежащие Максимову, мешок сухарей весом в 23 фунта, двустволку и все, около 200 штук, дробовые патроны. Я бросился к своему каяку и увидел, что они взяли еще дюжину коробок спичек, бинокль, единственный имеющийся у нас, очень полезный, так как при нем был маленький компасик, и запаянную жестяную банку с почтой и документами всех нас. Не забыли «разведчики» прихватить и единственные наши карманные часы, принадлежащие Смиренникову. Одним словом, наши товарищи снарядились основательно. Взяли они и мои очень хорошие лыжи, оставив мне взамен их ломаные. В общем, никто из нас не был обижен, никто не забыт. Не могу описать нашего негодования при этом открытии. Все порывались сейчас же бежать на лыжах в погоню за ворами, и если бы теперь их удалось настигнуть, то безусловно, они были бы убиты.

Но я остановил пылких товарищей по несчастью. Остановил не потому, что жалел ушедших, а потому, что погоня была бы бесполезна. За восемь часов беглецы, по всей вероятности, ушли

так далеко, что догнать их было бы невозможно, не говоря уже про то, что тогда мы потеряли бы и оставшееся наше имущество, так как лед все время переставляется и обратно дорогу к каякам между торосами нам не найти. Да и следы беглецов скоро были бы потеряны. Пришлось примириться с создавшимся положением и думать о дальнейшем движении. Волей-неволей теперь приходилось бросить палатку и одни нарты с каяком. Без палатки обойтись нетрудно, но с двумя каяками на восемь человек уже будет труднее. Самое большое на них могло поместиться 7 человек и то если связать оба каяка вместе и не брать на них нарт. Бросили мы каяк, написав на нем предварительно: «Св. Анна», бросили нарты, палатку и еще кое-что и отправились в путь. Нарты теперь стали легкие. В передние нарты впряглись 4 человека, в задние 3, а я на лыжах пошел вперед, разыскивая дорогу и более удобные переправы. Видели 9 штук гаг, летевших с острова одна за другой, а на большой поляне видели тюленей, вылезших на лед. Как только они завидели нас, то сейчас же шмыгнули в лунки. Пройдя версты три, у нас сломались одновременно двое нарт. Одни нарты еще можно было исправить скоро, но у других поломка оказалась серьезнее. Пришлось остановиться, а 4 человека вернулись обратно за брошенными нартами и часа через два притащили их. Напившись чаю, заварку которого нашли, перебирая патроны, мы усиленно принялись подгонять нарты к каяку и чинить поломанные. В 10 часов вечера отправились далее. Полнейший штиль и туман.

Среда, 18 июня(1 июля). Ночью шли до 3 часов и прошли еще верст 5. Дорога сносная: начинают попадаться полянки, с которых снег почти стаял. Преимущественно — это молодой лед. Закинув за спину магазинку, я ухожу далеко вперед, забираюсь на высокие торосы и выбираю дорогу. Когда путь обеспечен версты на две-три вперед, я возвращаюсь к каякам и помогаю при переправах. Идем молча, все еще находимся под впечатлением покражи и побега наших вероломных спутников.

Во время переправы через полынью видели в ней моржа, который долго с любопытством смотрел на нас. После полуночи погода начинает проясняться, а к 3 часам засветило даже солнце. Вместо брошенной палатки для ночлега мы пользуемся парусами от каяков, делая из них с помощью лыж и весел нечто вроде навеса, а каяками закрываемся от ветра.

Утром мы проснулись поздно, около 9 часов. Погода была хорошая, и солнце светило во всю. Туман еще держался, но на самом горизонте. Переправились мы с Губановым через полынью и отправились на лыжах на разведку. Остров-ледник хорошо виден на SSO. Этот ровный вид его, неестественный серебристо-

матовый, а иногда и голубоватый цвет по-прежнему смущает меня. Он стал значительно выше. Правее его видна какая-то светло-коричневая полоска. Это или отмелый низкий мысочек у острова, или отдельный низменный островок. Последнее мне кажется вероятнее, так как эта полоска кажется ближе чем «лунный остров», но, впрочем, пока я в этом еще не уверен. Дорога сносная, идти понемногу можно. Сегодня удалось убить еще одного тюленя, и за обедом мы имели два блюда: суп и котлеты. Снялись мы в 1 час дня и шли до 6 часов, пройдя верст 5. Вследствие густого тумана и дождя пришлось остановиться. Делать кровлю с тремя защищающими от ветра стенами мы теперь наловчились и делаем это скоро, так что отсутствие палатки мы не ощущаем. С палаткой даже больше возни, да и тяжела она. К тому же теперь достаточно тепло. На снег мы кладем ряды лыж, на которые стелем куски брезента, служившего раньше «полками», защищающими каяки. Получается очень недурное помещение «с массой воздуха и света». Шли мы сегодня на SSO. Сначала попадались следы беглецов, но скоро мы их потеряли. Когда в полдень я брал высоту солнца, при хорошей погоде, то, кажется, видел что-то похожее на две человеческие фигуры, верстах в 8 от нас. Смотрел я с очень высокого тороса в предметную трубку секстана, заменяющую теперь мне бинокль. Я не стараюсь особенно догнать их. Если бы мы их догнали, то было бы два выбора: или покончить с ними «судом Линча», или, простить преступников. Я склонен думать, что мои спутники настояли бы на первом, напомнив мне, мое обещание. Простив же их, мы брали бы на себя большую обузу, так как каяк, нарты и некоторое нужное имущество уже брошены и вряд ли удалось бы нам, теперь их найти.

Непонятно и бессмысленно кажется мне это бегство. Ведь я не раз говорил всем «лыжникам», что я никого силой не держу и «к себе и к каякам не привязал». Желающие могли уйти не воровски, а поделив честно остатки нашего снаряжения. Но беглецы предпочли обокрасть нас, унести с собой наши частные вещи и нелепейшим образом забрали все документы, паспорта и почту. Взяв с собой двустволку и все дробовые патроны, они пульных патронов взяли только 10 штук. Едва ли это достаточно, принимая во внимание возможные частые встречи с медведями. Но любопытно мне: куда они пойдут? Ни тот, ни другой не знает, где мы находимся, где мыс Флора и где Шпицберген.

Четверг, 19 июня(2 июля). Вчера мы предполагали сняться еще вечером, но до 2 часов ночи погода была туманная и дождливая. В 3 часа мы пошли и до 7 часов утра прошли верст 5. Остановились на большом поле. Хотя горизонт и мглистый, но

теперь конец острова виден хорошо. Правее его по-старому видна темная полоска по горизонту; постепенно спускающийся край ледника как бы обрезает эту темную, полосу, и левее ее уже не видно. Это, должно быть, береговая полоса острова, не покрытая ледником. Теперь на глаз кажется, что до острова осталось верст 12–15. Высоту солнца и сегодня взять не удалось. Ветер SW, баллов 5.

В 2 часа дня мы тронулись в путь. Дорога и сегодня довольно хорошая. Молодой лед с неглубоким снегом и невысокими редкими торосами. Идти тепло, хорошо. Я ухожу далеко вперед, стараясь найти хорошую дорогу. Раза по два возвращаюсь назад, прокладывая лыжами прямые пути к намеченной цели. Но мои спутники заметно утомились. Такие большие, сравнительно, переходы им не по вкусу. Хотя нарты теперь и легкие, но они медленно шаг за шагом тянутся за мной. Не раз ловил моих спутников, когда они, увидев, что я скрылся за далекими торосами, останавливаются, тоже под прикрытием торосов, ложатся у каяков и греются на солнце самым беззаботным видом. Видя эти большие поля, они успокоились и полагают, что такая дорога будет до самого острова. Когда я начинаю убеждать их двигаться быстрее и сам берусь за легкие нарты, они успокаивают меня, говоря, что «торопиться некуда, успеем».

Часа через два эти большие поля кончились, начали попадаться полыньи и чем дальше, тем больше полыней. Но эти полыньи сносные, через них можно или переплыть, или их можно обходить. В полыньях «выстают» тюлени, а к одному, лежащему на льду, я нечаянно подошел очень близко. Но только что я взялся за винтовку, как он юркнул в лунку в 5 саженях от меня. В 6 часов 30 минут вечера мы остановились ужинать, пройдя верст 6. К вечеру кругом на горизонте появилось много черноты. Лед пришел, по-видимому, в движение. Его разводит ветром и отливом. Острова не видно, но в том направление заметно сияние, должно быть, отблеск ледника. За ужином было тюленье мясо, поджаренное на тюленьем сале, мелкие сухари, которых у нас накопилось около 1 пуда, и теплая вода вместо чая, конечно, без сахара. Предполагаю сняться ночью.

Пятница, 20 июня(3 июля). Опять сильно болят глаза и писать очень трудно. Снялись мы в 3 часа ночи и ушли до 6 часов 30 минут утра по плохой, на этот раз, дороге. Прошли версты 4. Масса полыней преграждает нам путь. Ночью был густой туман и мороз, но к утру прояснилось и стало тепло. W конец острова виден сегодня на чистый S. Лед, должно быть, носит приливом и отливом вдоль берегов, а S ветром отжимает понемногу от острова. Да, трудненько идти по плавучему льду, к тому же еще

против ветра. Вследствие болезни глаз, сам идти на разведку не могу и послал двух человек. Опять начинаются жалобы на трудность пути с каяками, опять мечты о легкости перехода без них с котомками за плечами… Но кто же им мешает идти? Пусть идут, куда хотят, а я с одним или двумя спутниками своего каяка не брошу, сколько раз я говорил им это.

Воскресенье, 22 июня(5 июля). Еще недавно мои спутники «скулили» и падали духом, уговаривали бросить нарты и идти налегке. Они даже не хотели замечать, что мы к острову все же подвинулись порядочно. Хуже всего, что не нужда, голод или невозможная дорога наталкивали их на это решение, а просто обычная лень. Каяки легки и по ровному льду идут без напряжения. В высоких же торосах и на лыжах не пройдешь. Но «скулеж» тот мне сильно начинает надоедать. Я, кажется, не выдержу и сам прогоню недовольных. С таким настроением мы и снялись сегодня утром. Сначала дорога была сносная, но потом пошли такие ропаки, такие торосы и трещины, что не приведи бог! Но так или иначе, а за день, в два приема, мы сделали не менее 10 или 12 верст. Остров так приблизился, что завтра к ночи мы надеемся добраться до него. Господи! Неужели возможно такое счастье?

Погода сегодня дивная. Солнце так печет, что идем в одних вязаных рубашках и без шапок. Слышно, как подтаивает и оседает снег, слышно, как сбегает на лед вода. Свет ослепительный, а над ледником даже сияние. У всех почти глаза болят. С охотой не везет. Мало попадается чистых полыней, да и тюленей в них нет. Но в одном месте я спугнул греющегося на льду моржа, а в другом месте, среди большого поля, — тюленя, вылезшего в лунку. Невозможно к ним никак подкрасться по открытому месту. Я удивляюсь, почему моржи, попадавшиеся Нансену, были такие не пугливые, что он их бил по морде палкой, желая снять с них фотографию, а наши такие необщительные.

Шли сегодня до 11 часов 30 минут ночи с остановкой на обед в 2 часа. Утром мы варили бульон Скорикова и запустили его сушеным медвежьим мясом. В обед делали тюрю из мелких сухарей, сушеного лучку и воды. Пресной воды на льду теперь много. Сухого бульона Скорикова у нас еще осталось 2 фунта. Остановились на ночь полные надежд на завтрашний день. Что-то будет?

Среда, 25 июня(8 июля). Ну и положение! Хуже губернаторского, во всяком случае. Сейчас утро. Мы стоим в 50 саженях от отвесного обрыва ледника. Обрыв этот совершенно вертикальный, саженей 15 вышиною, тянется с W на O насколько видит глаз. Он ровный, прямой, как бы обрезан по линейке,

голубоватого чистого цвета. Выше, над обрывом, видна та «лунная» выпуклая поверхность, которая так долго смущала нас своим неестественным видом. Она очень полого спускается к W и поднимается горбом на S. Подошли мы к этому острову с запада, против низкого мыска его, как и ожидали еще третьего дня, т. е. 23 июня(5 июля). До острова было немного разве больше полутора верст. Лед был поломан на мелкие куски, но идти все же было можно. Но чем ближе подходили мы к острову, тем невозможнее вели себя мои несчастные спутники, тем медленнее тащились они, все время переругиваясь между собой. Ничем не мог я побороть их всегдашнюю апатию. Безучастно относились они к будущему и предпочитали при первой возможности где-нибудь прилечь, уставившись в небо глазами, и я думаю, если бы не погонять их, они были бы способны пролежать так целые сутки.

Лед был зажат почти до самого берега, и хотя он был очень зыбкий, но осторожно можно было идти. Так или иначе, вчера утром, около 7 часов, мы были в полуверсте от низкого мыска острова. Мысок этот не был покрыт ледником, и это он представлялся нам несколько дней тому назад в виде коричневой полоски на горизонте. Но вот начался отлив. Лед начало разводить. К довершению несчастья подул из-за мыска SW ветер, который, постепенно крепчая, скоро завыл, как бешеный. Если бы здесь были большие поля льда, то беда была бы не велика; утихнет ветер, сожмется лед, только и всего. Но дело в том, что лед, окружающий нас, был мелкобитый. Наибольшая льдина была сажени 4 в диаметре. Через несколько минут картины нельзя было узнать. Между нами, очутившимися на двух разных льдинах, в расстоянии около версты друг от друга, и островом образовалась полынья, которая ежеминутно все увеличивалась. Лед быстро и ветром и сильным отливным течением несло на NO. По свободной воде заходила крупная крутая зыбь, которая еще мельче крошила лед и обдавала нас потоками воды. Попробовали мы было соединиться с помощью каяков и если возможно будет, то переплыть свободную воду, но оказалось, что об этом и думать не следует. Каяк трепало, как щепку, заливало крутой волной и грозило ежеминутно прорвать обшивку мелкими льдинами, которые носились по волнам. Скоро мысок скрылся из виду и громадная бурная полынья тянулась на O и W насколько видит глаз. За полыньей далеко возвышался неприступный обрыв ледника. Делать было нечего. Завернулись мы в парусину и завалились спать, предоставив поливать нас водой, пока это не надоест изменнице-судьбе. Конечно, наша четырехсаженная не толстая льдина могла переломиться, но мы против этого ничего

не могли предпринять. К счастью, этого не случилось. К вечеру ветер затих, а к 11 часам вечера лед приливом опять прижало к острову вплотную, но уже милях в 8 восточнее пологого мыска, по которому только и можно было высадиться на остров. Четыре человека с другим каяком соединились с нами. Мы очутились, как в мышеловке. Кругом нас поломанный мелкий лед вперемешку с шугой, мыска спасительного даже не видно, а впереди отвесная пятнадцатисаженная стена, на которую не забралась бы и обезьяна. Сейчас мы получили по пол кружки сухарей и запили их теплой водой. Осталось у нас на восемь человек 5 фунтов сухарей, полфунта бульона Скорикова и 2 фунта соли. Это вся наша провизия» Тюленей мы не видим уже несколько дней, медведей тоже давненько не видели. Нырки, правда, летают, но у нас дробовка украдена. Убить же нырка влет из винтовки дело мудреное. Хотя мы и добились страстно желанной цели, т. е. подошли к острову, но, пожалуй, при нашем положении я предпочел бы быть милях в 8 от этого неприступного острова в море, у хорошей полыньи, в которой так много «выстает» тюленей. Да, теперь, пожалуй, и я начинаю падать духом! Про спутников же своих и говорить не буду: совсем мокрые курицы. К довершению несчастья, я уже четвертый день чувствую сердечные припадки и меня сильно «мутит».

На Земле Александры

Суббота, 28 июня(11 июля). Два дня не писал дневника. Но не потому я забыл про него, что мы умирали голодною смертью, нет, просто было некогда, много перемен и много было новых впечатлений. Перемены были на этот раз в лучшую сторону, слава богу!

Прочел сейчас написанное мною в дневнике 25 июня и вижу, в каком отчаянном положении мы были тогда, как сильно упали духом, даже не подозревая, как легок выход из нашего, казалось бы, безвыходного положения, и что вечером же оно примет совсем другой оборот. Сейчас мы сидим на острове уже, под нами не лед, с которого не сходили мы уже скоро два года, а земля, камни и мох. Мы сыты до отвала, и 27 больших, почти как гуси, жирных гаг висят на лыжах, ожидая очереди быть сваренными. Более 200 крупных гагачьих яиц мы уже съели за 2 дня, но в ямке недалеко лежит их целая груда, а охотники пошли за новыми гагами и свежими яйцами. Но опишу подробнее, как произошла эта новая перемена в нашем положении.

25 числа, когда казалось, что нам осталось только два выхода: или идти опять на W к низкому мыску, от которого нас отбросило сильным ветром и отливным течением миль на 8, идти по мелкобитому зыбкому льду, во многих местах не выдерживающему тяжести человека ежеминутно рискуя провалиться и потонуть, или сидеть и ожидать голодной смерти, мне пришла в голову мысль осмотреть хорошенько обрыв ледника. Неужели не найдется в этой ледяной стене какого-нибудь места, чтобы хотя с риском можно было забраться на ледник? На наше счастье, такое местечко нашлось и даже не очень далеко от нашей стоянки.

Это была трещина, шириною до сажени, идущая во всю вышину ледника и под острым углом к направлению его. Трещина эта, по-видимому, была уже старая. В течение, может быть, нескольких лет в нее намело много снегу, который почти заполнил ее и вместе со стенами ледника образовал как бы род крутого желоба. Делая топором в этом снегу ступени и забивая в него для опоры гарпун, нам удалось, наконец, забраться на желанный остров, к которому столько времени стремились и на который забраться уже отчаялись. Кое-как к этому сделанному нами «трапу» мы подтащили наши нарты. С помощью веревок постепенно, вещь за вещью мы подняли все наше имущество, не исключая каяков и нарт, на пятнадцатисаженную стену. Удивительно, только что был поднят наверх последний каяк, как льдина, стоявшая плотно у нашего «трапа» и служившая нам как бы пристанью для выгрузки, лопнула, перевернулась, и лед начало отливом отжимать от острова. Но теперь нам это было безразлично; это нас не касалось. Странное чувство испытывал я, смотря с вышины острова на этот движущийся внизу лед. Еще так недавно мы всецело зависели от него. Он нам даже был как-то близок, благодаря этой зависимости. Мы там, на этой подвижной массе, привыкли за два почти года чувствовать себя как дома, и не страшна нам была эта ледяная пустыня. Несмотря на то, что уже два с половиной месяца, как мы покинули «Св. Анну» и своим собственным ходом отошли от нее верст на 300, мы этим льдом были еще связаны с нею. Как она зависела от этого льда, так и мы; лед соединял нас с судном. Но теперь, когда мы были на твердой земле, хотя бы и покрытой ледником, нам сразу чуждым стал этот лед, далеко, далеко уходящий на север вплоть до «Св. Анны». Мы уже не зависели от него; казалось, что с неудовольствием выпускал он из своих объятий жертвы, и страшной стала нам его таинственная величавая даль. Если раньше мы были связаны этим льдом с покинутым судном, то теперь эта связь лопнула вместе с льдиной, лопнувшей и перевернувшейся у нашего трапа. У «Св. Анны» была своя дорога, а у нас своя.

Боже мой, какой большой горизонт открывается отсюда, с вышины ледника! Около острова еще видна вода, и отдельные льдины окружены каналами и полыньями, но чем дальше, тем меньше было видно воды, терялись торосы и отдельные ропаки, и уже сплошной лед тянулся до горизонта. Там, где-то далеко за горизонтом, нашел себе могилу мой спутник Баев в поисках «ровнушки до самого острова», еще дальше стоит во льдах «Св. Анна» со своими тринадцатью пассажирами.

Сварив наверху ледника последние полфунта бульона и съев

по пол кружке сухарей, мы отправились на W к мысу, к которому стремились по плавучему льду. Надо было торопиться, так как всей провизии у нас оставалось еще только по пол кружки сухарей на человека. Необходимо было найти чего-нибудь съестного, пока мы еще не обессилели от недоедания, а найти можно было только там, на низком черном мыску, куда, мы видели, летели птицы. Ледник же представлял из себя такую же мертвую пустыню, как и луна, на которую он так похож. Мы с Луняевым пошли вперед налегке на лыжах, взяв-с собой только одну винтовку и патроны. Оставшимся же 6 человекам я приказал немедленно идти по нашим следам и взять с собой только один каяк, погрузив в него все необходимое на первое время. Я убеждал своих спутников не терять ни минуты времени, так как завтра уже нечего будет есть и неизвестно еще, что нас ожидает.

Поверхность ледника была идеально ровна и покрыта слоем снега в один дюйм. По такому пути тащить шестерым легкий каяк так же легко, как идти порожнем. Но я предупредил людей, что часто эта ровная поверхность ледника бывает обманчива. Иногда в леднике образуются широкие трещины большой глубины и сверху заносятся тонким слоем снега. Такие снежные мосты очень трудно заметить, и необходимо принимать всякие предосторожности, чтобы не провалиться на предательском мосту в трещину. А это уже может быть гибелью. Поэтому-то я и настаивал, чтобы люди с нартами строго шли по нашим лыжным следам, не сворачивая в сторону, в то время, как мы с Луняевым шли друг от друга на расстоянии 20 сажен, связавшись крепким линем. Для того чтобы лучше прощупывать дорогу, мы с лыжных палок сняли даже кружки.

Над ледником повис туман, иногда густея, а иногда рассеиваясь. Временами была видна только очень небольшая часть выпуклости, и не было видно даже обрыва его; тогда мы старались идти так, чтобы поднимающаяся поверхность ледника оставалась у нас слева. Но когда туман рассеивался, то можно было видеть, что далеко, очень далеко на Ost чуть синел своими вершинами какой-то очень высокий остров[43], по-видимому, без ледника. Этот очень отдаленный остров мы, кажется, и видели один раз со льда, когда была хорошая ясная погода. Трещины в леднике попадались довольно часто, но нешироκие и легко переходимые. Мы их легко замечали, даже если они были покрыты «мостами». В одном месте мы увидели в море, недалеко от ледника, два громадных обломка глетчерного льда. Должно быть, падение этих ледяных скал было очень эффектно, судя по тому, как раздроблен был лед вокруг них. Уклон ледника на W был малозаметен.

Мертвая какая-то торжественная тишина царила вокруг. Полнейший штиль и тепло. Ни одна птица не пролетела над нами и ни одного следа мы не видели во все время нашего пути. Положительно «лунный остров». Но вот уклон на W стал круче, и, наконец, через 3,5 часа хода мы впереди увидели внизу под горой черный низменный мысок. В волнении мы прибавили ходу и быстро побежали под уклон. Правая, северная часть этого мыска переходила в отмель, усеянную камнями. Снег не везде стаял с этой земли, и вода шумными ручьями сбегала к морю. Но вот ледник остался уже за нами, мы на земле. Какой-то сильный шум стоял над ней. Глаза у нас болели, и мы все видели, как сквозь кисею. Мы совершенно растерялись в этой сказочной обстановке, от которой положительно отвыкли. Вместо льда под ногами эта чернота, в тонах которой мы еще не могли разобраться. Поминутно мы спотыкались о камни, попадались в ямы, вязли в грязи и пушистом мху. Вместо тишины ледяных полей, изредка нарушаемой криками чайки, — этот непрерывный, непонятный нам шум, который положительно оглушал нас. Но, прислушавшись, мы поняли, что это шумят бесчисленные птицы, которых мы рассмотреть не могли по своей слепоте. О, какой торжественной музыкой показался нам этот птичий шум! Этот гимн жизни! Отдельные голоса совершенно сливались в могучие звуки, и трудно было поверить, чтобы могли так кричать птицы. Неужели способны были издавать такие звуки эти гаги, «гавкуны» и чайки, которых наконец-то стали замечать мы? Они сидели большими стаями на бесчисленных лужах и озерках, тучи их перелетали с места на место и терялись где-то в камнях, где не могли уже их заметить наши завешенные «кисеею» глаза. В одном месте мы увидели около воды тюленей или моржей, спокойно лежащих на земле. Страшно опасаясь их спугнуть, мы осторожно стали подкрадываться к «зверю». Каково же было разочарование, когда, подойдя чуть ли не на десять сажен, мы убедились, что «звери» оказались большими камнями. Но мы скоро успокоились и торопливо, поминутно спотыкаясь, пошли дальше, стараясь как можно подробнее и скорее осмотреть наше владение. Мы перепрыгивали и переходили вброд быстрые потоки воды, радовались каждому красивому камешку, как дети, восхищались длинными водорослями, плававшими в воде, и вдруг, на одном пригорке, мы увидели даже несколько маленьких желтых цветков[44], названия которых я не знаю.

В одном месте у нас из-под самых ног неожиданно вспорхнула и полетела гага, сидевшая на гнезде, и мы увидели четыре яйца, величиной с гусиное. Яйца оказались свежими. Ура! Сыты будем! Гнезд, по-видимому, тут очень много, судя по

количеству гаг или, по крайней мере, по шуму, поднимаемому птицами. Мы были так счастливы, что забыли все наши бедствия и лишения во время странствования по льду. Этот маленький кусочек земли, лежащий далеко-далеко за Полярным кругом, на 81° широты, показался нам земным раем. Солнце светило радостно, и, казалось, даже птицы своим шумом-гамом приветствовали нас с благополучным прибытием на эту первую цветущую землю.

Мы идем далее на W. Сзади нас величественно поднимается гора ледника, подернутая легким туманом, но наших спутников не было видно на ней. Отливом лед отнесло от берега и за узкой полосой берегового припая была видна чистая вода.

Увидев в одном месте три гаги, Луняев выстрелил в них, но «промазал». В ответ на наш выстрел нам показалось, что мы слышим человеческий крик. Мы остолбенели от удивления… Не может быть! На этом пустынном острове и вдруг люди! Но крик повторился. Не могло быть сомнения, что это кричат люди. Присмотревшись внимательнее своими больными глазами, мы увидели бегущего к нам с криком человека, махающего шапкой. Когда он приблизился к нам, мы узнали в нем одного из наших беглецов. Плача навзрыд, он просил у нас прощения, сознаваясь, что поступили они оба необдуманно и нехорошо. Лицо его выражало такое раскаяние и в то же время испуг, что на него было жалко смотреть. Мы переглянулись с Луняевым и, отойдя в сторону, стали советоваться, как поступить. Припомнились нам те неприятности, которые причинили нам эти люди своим побегом и своими покражами. Припомнились брошенные нарты и каяк, без которого нам теперь трудно будет обойтись. Припомнили ненужную покражу всех наших документов и одежды, наше бешенство при этих открытиях, когда мы хотели сейчас же бежать, догнать и наказать преступников. Вспомнил и я свое обещание собственноручно расправиться с уличенным вором, и досада и раздражение уже начали подниматься в душе…, но вид преступника был так жалок, так несчастен, так умоляюще смотрел он на нас… И в то же время так хороша была эта земля, так празднично и торжественно мы были настроены, ступив на эту первую землю, такую гостеприимную… И ради прихода на землю мы простили беглецов. Случись эта встреча на льду, когда мы настроены были не так миролюбиво, не сдобровать бы беглецам (Из анализа записей в дневнике А. Конрада, находящегося ныне в Музее Арктики и Антарктики, нетрудно заключить, что «беглецами» являлись А. Конрад и Е. Шпаковский).

Со слезами радости бросился несчастный благодарить нас за

прощение. Услышав наш выстрел и свист пули, случайно пролетевшей мимо их «логовища», беглецы уже подумали, что мы стреляем по ним и стали кричать. Мы пошли к этому «логовищу». Собственно это название слишком громко для того места, где проводили время наши беглецы. Они поместились в яме, сделав нечто вроде низкого заборчика из лыж, палок, парусиновых брюк и мешка от сухарей. Этот заборчик служил очень плохой защитой от ветра. Перед ним горел небольшой костер, а кругом валялись гагачьи шкуры, которые беглецы снимали с убитых гаг, не желая щипать перья. В стороне, в яме лежали яйца, а на лыжах висели очищенные и выпотрошенные гаги. Другой беглец встретил нас здесь. По радостным лицам он уже догадался, что они прощены. Смущенный и растроганный, он тоже стал просить прощения.

Меня поразил его страшно изнуренный, болезненный вид. Как он изменился за эти 9 дней, в течение которых я не видел его! Нелегко ему достался этот побег, он наложил на него неизгладимые следы. Я стал его расспрашивать, что у него болит, но он не мог ничего толком объяснить, ни на что в особенности не жаловался, кроме ног, но было видно, что он весь болен и сильно. Торопился меня успокоить, что «теперь» у него все пройдет, и он скоро поправится. «Теперь, господин штурман, я никогда ни за что не уйду от вас», — говорил он мне. Все повеселели. На мысе оказалось довольно плавнику, даже в глубине его, и сухого. Сейчас же весело запылал костер, и хозяева начали угощать нас яичницей с гагачьим жиром, приготовленной в эмалированной кружке. Надо сказать, что все украденное оказалось в целости, конечно, кроме сухарей, которые давно были съедены. Даже большая жестяная банка с документами и почтой оказалась нераспечатанной, хотя беглецы и очень нуждались в посуде для варки пищи. Яичница, хотя и без соли, оказалась превосходной. Мы с аппетитом съели ее по две кружки каждый. Долго после того лежали мы у костра и разговаривали. Рассказали нам беглецы, как в пути, когда они спали на льдине у полыньи, на них сделал нападение медведь. Он переплыл к ним через полынью, от которой они лежали в расстоянии около полутора саженей, и уже вылезал на лед, когда они случайно проснулись. Убили медведя из двустволки пулей в упор. Череп этого медведя лежал здесь же около логовища.

Всю ночь не могли мы уснуть, полные новых впечатлений на этой первой земле. Строили различные планы, высказывали предположения и думали, почему нет до сих пор наших шестерых спутников с каяком. Один из беглецов два раза ходил на ледник, надеясь встретить их, но безуспешно.

Только в 5 часов утра мы решили укладываться спать, а

завтра идти навстречу пропавшим.

Часов в 12 дня 26 июня(9 июля) Луняев с одним из беглецов пошел на лыжах на поиски. Поднявшись по вчерашнему нашему следу на половину вышины ледника, они увидели картину: стоит каяк, около которого сделан шатер из парусов и полок, и в нем сном безмятежным почивают наши путники. Разбудив их, узнали, что они к этому месту подошли еще вчера в 6 часов. Мыс отсюда хорошо виден, как на ладони, но почему-то было решено здесь остановиться на отдых. Забыты были мои увещевания, торопиться как только можно по моим следам, для чего я нарочно приказал взять пока только один каяк на случай, если бы пришлось доставать убитого в воде тюленя. Все отошло на задний план; все было забыто вместе с моим уходом. Что им до того, что завтра нечего будет есть, что им за дело до неизвестного будущего, до этого острова? Одна только забота была перед ними, как бы поскорее остановиться и завалиться спать. Остановились бы и раньше, наверху ледника, но там было как-то дико, пустынно, странно. Там я мог их найти, а это не входило в их планы. Сегодня утром они, оказывается, проснулись в 8 часов утра, поделили между собой все остатки сухарей, Максимов не забыл завести хронометр, и легли опять спать. Таким образом они проспали за это время 19 часов. Я очень был недоволен, зачем их разбудили. Любопытно бы знать, сколько времени они проспали и когда бы, наконец, они нашли своевременным идти далее на землю, которая перед ними, под горой, и когда они пошли бы добывать себе пищу и искать нас?

Я не берусь объяснять психологию этих людей, но одно могу сказать по личному опыту: тяжело, очень тяжело, даже страшно, очутиться с такими людьми в тяжелом положении. Хуже, чем одиноко, чувствуешь себя, когда ты один, но ты свободен. Если хочешь жить, то борись за эту жизнь, пока имеешь силы и желание. Если никто не поддержит тебя в трудную минуту, зато никто не будет тебя за руки хватать и тянуть ко дну тогда, когда ты еще можешь держаться на воде. Не следует упускать из виду, что в данном случае «хватают за руки» не потому, что сами не могут «плыть», а потому, что не желают, потому что легче «плыть», держась за другого, чем самому бороться.

Поевши гаг и яиц, принесенных им Луняевым, «сонливцы» тронулись дальше. Только к 9 часам вечера они приплелись к месту, назначенному для лагеря. Когда я стал укорять их за лень и нежелание помогать мне в общем спасении, то они только старались свалить вину друг на друга. Пошли обычные пререкания и перебранки, так надоевшие мне за время пути.

Утром 27 июня(10 июля), около 8 часов, отобрав 4 человека,

я послал их на лыжах за оставшимся на леднике каяком. Остальные же занялись устройством лагеря, охотой и собиранием яиц. Я же, взяв винтовку, отправился на разведку на южную сторону мыса. Любопытно всё же, где мы находимся? На своей карте я не могу подобрать ни одного места, похожего ни по форме, ни по широте.

Эта свободная от льда земля, которую мы и видели со льда в виде коричневой полоски, представляла западную оконечность какого-то очень большого острова, сплошь, по-видимому, покрытого высоким ровным глетчером. Северная часть этой земли была очень низменна, но к югу она поднималась террасами. Я шел около подножия ледника, где снег еще сохранился и лежал ровным, плотным пластом. Ширина земли в этом месте, я полагаю, была верст 10 или 12. Часа через два хорошего хода я пришел на южный берег, который в этом месте был вышиною над уровнем моря сажен в 10. Берег был каменистый, снег почти со всей земли уже стаял, и только местами еще виднелись пятна его. Повсюду сбегали к морю ручьи. Чудная картина открылась перед моими глазами, когда я подошел к обрыву берега, Вместо надоевшего за два года льда и торосов, передо мною до самого горизонта расстилалось свободное море. Солнце ярко освещало этот простор, по которому ходила зыбь. Лишь местами плыли одинокие небольшие льдинки, сильно размытые, изъеденные волной. Как приятно было слышать шум прибоя у берега, как не хотелось оторвать глаз от этой массы свободной воды, от этого горизонта, на котором глаза невольно искали парус или дымок.

Влево шел берег, покрытый почти сплошь ледником. Лишь только местами на мысах пробивались из-под снега и чернели скалы. Нависшая над ледником мгла не давала возможности рассмотреть очертание и характер берега дальше 7 или 8 верст, но что касается этой части его, то он был неприветлив и суров. Правее, на запад, берег был без ледника. Далеко на W и WSW был виден сильно разреженный лед, который, по-видимому, выносился понемногу в открытое море на юг.

Еще несколько туманных дней, не заметь мы вовремя нашего «лунного острова», и мы были бы вынесены с мелким льдом в море. Понятным становилось то беспрестанное движение льда, та поминутная перестановка отдельных льдин, которую мы наблюдали перед тем, как открыть остров: мы были почти у края льда, почти у свободного моря. По этому разреженному льду идти пешком к Шпицбергену нечего было и думать, если бы я и пожелал еще выбирать между Флорой и Шпицбергеном. Но теперь я об этом и не думал. Никаких островов в этом направлении, т. е. на WSW и OSO рассмотреть не удалось. Но от WSW до OSO, т. е.

до направления берега, море до самого горизонта совершенно свободно от льда, и этот морской простор очень радовал меня.

Эх, «Св. Анна», вот бы куда, красавица, тебе попасть! Тут бы ты пошла чесать, не надо и машины!

Пронзительный ветер, дувший с ледника, не дал мне смежности продолжать разведку на W. Ветер прямо сшибал, не давая возможности стоять на ногах, и я принужден был повернуть обратно. По дороге удалость подстрелить из винтовки двух гаг, сидевших на гнездах, где я нашел 6 яиц, часть которых употребил на свой обед. В 5 часов вечера я вернулся к нашему лагерю, а скоро подошли и охотники. Наш запас провизии за вчерашний день увеличился на 13 гаг. Охотники сообщили, что на W берегу острова видели какие-то громадные старые кости. Полагаю, что это китовые. Сегодня Шпаковский и Конрад, уйдя на SW оконечность острова на охоту, сделали замечательную находку. Недалеко от моря они увидели небольшой каменный холм. Их поразила правильная форма этого холма, и они заинтересовались им. Подойдя ближе, они увидели недалеко бутылку из-под английского пива с патентованной завинчивающейся пробкой. Ребята сейчас же разбросали холм и скоро под камнями нашли железную банку, окрашенную коричневой краской. В банке оказался очень хорошо сохранившийся, как новый, английский флаг, а под ним такая же бутылка, какая лежала и около холма. На бутылке была приклеена бумажка с несколькими именами, написанными по-английски, а внутри была найдена записка:

«The Jackson — Harmsworth Polar Expedition.

This Expedition landed upon this cape — Cape Mapy Harmsworth — on August 7 th, 1897, havifag left Cape Flora on the. S. У. Windward. We intend to proceed north-west in the ship to ascertain if any land exists near this cape in that direction and then, if possible, to reach the laharmesen Islands. All well on board Frederick G. Jackson, Commanding the Expedition»[45].

По-английски я очень мало понимаю, но кое-как соединенными усилиями с Нильсеном и с помощью имеющегося у меня краткого словаря мы разобрали, что английская полярная экспедиция, под начальством Джексона, отойдя в августе месяце 1897 года от мыса Флора для поисков земли, лежащей к северо-западу от Земли Франца-Иосифа, прибыла на мыс Мэри Хармсуорт, где и положила этот английский флаг и записку. В конце сообщалось, что на судне «Виндвард» все благополучно. Подписана бумага начальником экспедиции Джексоном.

Вот разъяснение всех моих сомнений, полученное совершенно неожиданным образом. Значит, мы находимся на мысе Мэри Хармсуорт. Это юго-западная оконечность Земли

Александры. Северо-западный берег этой земли у меня на карте нанесен гораздо севернее. Положим, не надо забывать, что он у меня нанесен пунктиром, и того, каким способом я получил свою карту. Странно было бы, если бы она оказалась совершенно правильной. Достаточно того, что на ней нанесена Земля Александры и южный ее берег, вдоль которого нам предстоит путь. Сегодня я брал высоту солнца и определил широту нашей стоянки 80°35′.

Завтра мы предполагаем перейти на южный берег острова и поскорее отправиться далее, к мысу Флора, в имение этого знаменитого англичанина Джексона, который, по-видимому, тут везде побывал. Теперь-то мы находимся на известном тракте! Провизии у нас имеется дней на 5, а за это время мы должны далеко уйти.

Понедельник, 30 июня(13 июля). Вчера утром, около 9 часов мы покинули наш лагерь на мысу Мэри Хармсуорт и пошли на южный берег для следования далее. Должен сознаться, что неохотно мы покидали этот гостеприимный клочок земли, так сильно полюбившийся нам за три дня, проведенные на нем после бесконечной ледяной пустыни, о которой и вспоминать неприятно. Если бы не слабая надежда найти жилье на мысе Флора, мы, пожалуй, ничего не имели бы пожить здесь и подольше, а будь сейчас август месяц, то, пожалуй, можно было бы и зазимовать здесь. Но теперь это не имеет смысла.

Я пошел вперед и дорогой убил двух гаг. К полдню мы уже были на берегу моря. Каяки наши были в исправности, нигде не пробиты и даже не так давно густо пропитаны поверх краски нагретым тюленьим жиром. На них обоих была двойная обшивка, которая была снята с поломанных и брошенных ранее каяков. Мой каяк поднимал, не считая груза, и нарты, двух человек, а другой мог свободно поднять трех человек. Нам предстоял выбор: идти ли всем десятерым по леднику и тащить за собой груз, или разделиться на две партии, из которых одна шла бы на лыжах по леднику налегке, а другая партия, в пять человек, плыла бы вдоль ледника на каяках. Не говоря уже про то, что при последнем способе мы могли бы двигаться несравненно быстрее, но плывя на каяках, была еще возможность убить тюленя или нырков, которых много летает над водой, но на леднике не показываются. Мы избрали этот последний способ передвижения. Место нашей встречи с береговой партией мы назначили на видневшемся вдали черном мысу, должно быть, в бухте Вейпрехта. Партии, шедшей пешком, я опять напомнил о мерах предосторожности во время путешествия по леднику. Они взяли с собой наш длинный линь, которым мы мерили глубину и которым я приказал им

связаться, сложив его вдвое, причем идти обязательно «гуськом» и прощупывать палками покров ледника. Спустили мы каяки, аккуратно уложили все имущество и отправились в путь. При самом отвале от берега на нас сделал нападение морж, совершенно неожиданно высунувший свою громадную морду у самого каяка, но после выстрела по нем он скрылся и больше не показывался.

Плыли мы хорошо, но и на леднике не отставали, по-видимому, дорога была хорошая. Береговая партия шла недалеко от края ледника и была видна с каяков. Видно было, как нам махали шапками и старались не отставать. Немного тревожили нас моржи. Местность не благоприятствовала сражению с ними. Слева у нас была отвесная стена ледника, вышиной до 15 сажен без всякого берегового припая. Впереди и справа чистая вода с очень редкими плавучими льдинами. Если бы моржу вздумалось сделать на нас нападение и удалось бы пробить каяк, то положение наше было бы неважное: гибель была бы неизбежная, так как некуда было вылезти. А такое нападение очень возможно, что показал случай при нашем отвале, да и у Нансена был случай, когда морж даже пробил каяк. Но пока мы двигались успешно и благополучно вперед. Сначала мы видели на SW на самом горизонте белую полоску, по-видимому, разреженного льда, но потом и эта полоска исчезла, и море было чисто. Кое-где плавали отдельные небольшие, сильно изъеденные водой льдинки, самой причудливой формы, но думаю, что это были обломки глетчера. Часов в 11 вечера мы подошли к береговому припаю в бухте Вейпрехта и остановились на ночлег. Бухта эта еще не вскрылась и идти на мыс мы не захотели, решили ночевать на льду.

Скоро подошла и береговая партия, и мы стали ужинать. Плавник мы взяли с собой с мыса Мэри; скоро запылал огонь в нашей печке, и мы стали варить себе бульон. За день мы сделали хороший переход, от места нашей ночевки на мысе Мэри мы прошли не менее 35 верст. Если бы идти и дальше таким ходом, то через четыре дня мы могли бы быть на мысе Флора. Конечно, если бы до него все время была свободная вода. Я не уверен, стоим ли мы сейчас в проливе или в бухте, отделяющей восточную часть Земли Александры от западной, или только в бухте Вейпрехта. Но во всяком случае, конец мы сделали хороший.

Сейчас мы сидим на льду и завтракаем, после чего немедленно тронемся в дальнейший путь, благо погода этому благоприятствует. Шедшие по берегу сообщили, что вся местность перекрещена медвежьими следами, но самих медведей не видно.

Каяки служат великолепно. Жаль, что нет нашего третьего каяка, оставленного на льду. Тогда мы могли бы, связавши два каяка вместе, плыть все десять человек, в особенности, если не все нарты класть на каяки, а только двое. Но увы, третьего каяка нет, а следовательно, об этом и думать нечего! Волей-неволей, приходится разделяться на две партии.

А проклятые моржи то и дело показывают свои морды из воды. Удивительно отталкивающее впечатление производят они. Вся морда и шея в складках и морщинах; причем на конце морды и на губах толстая, длинная, очень редкая щетина, нечто вроде усов. Но глаза маленькие, налившиеся кровью — страшнее всего. Эти свирепые глаза смотрят на нас и удивленно и угрожающе. В довершение всего громадные клыки, придающие всей морде вид какого-то допотопного чудовища, которое как будто только и питается человечьим мясом. Показываясь из воды, моржи обыкновенно пыхтят и громко фыркают, и при этих звуках невольно хватаешься за винтовку. Лежа на льдине, они кажутся гораздо безобиднее, почти добродушными, просто громадная туша, нечто вроде бегемота. Но на воде они очень подвижны и ловки. Тут они сразу сбрасывают свою лживую добродушную личину и принимают другой вид. У нас на каяках всегда впереди лежит наготове заряженная винтовка, привязанная для предосторожности на веревке, а кроме того, под рукою находится топор, на случай, если этому чудовищу вздумалось бы схватиться с нами «на абордаж». Но мне думается, что при этом «абордаже» топор нам бы не помог: вряд ли мы успели бы пустить его в ход. Нет, морж — страшное чудовище, в особенности для людей, плывущих на одиннадцатифутовом парусиновом каяке. По-моему, медведь сравнительно с моржом — овечка. Положим, я читал где-то, что медведь никогда не рискнет напасть на моржа, лежащего на льду. Из шедших по берегу не все согласны ехать на каяках именно из-за моржей.

Удивляет меня местность, мимо которой мы плывем: все время ледник сменяется ледником и только изредка из под льда и снега торчат на мысах утесы. Да наверху кое-где чернеют небольшие площадки. По этим черным мысам мы и ориентируемся, как по маякам.

Неужели такова вся Земля Александры? Тогда мыс Мэри Хармсуорт — прямо Земля Обетованная.

Вторник, 1(14) июля. Вчера в 10 часов утра мы отправились далее. У некоторых моих спутников опять замечается упадок энергии. Не хочется им идти, хочется пожить и отдохнуть где-нибудь на первой попавшейся скале, а то и так, на льду. Напрасно я доказываю им всю необдуманность и бесцельность этого плана,

говоря, что сейчас море свободно от льда, но мы не знаем, что будет далее. Возможно, что при южных ветрах оно заполнится льдом, тогда наше движение будет значительно затруднено. Да и провизии у нас нет для того, чтобы прохлаждаться и отдыхать на голых утесах. К тому же я считаю, что мы достаточно отдохнули на мысе Мэри Хармсуорт и этот переход до мыса Флора, или по крайней мере, до мыса Гранта, можем сделать только с обычными ночными отдыхами. Но мои уговоры, кажется, их не убеждают. В ответ на них команда только уныло молчит и столько безнадежного отчаяния и апатии в их лицах, что прямо руки опускаются. Упорнее всех не желает идти Архиреев. Он до того опустился за последнее время, что на мысе Мэри его нельзя было заставить сходить и принести плавнику для костра или воды для варева из ближайшего ручья. Только под угрозой, что он не получит обеда или ужина, он нехотя поднимался и, ворча, отправлялся делать, что надо. Ни с одним из спутников он не говорит иначе, как ругаясь, и от всех огрызается.

Не так давно, на льду, он первый собирался бросить каяки и идти пешком на лыжах с некоторыми своими единомышленниками, имея на спине грузу около полутора пудов. Сейчас же, без всякого груза, он идти не желает, несмотря на то, что теперь его очередь.

Но так или иначе, мы отправились в путь.

Берегом пошли: Архиреев, Регальд, Смиренников, Губанов и Луняев.

На этот раз течение было встречное, и мы должны были усиленно грести, чтобы не отставать от береговой партии. Погода была пасмурная и прохладная, но работа веслами не давала нам особенно зябнуть; пришлось даже снять теплое полупальто и плыть в одной тужурке. Войдя в бухту Кембридж[46], мы вышли на лед и позавтракали. Следующее наше свидание с береговой партией было назначено на мысе Ниль (Neale), который отсюда хорошо виден, выделяясь своими высокими черными скалами.

Вся бухта, отделяющая этот мыс от западной части Земли Александры, была еще покрыта не взломанным льдом, и только местами отламывались небольшие льдины, которые и шли с течением вдоль кромки припая. Вдоль этой кромки плыли и мы, во-первых, опасаясь нападения моржей, а во-вторых, для того, чтобы быть уверенными, что никакая полынья не разделит нас с партией, шедшей на лыжах. Мы с Конрадом поставили на своем каяке парусок и легко пошли с попутным ветром. Но на другом каяке пришлось грести: оказывается, что мачту с того каяка мои спутники сожгли на леднике, когда остановились ночевать перед приходом на мыс Мэри Хармсуорт. Не досадно было бы, если бы

это вызвалось необходимостью сварить пищу где-нибудь на плавучем льду, но ведь они остановились в виду мыса, до которого было полчаса хода и на котором было много топлива. Теперь они были наказаны и усиленно гребли, даже не догадавшись сделать мачту из лыжных палок. Около 6 часов вечера мы подошли к высокой Ледяной горе, должно быть, сидевшей на мели. Забравшись на ее вершину, мы очень внимательно осмотрели местность, надеясь увидеть пешеходов, но нигде не могли их заметить, хотя горизонт с этой горы открывался большой. Полагаю, что они остановились где-нибудь за торосами на отдых, хотя погода, казалось бы, к этому не располагала. Ветер довольно сильный W, начинает даже разводить зыбь.

В 10 часов вечера мы подошли к мысу Ниль и прошмыгнули на сильной зыби, между массой льда, в тихую закрытую бухточку. Тут была тишина и даже значительно теплее; настоящее «тихое пристанище».

Мыс этот представлял из себя небольшую площадку, постепенно поднимающуюся, по мере удаления от берега. Она сплошь была покрыта, как зеленым ковром, толстым слоем мха. Много ручейков прорезывали эту прелестную площадку по всем направлениям и сбегали в море. С двух сторон она была защищена очень высокими отвесными базальтовыми утесами. Эти утесы, как стеной, закрывали площадку до самого берега, и забраться на них со стороны площадки было совершенно невозможно. С третьей же стороны возвышалась узкая гора ледника, одинаковой высоты со скалами. Уклон этого ледника был настолько крут, что идти по нему на лыжах было нельзя, надо было их снимать, иначе вы неминуемо скатывались вниз.

Едва мы ступили на землю, — как были оглушены страшным непрерывным шумом, несшимся откуда-то сверху. Источник этого шума не был заметен; казалось, что он исходит из самых утесов. Только можно было догадаться, что это шумят птицы, ютящиеся где-то высоко-высоко на отвесных утесах. Отдельных птичьих голосов здесь, как и на мысе Мэри, нельзя было разобрать, это был непрерывный низкий гул, еще более усиливающийся благодаря отражению от стен, ограждающих площадку. На фоне этого однотонного гула периодически вырывался пронзительный свист, хохот и какие-то отчаянные крики, которые на время даже покрывали самый гул. Право, этот шум, крики и хохот производили впечатление чего-то сверхъестественного; казалось, что там, на утесах, обитают какие-то злые духи и что они подняли такой гвалт только по случаю нашего вторжения на их территорию.

Если вы поднимете взгляд наверх, то только после очень и очень внимательного наблюдения заметите целые тучи каких-то едва заметных точек, непрерывно, на страшной высоте, носящихся от утеса к утесу. На фоне темных утесов их заметить нельзя. Они становятся заметными только тогда, когда проектируются на фоне неба. Их такая масса и так они высоко, что скорее похожи на тучи комаров или мошек. Положительно не верится, чтобы эти чуть заметные точки, хотя бы их и было очень много, могли быть источником этого низкого, однотонного, непрерывного гула, безумного хохота и отчаянного крика. Какие это птицы? Я заметил только два рода «нырков», т. е. тех птиц, больших и малых, которых мы назвали нырками. Если не ошибаюсь, их называют «люмсами»[47]и «кайрами». Кроме этих птиц, можно было заметить разных пород чаек.

Если бы удалось как-нибудь забраться на эти скалы, то, я думаю, можно было бы набрать яиц, хвативших для полного груза большого корабля. Но как туда забраться? Может быть, это и удалось бы, сделав обход по леднику и с помощью веревок спустившись на скалы, на которых, должно быть, имеются выступы, но мы не пробовали.

Внизу же, на площадке, птиц не было, кроме нескольких хищных, очень красивых, коричневого цвета с красной отделкой.

Этих птиц, я слышал, местами называют «исправниками»[48]. Некоторые из «исправников» очень смелы, летают над самой головой и даже норовят ударить по шапке клювом. Может быть, где-нибудь недалеко у них имеются гнезда, и потому они так воинственно настроены.

Ни вчера, ни сегодня наши пешеходы еще не пришли. Не понимаю, что могло их задержать. После случая на леднике Уорчестер, где они заночевали перед самым мысом Мэри Хармсуорт, я всего ожидаю от них. Возможно, что и теперь они где-нибудь устроились и спят; тем более это возможно, что на этот раз мои спутники пожелали взять с собой малицы. У них имеется двустволка, 27 патронов дробовых и 12 патронов пульных. Из съестного у них взята одна гага. Конечно, это мало на пять человек, но, идя по льду, они могли убить несколько нырков. Сейчас Максимов и Конрад отправились на лыжах навстречу пешеходам, взяв с собой винтовку, патроны и три вареных гаги. Вряд ли они найдут пропавших, так как разойтись очень нетрудно. Я раскаиваюсь, что послал их; они подвергаются еще большему риску, так как их только двое, а в береговой партии 5 человек. Сейчас ветер покрепчал, и из пролива несет лед, которым нас совершенно закупорило в нашей бухточке. Эх, упустим мы, кажется, благоприятное время для плавания.

Придется опять браться за лямки и делать переходы по 6 или 10 верст в день.

Ночью. Дело дрянь! Но запишу все по порядку. Максимов с Конрадом вернулись только в 6 часов вечера, проходив в оба конца 7 часов и сделав не менее 12 верст. Ни пропавших, ни их следов не видели. Дорога, по их сообщению, недурная, да это и мы видели, когда плыли на каяках около кромки льда. Мы уже приступили к устройству склада провизии, патронов и всего необходимого для пропавших, когда часов в 7 вечера увидели их спускающихся с ледника. Но, к моему удивлению, их было только четверо: не было с ними Архиреева.

Прибывшие рассказали следующее. Со вчерашнего утра с Архиреевым началось что-то неладное. Он поминутно отставал, а иногда и совсем не желал идти, садясь или ложась на лед. Сначала ему не особенно доверяли, предполагая, что это одна из его проделок. Когда его поднимали и вели силой, то некоторое время он шел, но потом опять ложился, говоря: «Хоть убейте, а не пойду с вами». На вопросы товарищей, что у него болит и почему он не хочет идти, он отвечал, что у него «болят глаза и легкие». Утром перед отправлением в путь у него не было заметно ничего особенного, кроме обычного не желания идти, которому я не придавал значения. Аппетит у него был, и он завтракал вместе с нами. Не придавали значения жалобам Архиреева на болезнь «глаз и легких» и спутники его, но потом пришлось поверить, что он действительно заболел. К вечеру у него совершенно отнялись ноги, как бы парализованные, и он лежал без движения, перестав даже отвечать на вопросы или бормоча что-то непонятное. Человек положительно умирал. Тащить его на лыжах было тяжело и потому все решили остановиться на ночлег.

Удалось убить 5 нырков, которыми поужинали.

Утром Архиреев еще подавал очень слабые признаки жизни, но ни двигаться, ни говорить не мог. Просидев около умирающего до 10 часов утра, спутники его пошли к мысу Ниль, так как опасались, что мы уйдем далее, не найдя и не дождавшись их. На мой вопрос, где же они были с 10 часов утра до 7 часов вечера, т. е. в продолжение 9 часов, если Архиреева они оставили в 12 верстах от мыса, пешеходы ответили, что часа 4 они отдыхали в пути. В 12 часов ночи, когда пришедшие поужинали и отдохнули, я отправил их обратно к Архирееву, сказав им, чтобы привезли Архиреева сюда, если он еще жив. Нельзя оставлять умирающего одного на льду, где, по их же словам, много медвежьих следов.

Сначала меня очень поразило такое отношение к умирающему спутнику: они должны были привезти его и, конечно, могли это сделать. Но с другой стороны, если

умирающий, действительно, находился в таком тяжелом и по виду, в безнадежном положении, то он не выдержал бы этой дороги. Это, пожалуй, было бы только лишним мучением для него.

Один за другим

Среда, 2(15) июля. В 10 часов утра на леднике показался Луняев, который опередил остальных, так как на этот раз он должен был ехать с нами на каяках. Вскоре показались и остальные трое. Архиреев помер. Хотели его тащить на берег, но так как в это время лед относило от берега и ходившие за ним сами рисковали остаться на льду, то поспешили назад, оставив Архиреева на том же месте. Да, в сущности, не все ли равно, где лежать покойнику?

Сейчас я беру с собой на каяки трех больных: Луняева, Шпаковского и Нильсена. У всех болят ноги. Опухоль похожа на цинготную. Хуже всех выглядит Нильсен, который даже с судна ушел уже больным. За ним следует Шпаковский, и лучше других Луняев. По берегу пойдут Максимов, Регальд, Губанов и Смиренников. Максимову я объяснил наш дальнейший путь и указал на карте: его я назначил старшим в береговой партии. Эта партия собирается до вечера еще остаться на мысе Ниль и уверяет, что догонит меня. Советую им не терять времени напрасно, идти скорее, но, впрочем, это их дело. Мы сейчас отправляемся к мысу Гранта[49]: ждать не могу. Береговой партии оставляем винтовку-магазинку, 70 штук патронов и пять вареных гаг из имеющихся у нас десяти. Взяли они на всякий случай жестяное ведро и кружку. Погода, кажется, налаживается, и ветер перешел к N. Сейчас нас отделяет от чистой воды полоса мелкобитого льда, шириною сажен в 60. Этот лед сильно колышется, так как зыбь еще не улеглась, и нам предстоит еще нелегкая работа перетащить по нему наши каяки, не прорвав их.

Четверг, 3(16) июля. В двенадцатом часу дня, вчера, мы

начали пробиваться по льдинам и между ними к воде. Прибой сильно препятствовал этому, но через час работы нам удалось спустить на воду каяки, и мы поплыли на наших славных «скорлупках» к мысу Гранта. До этого мыса было верст 25. Ветер был шквалистый, но вскоре мы поставили паруса и быстро побежали по волнам. На каяке Луняева связали две лыжные палки, из которых вышла отличная мачта, взамен сожженной. Холодный шквалистый ветер и зыбь делают плавание менее приятным, чем ранее. Брызги все время обдавали нас, и хотя мы закрылись кусками парусины, но сидели все время мокрые.

Холодно. Несмотря на хорошо работающие паруса, мы частенько беремся за весла, чтобы согреться.

Моржи и вчера не оставляли нас в покое: раза три они делали на нас нападения, к счастью, окончившиеся благополучно. Высунется из воды саженях в 50 от каяков и, громко фыркая, злобно и удивленно следит за нами. Но вот он ныряет, и мы видим в прозрачной воде, как он идет к каякам, повернувшись на бок. Я не сомневаюсь в его намерении ударить в каяк клыком. Моментально мы оставляем винтовку, опускаем в воду длинные весла вертикально и начинаем отмахиваться ими. Нам видно, как морж начинает бросаться под водой вправо и влево, словно желая их обойти, но в конце концов поворачивается и отходит опять на ту же дистанцию в 50–60 сажен. Только пуля заставляет его прекратить нападение, и он скрывается. Но вчера мы не особенно опасались этих нападений, так как все время почти шли около кромки берегового припая, покрывающего бухту Грея[50]. Видя, что морж боится наших весел, которые, может быть, принимает за шупальцы какого-то не виданного им существа, мы только заботились об одном, как бы не прозевать нападения. Нам даже хотелось, чтобы морж подошел на поверхности воды поближе: может быть, удалось бы убить его. С 60 же сажен с сильно качающегося на зыби каяка нам не удавалось в него попасть.

К 12 часам ночи мы пересекли бухту Грея и начали было уже огибать мыс Гранта. Внезапно из-за мыса подул сильный NO ветер, к которому на помощь пришло быстрое отливное течение и не успели мы опомниться, как наши каяки стало относить от берега. По-видимому, здесь, между мысом Гранта и островами Беллья и Мабеля[51], очень сильное течение. Зыбь сильно сбивала каяки, и нас поминутно обдавало водой. Позабыв о моржах, сбросили мы с себя парусину, в которую закутались, и давай работать веслами. Мыс, который еще так недавно был от нас недалеко, теперь оказался милях в четырех.

Только к пяти часам утра удалось нам подойти к береговому припаю, около мыса Гранта.

Дорогой нам посчастливилось убить 16 нырков, которых мы попробовали есть сырыми: ничего, есть можно, а если с солью, да сильно проголодавшись, так даже вкусно.

Сейчас мы сидим под высочайшим утесом, у которого справа и слева поднимаются ледники, а к морю спускается большая каменистая площадка.

Птиц на этом мысе не меньше, чем на мысе Ниль. Масса мелких нырков сидит даже внизу на больших камнях и с неумолкаемым щебетанием перелетает с места на место. Но гнезда их, по-видимому, устроены наверху, на скалах. Утесы здесь не так неприступны, и мне думается, что на многие из них можно бы забраться, поднявшись по леднику.

Береговой партии, конечно, нет, хотя мы плыли до мыса Гранта 17 часов и целый день уже сидим здесь и дожидаемся их. Но пока нас и не соблазняет особенно плавание: погода ветреная, идет снег и все закрыто мглой. Дорогой мы сильно промокли и за целый день не могли просушить свою одежду, а теперь уже не просушить. Утром Конрад с Нильсеном стали перегонять каяки ближе к месту нашей стоянки, и Нильсена так далеко отнесло течением, что двоим пришлось отправиться ловить его. Я смотрел в бинокль и видел, как Нильсен убрал весло и с самым беспомощным видом смотрел на идущий к нему на выручку каяк. Бывалый и опытный Нильсен сильно болен, иначе я ничем не могу, объяснить такое его поведение. Да и вообще он стал какой-то странный: походка нетвердая и все время сидит молча в стороне. На ужин мы сегодня сварили нырков и разделили одну гагу.

Пятница, 4(17) июля. Продолжаем сидеть на мысе Гранта и ожидать береговую партию. Погода отвратительная. Сильный шквалистый ветер; холодно, а временами еще поднимается метель. Ночью прояснилось, и всю окружающую нас местность было хорошо видно. Впереди на ONO, кажется совсем недалеко, виден за сплошным льдом скалистый остров. Это не иначе, как Белль. Пролив, отделяющий его от мыса Гранта, еще не взломан и нам нетрудно будет туда попасть, плывя вдоль кромки льда. Дальше на горизонте виден другой скалистый остров, но уже больших размеров. Неужели этот остров Нортбрук, на котором и есть мыс Флора? По карте это должен быть он, больше ничего подходящего в этом месте нет. До него должно быть еще около 25 миль, но на глаз кажется, что гораздо меньше. Здесь иногда бывает такой прозрачный воздух, и, в то же время, так резко выделяются на фоне ледников эти высокие черные скалы на мысах, что расстояние до них скрадывается почти вдвое. Право, с мыса Гранта до этого острова Нортбрук кажется не более 10 или

12 миль. Припоминается мне, что Нансен один из мысов на Земле Франца-Иосифа назвал Замком потому, что он был похож на него. По моему мнению, это сходство с замком или каким-нибудь колоссальным собором характерно для большинства виденных мною мысов южного берега Земли Франца-Иосифа. Такой мыс или остров я видел в глубине пролива, отделяющего восточную часть Земли Александры от западной, таков мыс Ниль, таков мыс Гранта, таковы н остров Белль и мыс Флора. Все зависит от того, какой стороны на них смотреть. В особенности на них с мыса Гранта пли еще южнее. Боковые склоны и Солсе низкие утесы, если они есть, скрыты ледником или снегом; сверху все неровности тоже обычно закрыты и сглажены, как крышей, ледником. Обнаженная же часть глыбы тогда не кажется уже бесформенной массой, а именно громадным замком или собором какой-то затейливой архитектуры, сплошь украшенным рядами колонн. Ряды базальтовых утесов издали кажутся очень правильными и почти одинаковой высоты. На этих-то колоннах, между ними и за ними гнездятся тучи птиц.

Да, мы уже находимся в виду мыса Флора, этого известного «имения» Джексона. Приближается время, когда выяснится, прав ли я был, стремясь к этому мысу, или все наши лишения, потери и труды был напрасны. Двадцать лет — срок большой. Может быть, за это время там и следа не осталось от построек Джексона. Но что было делать иначе? Куда мне следовало идти? На Шпицберген? Но я не мог туда идти, хотя бы потому, что в том направлении я видел с мыса Мэри Хармсуорт разреженный плавучий лед, а у нас на 10 человек было только 2 каяка. Делать большой обход? Да выдержали бы его эти люди, на которых я сейчас с тревогой смотрю и из которых половины еще нет. Надо видеть, во что превратилось и что осталось от нашего снаряжения. Эти двое оставшихся нарт, которые ломались на первой версте от судна, теперь, после трехмесячного пути по отчаянной дороге, состоят из обломков и щепок, перевязанных по всем направлениям проволокой или веревками. От одежды остались лохмотья, грязные, пропитанные ворванью и полные паразитов; из запасов провизии осталось два фунта ржавой соли. Нет, об Шпицбергене нам и думать не следовало, по крайней мере в этом году! Тогда, может быть, нам следовало пожить в самое хорошее и удобное для путешествия время года на одном из пройденных нами мысов, как на этом настаивали некоторые из мои спутников? Но какая цель этого проживания, чего мы могли там ожидать? Прихода тяжелой зимовки без возможности устроить хотя сколько-нибудь сносное помещение и без надежды пополнить наше снаряжение. Это было бы равносильно

самоубийству. Прожить зиму в хижине, сложенной из камней, без отопления, завешенной шкурой медведя вместо двери и шкурой моржа вместо крыши, могли такие здоровые и сильные люди как Нансен с Иогансеном, но не мои несчастные, больные спутники, которые не могут выдержать легкого, сравнительно, перехода в летнее время.

Нет, только один путь перед нами с того времени, как мы ступили на ледник Уорчестер[52], одна цель, к которой мы должны стремиться и торопиться во-что бы то ни стало, и эта цель мыс Флора. Пусть не найдем мы построек, которые могли развалиться, но мы найдем развалины эти, восстановим их насколько можно, пополним наши запасы провизии, благо у нас еще осталось много патронов, и перезимуем там в лучших, чем где-либо, условиях. За зиму мы исправим нарты и каяки, сделаем новые каяки, так как у нас на каждом каяке по две обшивки, и тогда можно будет подумать или о Шпицбергене, или о Новой Земле.

К вечеру погода стала поправляться, и метель прекратилась. Конрад поехал на каяке пострелять нырков, а мы с Луняевым пошли на ледник посмотреть, не увидим ли нашей береговой партии. Ходили верст за 6, но, конечно, никого не встретили и никаких следов, кроме медведицы, не видели. Вернулись в 10 часов вечера и решили завтра, если позволит погода, отправиться далее на остров Белль. Ждать больше я не могу: Нильсен едва ходит, а Шпаковский немногим разве лучше его. Луняев хотя и жалуется на ноги, но у него не заметно той страшащей меня апатии, нет упадка сил и энергии, как у Нильсена и Шпаковского.

Что могло задержать пешеходцев? Разве они не отставали раньше — и на льду, и на леднике Уорчестер, и на мысе Ниль, одним словом, везде, где могли? Разве они не высказывали желания остановиться и пожить где-нибудь подольше? Очень жаль, конечно, что они высказывали как бы только желание, а не решение, которое у них уже было, и тем ставили меня в затруднение и заставляли терять время.

За время нашего проживания на мысе Гранта я мог заметить, что здесь погода несколько иная, чем на юго-западном берегу Земли Александры. Там мы были защищены от господствующих, по-видимому, N, NO и Ost ветров. Здесь же ничто нас не защищает от них, и для переходов приходится выбирать благоприятное время. Ветры все время холодные, шквальные и со снегом.

Суббота, 5(18) июля. В 2 часа ночи, пользуясь прояснившейся погодой, мы снялись и пошли к острову Белль, придерживаясь кромки не взломанного льда. Только что отошли мы от мыса верст 5, как погода опять испортилась. Все время пришлось

выгребать против холодного восточного ветра и против течения. Гребли без остановки в продолжение 10 часов, иногда по очереди отдыхая, на ходу закусывая, и очень медленно подвигались вперед.

В 12 часов дня, измученные, прозябшие и мокрые до нитки, остановились около льда, казалось, неподвижного, верстах в 4 или 5 от острова Белль. Пообедав нырками, сваренными на мысе Гранта, мы легли отдохнуть, так как сильная метель закрыла остров и дороги не было видно. От холода одели мы малицы и закрылись сверх того парусиной и полками. Проснулись мы часа в 4 дня. Погода за это время опять прояснилась, и каково же было наше разочарование, когда мы увидели, что большая льдина, на которой мы расположились на отдых, оказалась не береговым припаем, как мы думали, а плавучей отдельной льдиной. Остров Белль опять оказался от нас верстах в 8 или 10. Пришлось опять грести к острову, но, на наше счастье, ветер затих, и мы довольно быстро подвигались вперед. Нильсен совсем никуда не годился и все время полулежал в каяке Луняева, так как грести не мог. Говорить он тоже не мог; у него, кажется, отнялся язык, и в ответ на расспросы он только мычал что-то непонятное.

Недалеко от острова Белль, на одной из больших плавучих льдин, мы увидели лежащих двух больших моржей и одного молодого. Но и этот молодой моржонок был величиной с небольшую корову. Моржи спокойно лежали, греясь на солнце, и не поднимали даже голов. Пришла нам мысль дать моржам на этот раз генеральный бой, и мы начали подкрадываться к ним под прикрытием легких льдин. Но, боже мой, как мы потом постыдно удирали от этого боя на лед, как торопливо тащили на лед свои каяки вместе с больным Нильсеном! Нас соблазнял, собственно говоря, молодой морж, мясо которого, говорят, вкусно. Долго аккуратно прицеливались мы в него вдвоем с Луняевым и одновременно выстрелили. Моржонку, по-видимому, попало хорошо, так как крови мы потом видели много. Если бы он лежал один, то возможно, что так бы и остался лежать на месте, но тут в это дело вмешались два взрослых моржа. Один из них сейчас же с фырканьем и злобным ревом бросился к нашим каякам, а другой, по-видимому, мать молодого, столкнул моржонка в воду. Все время отстреливаясь от рассвирепевшего нападавшего на нас моржа, мы поспешно отступили на заранее приготовленные позиции, на лед, куда едва успели вытащить и каяки.

Тут началось что-то невообразимое: вода так и кипела, вся окрашенная кровью, моржи с ревом кружились около убитого моржонка, он, по-видимому тонул, и взрослые моржи его поддерживали зачем-то на поверхности воды, суетясь около него,

то скрываясь под водою, то показываясь вновь. Один из моржей, должно быть, самец, по временам со страшным ревом бросался в нашу сторону с таким угрожающим видом, что мы невольно пятились по льду назад и стреляли в эту группу. Такая кутерьма, в которой нельзя было разобрать, кто нападает и кто защищается, продолжалось минут пять, то все три моржа скрылись под водой, а у нас патронов стало меньше Когда мы переполошились от сильных впечатлении этого морского боя и поплыли на каяках дальше, то долго еще оглядывались по сторонам, не покажется ли где-нибудь морда моржа.

Часов а 9 вечера мы подошли к острову Беллье.

Выходя из каяков, мы убедились, что Нильсен уже не может ходить; он падал и старался ползти на четвереньках. Когда к нему обращались с вопросами, он не понимал их; это было видно по его глазам, которые стали совершенно бессмысленными и какими-то испуганными. Устроив нечто вроде палатки, мы затащили туда Нильсена и закутали в свое единственное одеяло. Он все намеревался куда-то ползти, но потом успокоился, временами только что-то хотел сказать, но у него, кроме мычаний, ничего не выходило.

Нильсен — датчанин; очень опытный матрос, он поступил к нам на «Св. Анну» еще в Англии при покупке судна и тогда не говорил ни одного слова по-русски. В течение двух лет он постепенно научился довольно хорошо говорить и все понимал. Со вчерашнего дня он как будто забыл русский язык, но теперь, я думаю, он вообще ничего не соображает, а в его мычания вряд ли и датчанин нашел бы членораздельную речь. Больше всего поражают меня его бессмысленные, полные ужаса глаза, глаза человека, потерявшего рассудок. Когда мы сварили бульон и чашку его дали Нильсену, то он выпил полчашки, но потом опять лег. Мы почти не сомневались, что к утру Нильсен помрет. Жаль человека, очень неглупого, старательного и очень хорошего матроса. Луняев говорит, что у Архиреева все признаки болезни были те же. Все легли спать, а я, взяв винтовку, пошел к утесам посмотреть оттуда на мыс Флору.

Воскресенье, 6(19) июля. Как мы ожидали, так и случилось. Проснувшись утром, мы увидели Нильсена уже окоченевшим. Никто из нас ночью не слыхал ни возни его, ни стонов. Он даже не сбросил одеяла, которым мы накануне завернули его. Лицо его было спокойно и не обезображено предсмертными муками; и странно, но на нем не было заметно той страшной желтизны или восковой бледности, которая делает ужасным лицо покойника. Лицо Нильсена было, как у живого, разве что только краска лежала на нем слишком резкими пятнами. Но с первого взгляда

это не бросалось в глаза, и Нильсена можно было принять за живого спящего человека, если бы не приоткрытые мертвые глаза и не окоченелость тела. По-видимому, он умер спокойно, тихо, как заснул, не приходя в сознание.

Часа через 2 или 3 мы вытащили своего успокоившегося товарища из нашего шалаша и положили на нарты. Саженях в 150 от берега, на первой террасе, была сделана могила[53]. Могила эта не была глубока, так как земля сильно промерзла; даже камни под верхним слоем так смерзлись, что без лома невозможно было оторвать их, и нам пришлось только разбросать верхний слой их. К этой могиле был подвезен Нильсен на нартах, и в ней его похоронили, наложив сверху холм из камней. Никто из нас не поплакал над этой одинокой, далекой могилой, мы как-то отупели, зачерствели. Смерть этого человека не очень поразила нас, как будто произошло самое обычное дело. Только как-то странно было: вот человек шел вместе с нами три месяца, терпел, выбивался из сил, и вот, он уже ушел… ему больше никуда не надо… вся работа, все труды и лишения пошли «насмарку». А нам еще надо добраться вон до того острова, до которого целых 12 миль. И казалось, что эти 12 миль такое большое расстояние, так труден путь до этого острова, что Нильсен просто не захотел идти дальше и выбрал более легкое. Но эти мысли только промелькнули как-то в голове; повторяю, что смерть нашего товарища не поразила нас. Конечно, это не было черствостью, бессердечием. Это было ненормальное отупение перед лицом смерти, которая у всех нас стояла за плечами. Как будто и враждебно поглядывали теперь мы на следующего «кандидата», на Шпаковского, мысленно гадая, «дойдет он или уйдет ранее». Одни из спутников даже как бы со злости прикрикнул на него: «Ну, ты чего сидишь, мокрая курица! За Нильсеном что ли захотел? Иди, ищи плавник, шевелись!» Когда Шпаковский покорно пошел, по временам запинаясь, то ему еще вдогонку закричал: «Позапинайся ты у меня, позапинайся». Это не было враждебностью к Шпаковскому, который никому ничего плохого не сделал. Не важен был теперь и плавник. Это было озлобление более здорового человека против болезни, забирающей товарища, призыв бороться со смертью до конца. Казалось, так просто бороться: не слушаются, запинаются ноги, — а я вот возьму и нарочно буду за ними следить и ставить в те точки, куда я хочу. Не хочется шевелиться, хочется покойно посидеть, — нет, врешь, не обманешь, нарочно встану и пойду. Разве это трудно? Ну, конечно, со стороны виднее все ошибки; и вот стоящий «в стороне», видя ошибки товарища, предостерегающе кричит ему: «Позапинайся ты у меня…» Это «запинание», когда ноги

подгибаются, как парализованные, очень характерно. Я ему сначала не придавал значения, объясняя долгим сидением в каяке в неудобной позе, со скрюченными ногами. Такие «запинания» и даже полный отказ ног от работы бывали и у меня по выходе из каяка, но обыкновенно, после пяти минут «гимнастики» ногами, лежа на спине, все проходило. Но у Шпаковского это не прошло со вчерашнего вечера. У Нильсена тоже началось с ног, потом стал плохо слушаться язык, а после он не мог уже грести: не слушались руки. У Шпаковского теперь уже не выходят некоторые слова, язык как бы потерял свою гибкость. Больной, должно быть, сознает все это; может быть, он нарочно меньше и говорит, а когда надо что-нибудь сказать, то он медленно и старательно выговаривает некоторые слова, но видя, что из этого ничего не выходит, как будто смущается и замолкает.

Утром мы видели два раза гаг, летавших стайками; по 5 и 8 штук по направлению к северному берегу острова Белль. В надежде найти там гагачьи гнезда, а кстати посмотреть то место, которое у меня на карте называется «гавань Эйра», мы пошли туда. Гнезд не нашли, да и трудно предположить, чтобы они могли здесь быть, так как берег каменистый, занесенный снегом и без мха, в котором гаги любят делать гнезда. По всей вероятности, они летели куда-нибудь далее на север. «Гавань Эйра» тоже ничего из себя не представляла: это, должно быть, пролив между островом Белль и островом Мабель. Пролив этот был покрыт льдом.

Вечером мы увидели трех моржей, подплывающих к острову в том месте, где стояли наши каяки.

На всякий случай мы поспешили вытянуть каяки на берег, опасаясь, как бы моржам не пришла фантазия попробовать клыком, из чего они сделаны.

Странно, нам показалось, что это все те же моржи, с которыми мы вчера имели бой. Два из них все время ревели и плыли как-то вертикально, будто продолжая поддерживать третьего. Подплыв близко к берегу, моржи посмотрели на нас и скрылись. Неужели это вчерашние моржи продолжают носиться целые сутки со своим убитым детенышем и оплакивать его? Или, может быть, они приносили его нам, желая укорить нас в его смерти? Нет, этого не может быть: должно быть, они издали приняли наши каяки за лежащих на льду моржей и хотели по привычке улечься с нами рядом, но, увидев, что ошиблись, поспешили скрыться.

На этом острове мы нашли несколько кусков плавника и несколько китовых позвонков.

Теперь нас осталось из 11 человек только восемь: четверо на

каяках, а четверо где-то на Земле Александры.

Каяк Луняева больше моего и со смертью Нильсена он облегчился. Поэтому из моего каяка в него положили большую часть патронов, мои книги и записки и посуду.

Вторник, 8(21) июля. Часа в 3 ночи мы отправились далее к мысу Флора. Погода была великолепная, тихая, солнечная, и все предвещало хорошее плавание. У южного и восточного берегов острова Белль был плавучий лед, но редкий, и между ним можно было лавировать. Далее же весь пролив Мирса[54], отделяющий мыс Флора от острова Белль, был совершенно чист ото льда. Только далеко влево, в глубине пролива, виднелся лед. Пролив в этом месте шириною около 10 миль, но мы, не задумываясь, плыли по прямому направлению на мыс Флора, который был очень хорошо виден. Провизии у нас было только по одному сырому нырку на каждом каяке, но на острове мы хорошо поели и никак не ожидали, что произойдет с нами. А произошло с нами следующее.

Часа через полтора или два нашего плавания, когда мы были приблизительно в середине пролива, подул сильный NO ветер, который быстро стал крепчать и через полчаса дул из пролива, как из трубы, разводя крутую зыбь. Вместе с ветром нас, по-видимому, встретило и отливное сильное течение, тоже из пролива, и нас стало относить в море. Еще недавно спокойного, как зеркало, пролива нельзя было узнать: из пролива понесло лед, накрыл туман, каяки наши заныряли по волнам, и нас поминутно окатывало срываемыми ветром гребнями волн. Каяки наши были легкие, но на передней части их лежали тяжелые нарты, благодаря чему нас или ставило бортом к волне или, когда удавалось провернуть каяк и держать против волны, он сильно зарывался носом и принимал воду.

Незаметно, в тумане и между плавучим льдом, мы потеряли из виду второй каяк. Острова закрыло мглой, но мы видели, что нас быстро сносит, быстрее, чем лед, глубоко сидящий в воде.

Бороться с ветром и течением на этой зыби было невозможно; мы решили подойти к какой-нибудь большой льдине и вылезти на нее. Так мы сделали: выбрали побольше айсберг, пристали к нему с подветренной стороны, вылезли сами и вытащили каяк.

Сколько сидел в воде этот айсберг, не знаю, но над водой он возвышался более двух сажен. Волны с шумом ударяли в эту ледяную скалу, но она была незыблема и только медленно шла по ветру.

Другого каяка мы не могли рассмотреть и с высоты этой льдины, да и мудрено было бы в этой мгле что-либо увидеть дальше 15 сажен. Забравшись на айсберг, мы воткнули в его

вершину мачту и подняли флаг в надежде, что если Луняев увидит его, то догадается тоже забраться на какую-нибудь льдину. О плавании на каяке нечего было и думать до тех пор, пока не утихнет ветер, а так как мы порядочно устали то решили лечь спать. Наверху айсберга было холодно и изрядно продувало; но у нас были две малицы, и мы прибегли к очень употребительному способу спанья, которым нам не раз приходилось пользоваться ранее. Надев на себя малицы, но не продевая рук в рукава, мы легли на вершине айсберга, в небольшой ямке, друг к другу ногами так, что ноги Конрада приходились у меня в малице, за моей спиной, а мои ноги в малице Конрада, за его спиной. Конечно, сапоги предварительно мы сняли и были только в одних теплых носках. Тогда оставалось только хорошенько подоткнуть под себя полы обеих малиц, чтобы они закрывали одна другую, так сказать «заделать все щели». После этого мы втягивали головы обратно внутрь малицы, и никакой холод нам уже был не страшен. Получалось, таким образом, нечто, вроде «двухспального мешка». Тепло там до духоты, и дышать приходится через воротник малицы, около которого и держишь голову. Зимой, в мороз, воротник от дыхания покрывается инеем и леденеет. Таким образом мы заснули и безмятежно спали не менее 7 или 8 часов.

Пробуждение наше было ужасно. Мы проснулись от страшного треска, почувствовали, что стремглав летим куда-то вниз, а в следующий момент наш «двухспальный мешок» был полон воды. Мы погружались в воду и, лелея напрасные усилия выбраться из этого предательского мешка, отчаянно отбивались ногами друг от друга. К несчастью, мы уж очень старательно устраивали себе этот мешок и полы одной малицы глубоко заходили внутрь другой; к тому же малицы перед этим были немного мокры и в течение 7 часов, по всей вероятности, обмерзли. Мы очутились в положении кошек, которых бросили в мешок в воду, желая утопить.

Обыкновенно принято говорить, что подобные секунды опасности кажутся целою вечностью. Это совершенно справедливо. Не могу и я сказать, сколько секунд продолжалось наше барахтанье в воде, но мне оно показалось страшно продолжительным. Вместе с мыслями о спасении и гибели в голове промелькнули другие. Очень подробно пронеслись передо мною различные картины нашего путешествия: гибель Баева, Архиреева, четырех человек пешеходов, Нильсена и Луняева со Шпаковским, и вот последние мы с Конрадом… После этого можно поставить «точку», если кто-нибудь, когда-нибудь вздумал бы рассказать о нас. Очень хорошо помню, что нечто в этом роде

промелькнуло у меня в голове, но сейчас же был и ответ на эту мысль: «А кто же узнает про нашу гибель?»-«Никто!» И, кажется, всего ужаснее было почему-то именно это категорическое «Никто не узнает, что мы погибли…» Вот «там» будут считать, что мы живем где-нибудь, а мы не пережили какой-то страшной борьбы, и нас уже нет… Сознание возмущалось, протестовало против гибели: «А как же сон мой? К чему же было то предсказание? Не может этого быть!» Пусть мне верят, или не верят, но в этот момент мои ноги попали на ноги Конрада, мы вытолкнули друг друга из мешка, сбросили малицы, а в следующее мгновение уже стояли мокрые на подводной «подошве» айсберга, по грудь в воде. Кругом нас плавали в воде малицы, сапоги, шапки, одеяло, рукавицы и прочие предметы, которые мы поспешно ловили и швыряли на льдину. Малицы были так тяжелы от воды, что каждую мы должны были поднимать вдвоем, а одеяло так и не поймали, оно потонуло. Холодный ветер хотя и начал затихать, но все же дул еще основательно. Наши ноги были в одних носках, а так как мы стояли на льду, то они почти потеряли чувствительность. Дрожали мы от двух причин: во-первых, от холода, а во-вторых, от волнения. Зуб на зуб не попадал. Еще продолжая стоять в воде, я напрасно ломал голову, что же теперь нам делать? Ведь мы замерзнем! Но провидение само указало, что мы должны были делать в нашем положении. Как бы в ответ на наш вопрос с вершины льдины полетел в воду наш каяк, который или сдуло ветром или под которым подломился лед, как подломился он под нами. Не упади каяк, или упади он не так счастливо, т. е. прорвись об острый разъеденный водою лед, я думаю, мы пропали бы на этой льдине, не имея провизии, дрожащие от холода, мы напрасно старались бы согреться, а потом вряд ли у нас хватило бы решимости что-либо предпринять.

Но теперь мы знали, что делать. Побросали в каяк мокрые принадлежности туалета, выжали свои носки и куртки, одели их опять, разрубили на куски нарту, взяв несколько кусков с собой и бросив остатки в воду, сели в каяк и давай грести! Боже мой, с каким остервенением мы гребли! Не так заботясь о быстроте хода, как о том, что бы хотя немного согреться, мы гребли до изнеможения и только это, я думаю, спасло нас.

Туман рассеялся, и острова были видны. Самым ближайшим был остров Белль, от которого мы отошли утром; теперь до него было верст 12 или 15, но холодный встречный ветер сильно задерживал ход. Мы старались плыть под прикрытием несущихся навстречу льдин, что бы хотя за ними спрятаться от ветра. Ноги и колени более всего коченели от холода, так как им мы не могли

дать никакой работы, а прикрыть их было нечем. Часов через шесть нам удалось подойти к острову Белль, несколько восточнее нашей первой стоянки. Первым делом принялись мы, как сумасшедшие, бегать по льду, стараясь согреть закоченевшие ноги; если бы кто-нибудь увидел нас в эту минуту, то, без сомнения, принял бы за бесноватых, до того дика была эта пляска. Место совершенно открытое, не защищенное от ветра, и согреться нам не удалось. Тогда мы согнали, сколько можно, воду с малиц, старательно выжали их и надели на себя, что бы хотя немного защититься от пронизывающего ветра. Развели огонь, на что употребили дерево, отрубленное от нарт, лыжи, бинты из аптеки, одним словом все, что только могло гореть. На наше счастье, около кромки льда летало и плавало много нырков, и нам удалось убить несколько штук. Через час мы уже пили горячий бульон и с жадностью ели горячих же нырков. Как будто стало легче. Я забрался в мокрую малицу с головой и все еще трясясь от озноба, то дремля то пробуждаясь, просидел, прислонясь спиной к ропаку, до утра. Конрад же, кажется, так и не отдыхал: он продолжал «греться», бегая и приплясывая по льду. Снаружи малица на ветру немного просыхала, но внутри ничуть — от нее только пар валил. Утром погода опять стала лучше; проглянуло солнце, ветер затих совершенно, и море успокоилось.

Чувствовали мы себя плохо: меня трясло, голова была тяжелая, а у Конрада оказались отмороженными пальцы на обеих ногах. Сидеть так было нельзя: это могло бы для нас кончиться очень плохо. Мы взяли себя в руки и решили опять плыть на мыс Флора. Надо только настрелять несколько штук нырков на дорогу.

Мыс Флора

Пятница, 11(24) июля. Только теперь начинаю приходить в себя после всех наших злоключений. Сижу сейчас в маленьком теплом домике на острове Нортбрук, на мысе Флора. Все время у нас топятся чугунная печь, в домике жарко, но тем не менее я дрожу от озноба. У Конрада отморожены пальцы на ногах, и только сейчас я кончил делать ему перевязку.

Пищи у нас теперь довольно всякой, и даже на столе на тарелке лежат галеты, сухари двух сортов. Из этих галет, если их умеючи распарить, получается хлеб, настоящий белый хлеб! Полмесяца как мы не ели даже ржаных сухарей, а белых не видели гораздо больше времени, так как и на «Св. Анне» они уже вышли. Но запишу все по порядку.

9(22) июля утром, часов в 5, мы отправились опять к мысу Флора, от которого нас так неожиданно отбросило в прошлый раз. Погода и теперь была прекрасная тихая, солнечная, но мы уже больше не доверяли ей, наученные горьким опытом, чего стоит это обманчивое спокойствие и тишина. Обогнув лед, окружавший остров Белль, мы поднялись по проливу вдоль льда до оконечности острова. Может быть только тогда начали пересекать пролив Мирса. Течение из пролива и теперь было сильное, и нам все время приходилось держать левее. Из канала местами несло крупные айсберги, самой причудливой формы, но эти льдины были редки.

Каяк с Луняевым и Шпаковским пропал. У нас еще слабая надежда, что им удалось уже достигнуть мыса Флора тогда, когда мы спали, или плыли между льдинами после купанья к острову Белль. На том каяке была наша единственная винтовка, все патроны, и некоторые документы. У нас же осталась двустволка и

40 штук патронов, из которых 30 штук дробовых и 10 пульных. Этих запасов нам, конечно, хватило бы ненадолго и потому по прибытии на мыс Флора нам предстояло позаботиться об устройстве лука, стрел и различных капканов и силков.

Мне приходилось читать в одном официальном специальном издании, что много лет тому назад партия русских промышленников, потерпевших крушение, высадилась на один из многочисленных островов архипелага Шпицберген, не имея никакого оружия. Эти робинзоны сравнительно благополучно прожили на острове в течение семи лет, добывая себе пропитание и одежду только охотой, для чего пользовались исключительно луками, стрелами и капканами. Впоследствии они были взяты с этого острова случайно попавшим туда судном. Этот случай заслуживает внимания[55].

Но теперь, переплывая пролив на каяке, мы с опасением поглядывали по сторонам, не покажется ли где-нибудь морж. С двустволкой, хотя бы и заряженной пулей, плохо воевать с этими чудовищами, во всяком случае мы предпочли бы с ними не встречаться. Насколько мы искали всегда встречи с медведями, настолько же избегали ее с моржами, по крайней мере на воде.

Как старательно мы ни гребли, но подвигались медленно; на наше счастье, на этот раз погода очень хорошая и плавание было даже приятным. Часов в 9 утра мы были от острова уже недалеко и с напряженным любопытством стали всматриваться в берега, стараясь найти хотя какой-нибудь признак жилья. Мы так старательно рассматривали берег, как тогда на льду горизонт желая найти остров. Немудрено, что и теперь от напряженного рассматривания нам иногда казалось, что видим на берегу дом, но, подойдя ближе, мы убеждались, что это большой камень. Дойдя до западной оконечности острова, мы повернули правей и пошли вдоль берега, восточнее, где, нам казалось, место для высадки лучше. На плывущих мимо острова льдинах мы видели много моржей, но они спокойно грелись на солнце, да и нам теперь было не до них. Но вот место подходящее, можно подойти почти вплотную к берегу, и мы пристали. Я думаю, что Колумб, при высадке на открытую им землю, меньше волновался, чем мы. Шутка ли сказать, сегодня без одного дня три месяца, как мы идем к этой земле, а разговоры, приготовления к походу начались много раньше, уже шесть месяцев тому назад. И вот этот долгожданный, желанный мыс. Флора наконец-то под нашими ногами! Но вот беда, эти ноги подогнулись под нами, и мы должны были лечь. Никогда еще не чувствовали мы такой слабости в ногах, как сейчас, когда достигли почти своей цели. Ноги положительно отказывались служить, подгибались, и мы не

могли сделать ни одного шага. Неужели теперь-то именно нас и подкараулила непонятная болезнь и нас ждет судьба Архиреева и Нильсена?

Но и помимо ног мы чувствовали себя скверно, и только любопытство, что мы найдем здесь, еще поддерживало нас. Мы легли на спины и начали усиленно дрыгать ногами, растирать их, потом прыгать, держась за вытащенный каяк, и минут через 10–15 этой гимнастики ногам стало лучше. Взяли двустволку и биноколь и пошли на поиски следов жилища Джексона.

Мы уже потеряли надежду найти что-нибудь, кроме именно следов или развалин.

Местность представляла громадную площадь, тянущуюся с запада на восток и постепенно, террасами поднимающуюся от берега к северу, где она была ограничена сплошной стеной идущих параллельно берегу высоких утесов, таких же, как мы видели раньше на других мысах. Но здесь все было в более крупном масштабе: и стена утесов, совершенно почти ровных, без отдельных вершин, и ширина самой площади, и высота берега. Берег и прилегающая к нему часть площади были каменистые, но далее была земля и глина. Площадь была волнистая и поворачивала немного влево, так что всю ее не было видно. За стеной утесов, на север, спускался ледник, должно быть, во всю длину острова, и этот ледник был виден, когда мы подходили на каяке к острову, но с юго-запада его не было видно, так что весь остров производил очень приятное впечатление обилием земли.

Со скал с шумом сбегала вода, образуя во многих местах водопады, и по террасам она сбегала в море многочисленными ручьями. Снег с открытых мест почти весь стаял, была масса мху, между которым был и цветущий, а местами на холмах много желтеньких цветочков, какие мы видели на мысе Мэри Хармсуорт. Но здесь растительности значительно было больше, чем на других виденных нами мысах; да так и должно было быть: почему-нибудь да называется он Флора.

Почва еще не просохла, было много грязи и воды. Местами эту площадь пересекали широкие и глубокие овраги, своим происхождением обязанные сбегающей с ледника воде, а на дне оврагов бежали шумные потоки. На скалах птиц было видимо-невидимо, и непрерывный их шум положительно оглушал нас после тихого плавания на каяке. Между камнями бегали маленькие серые птички, похожие на куличков. Около берега льду почти совершенно не было; только кое-где виднелся припай в виде отдельных узких почерневших льдин.

Мы торопливо, поминутно спотыкаясь на камнях, а иногда еще «запинаясь» больными ногами, шли вдоль берега на восток,

жадно всматриваясь вперед.

За поворотом нам показалось, что мы видим что-то вроде постройки, но скоро она опять скрылась за холмом.

Пройдя еще сажен полтораста, мы увидели, что за холмом как будто возвышается шест. Он все больше высовывался из-за холма и был уже ясно виден. Не могло быть сомнения, что мы подходим к самому интересному месту. Мы знали, что ожидать деревьев на мысе Флора не могли, значит, этот шест кто-нибудь да ставил. Левее рассмотрели и второй шест; к вершинам их что-то было прикреплено.

Но вот показался и дом, настоящий бревенчатый дом с почти плоской крышей на один скат и с трубой. Да это уже не развалины, а целый дом. Увидели еще дом и еще постройку и уже были уверены, что здесь если не город, то порядочный поселок, так как мы за дома впопыхах принимали и все большие камни. Мы так были заняты рассматриванием этого поселка, что не обращали внимания на ближайшие предметы. Вдруг совершенно неожиданно, саженях в 30-ти от нас, около глубокого оврага мы увидели большой промысловый бот, норвежского типа. Он был совершенно в порядке и лежал килем кверху. Около были сложены различные принадлежности: весла, решетки и проч. Почему-то нам показалось, что этим ботом пользовались очень недавно, может быть, в этом году. Бежим далее к поселку, к самому большому дому, ожидая увидеть людей. Если мы их сейчас увидели, то, право, не удивились бы, так как серьезно вообразили себя в каком-нибудь промысловом поселке, о существовании которого раньше не знали. Мы не обращали внимания, в каком состоянии эти, уже близкие теперь, дома. Они казались нам новыми, может быть обитаемыми. Возможно, что сейчас откроется какая-нибудь дверь, услышим мы незнакомый голос и увидим какого-нибудь норвежца или англичанина с трубкой в зубах[56].

Но, подойдя к дому, мы убедились, что он необитаем: все окна были заколочены, хотя и неплотно, но в некоторых стекла были разбиты. Дверь в дом была полуоткрыта и занесена снегом, который уже превратился в грязный лед. Нижние бревна дома были занесены тоже снегом, но верхняя часть постройки была свежа и производила впечатление недавно поставленной. Но теперь мы не обращали еще внимания на детали; нас заинтересовали какие-то большие ящики, полузанесенные снегом, которые лежали у самого дома. Оторвав доску у одного из них, мы внутри увидели второй ящик, но уже жестяной. Разрезали ножом жесть, и (о счастье!) внутри ящик оказался полон белыми сухарями, галетами. Сейчас же у нас и в карманах и во рту

очутились эти чудесные галеты, о которых мы столько времени мечтали. Вскрыли второй ящик, и он оказался тоже с галетами, но уже лучшего сорта. Таких ящиков было пять, и не было сомнения, что все они с галетами. Для того, чтобы понять нашу радость при этом открытии, надо несколько месяцев получать ржаные сухари ограниченными порциями, а в течение полмесяца не видеть ни крошки хлеба или сухаря и питаться одной мясной пищей, без всякой абсолютно приправы, кроме морской воды. Когда вы садитесь за стол и вам подают обед, в котором встречается и зелень, и крупа, и картофель, то вы обращаете внимание на эти горячие или холодные блюда, совершенно игнорируя те несколько кусочков тонко нарезанного хлеба, которые не составляют собственно обеда, а служат как бы приложением к нему. Вы даже не обратите, может быть, внимания, какой вам дали хлеб, сколько дали и сколько вы съели. Я тоже раньше был в таком положении, что не придавал особенного значения хлебу, и никак не предполагал, что по хлебу или даже сухарю можно тосковать, буквально тосковать, даже тогда, когда вы сыты от одного мяса. Читая еще давно описанные зимовки Нансена и Иогансена в мрачной хижине на острове Джексона, когда они питались в течение зимы только мясом, мне казались несколько преувеличенными их мечты о сухарях, которые несложно найти на какой-то промысловой шхуне у Шпицбергена, мне казался преувеличенным их восторг, когда они нашли этот хлеб у Джексона на этом же мысе Флора.

Но потом я понял, как я ошибался; без мяса легче жить, чем без хлеба или без сухаря; я убедился в после того, как не видел его только полмесяца. Познал я действительную цену хлеба! И теперь, когда нашли целых пять ящиков сухарей, то мы были рады, как никогда!

Только теперь мы обратили внимание, что к стене дома, со стороны входа, была прибита вертикальная доска, возвышавшаяся над крышей аршина на два с половиной. К этой доске наверху была прибита другая доска, поперечная, покороче, на которой была четкая надпись латинским шрифтом: «Экспедиция Старшего лейтенанта Седова 1913 год»[57]. Вот те раз! Так мы значит, находимся в гостях в становище Седова? Но почему здесь написано 1913 год, когда Седов отправился в том же 1912, как и мы! Странно!.. Под поперечной доской были привязаны проволокой две запаянные жестяные банки из-под какао. Это почта, догадался я; должно быть, ждут прихода судна.

Подойдя к двери, мы увидели надпись синим карандашом «Первая Русская полярная экспедиция Старшего лейтенанта Седова прибыла на кап-Флора 30 августа 1913 года и 2 сентября

отправилась в Теплиц-бай».

Теплиц-бай… Залив Теплиц, это мне знакомое название. Это на земле кронпринца Рудольфа. Пришли 30 августа, а 2 сентября ушли… По-видимому, на собаках ушли далее, иначе не выгружали бы этих ящиков и другого имущества, виднеющегося вдали. Но как они успели за 4 дня сложить этот дом; а еще удивительнее, как они успели в нем пожить и так его запустить? По-видимому, они приходили сюда второй раз зимой или ранней весной, пожили здесь, взяли, что могли и что им надо было, оставили эту почту в жестяных банках и опять ушли в Теплиц-бай. Заглянули мы в дом, но там было темно и такой беспорядок, такая грязь, что трудно вообразить себе: грязный лед лежал слоем на треть вышины всего помещения, и в этот лед вмерзлись обломки мебели, разные лохмотья, банки из-под провизии, грязная посуда и проч. Отложили осмотр до другого раза и решили идти далее к амбару, стоявшему саженях в тридцати от дома. Амбар этот представлял большую постройку, сложенную из толстых, двухвершковых досок на сруб, разделенную внутренней переборкой на две половины, каждая с отдельной дверью, но этих дверей не было, они были сорваны. Большей части крыши и потолка у этой постройки тоже не было. Внутри амбар наполовину был наполнен льдом, из-под которого высовывались ящики, ряды банок, бочки, большие железные бидоны, непромокаемая одежда, парусина и масса каких-то обломков. В другой половине, кроме перечисленного, наполовину высовывался из-под льда зеленый каяк хорошей работы. Сбоку, около амбара, была полуразрушенная пристройка, сарайчик, в котором лежали мелко напиленные дрова.

Вокруг амбара была масса навозу, непролазная грязь и лужи воды. В этой грязи и воде, на большом расстояние вокруг, были разбросаны ящики с какими-то банками, банки без ящиков, бочки, весла, ломаные нарты, обрывки сбруи, посуда и еще много предметов. Многие банки были проржавевшие, пробитые, и содержимые в них консервы совершенно негодные, но много банок было еще целых и невредимых. Впечатление получилось в общем такое: стоял амбар, в котором был когда-то устроен хороший склад, и в этом складе одного только птичьего молока не было, но вот случился пожар, прибыли пожарные, разбросали кругом, как попало, на большом расстоянии, весь товар, поломали, побили, залили все потоками воды, которая сейчас же замерзла, а потом ушли… Но пожара не было, это ясно. Стены и остаток потолка даже не очень почернели от времени, дерево было почти свежее.

Вскрыли мы несколько банок с консервами и нашли там

свинину, селедки копченые и консервированные и мясо кролика. Попробовали на вкус: как будто только сейчас из магазина!..

Банки эти мы взяли с собой и пошли далее.

На другой линии с домом и амбаром, саженях в тридцати от последнего, стояла какая-то странная постройка легкого типа. Она была восьмигранная, причем каждая грань, немного наклонная внутрь, состояла нз отдельного щита, и эти щиты, по-видимому, можно было разобрать. Крыша у этой постройки была шатром, коническая, вход через отдельные сенцы, или прихожую, и вся постройка была очень похожа на маленький цирк. Внутри стены обтянуты крашеной парусиной, а вдоль стен были устроены койки. Когда-то эта постройка, должно быть, была очень хороша, работа аккуратная, красивая и легкая, но время наложило на нее свою руку. Сделана она, конечно, не для здешнего сурового климата, а по всей вероятности, когда-нибудь служила для кратковременного житья в более теплом месте. На полу был такой же слой льда, такая же грязь и разрушение, как и в первых двух постройках. В средине из-под льда высовывался верх чугунной печи, валялись лохмотья и обломки мебели, ящиков и прочего хлама. На койках мы нашли нечто существенное и важное для нас: там лежали в ящике прямо рассыпанные патроны для винтовки и дробовки, причем дробовые для ружья 12-го калибра, как и наша двустволка. Между этими последними было несколько патронов, заряженных пулями. Находка патронов, была очень кстати нам, а это совпадение калибров прямо поразило нас. Право, не дурно!

На койке же стоял большой аптечный сундук, полный всевозможных лекарств и перевязочных средств. Сундук этот, кажется, из всех предметов наиболее сохранился, но пока он нас заинтересовал только своими беленькими круглыми мятными леденцами (пеперментки), и стеклянную банку их с притертой пробкой мы взяли с собой «к чаю».

Между постройками и берегом была, целая свалка: тут были порожние банки из-под разных консервов, кастрюли, тарелки, сковороды, чайники, ложки и пр. Все это было старое, грязное и поломанное; не хватало ручек, крышек, носиков, но между этими вещами попадались и хорошие, годные к употреблению обломки нарт, собачьей и конской упряжи, какие-то непонятные предметы и приспособления, и вся эта куча похожа была на развал на «толкучке»: богатство такое, что у нас голова закружилась. Ясно было, что мы обеспечены всем необходимым и даже «предметами роскоши».

Теперь нам надо было подыскать себе приличную «квартиру».

Ни в главном доме, ни в амбаре, ни в «мирке» жить было

нельзя в настоящем их виде. Напротив главного дома, в сторону к утесам, стояла четвертая достройка, не менее странная, чем «цирк». Как потом мы рассмотрели, это была судовая рубка, или целиком перенесенная с судна, или на берегу собранная по судовому образцу. Вдоль ее стен, на расстоянии около фута от них, был воткнут в землю ряд бамбуковых палок, образуя нечто вроде частой решетки, переплетенной проволокой и скрепленной планками. Между этой решеткой и стенками рубки был положен торф или мох, который раньше, должно быть был во всю вышину, постройки, но от времени он осел до половины вышины. Такая же бамбуковая решетка ограждала небольшую площадку перед входом, образуя что-то вроде крытого палисадника, или клетки с отдельной дверью. Бамбуки эти когда-то, может быть, служили для целей съемки и на многих из них еще сохранились флажки. Эта маленькая усадебка показалась нам очень оригинальной и симпатичной: около нее не было грязи, так как она стояла на возвышенном месте, и не видно было следов разрушения, как у других построек. В нее мы и вошли.

В палисаднике было устроено кузнечное горно, причем мех был какой-то особенной конструкции, не виданной мною еще нигде. Дверь в постройку была закрыта плотно, и к ней прибита лошадиная подкова, кажется, у всех считающаяся эмблемой счастья. Войдя в помещение, мы увидели, что жить здесь вполне можно. Налево стояла чугунная печка, около которой стоял ящик с мелко напиленными дровами, направо был столик, а прямо против двери — широкие нары.

Была здесь и некоторая утварь, лампа и посуда. На полу, правда, и здесь был слой льда, но не толстый, который не трудно было убрать. Здесь мы и устроились сложив на столе свои «покупки»- консервы и сухари. Скоро весело запылал огонь в печке, стало жарко, и мы могли наконец, снять с себя мокрую еще после нашего купанья одежду; принялись готовить обед, сварили суп из хорошего жирного консервированного мяса, запустили его найденным сушеным картофелем и с аппетитом принялись обедать с долгожданными сухарями. Как приятно было раздеться в жарком домике, после трех месяцев пребывания на холоде! Мы были дома, были сыты и у нас было все, что только мы могли пожелать и о чем, конечно, не мечтали, когда шли к мысу Флора! Флора превзошла все наши самые смелые мечты. Утомленные и дорогой, и массой новых впечатлений мы легли спать в обстановке, от которой отвыкли. Сколько раз мы мечтали об этой минуте, об этом тепле, когда в метель, мокрые, голодные и холодные тащились по тяжелой дороге по льду, безнадежно поглядывая на горизонт и ломая голову, как достать топлива, что

бы хотя натаять воды изо льда для питья перед сном.

Да, теперь мы были спасены. Теперь мы не опасались за будущее. Только бы собрать нам наших раскиданных спутников! Где-то они теперь?

Приготовление к зимовке

Спали мы, как убитые, и, должна быть, долго. После завтрака принялись за работу, которой было много. Прежде всего надо было подвести к поселку каяк, оставленный версты за две отсюда, вытащить его в безопасное место и взять в домик все остатки нашего снаряжения, которого, правда, осталось немного: компас, бинокль, хронометр, секстан, две книжки, паруса, топор, спички, да две или три банки, из которых одна была с почтой. После этого нам предстояло приняться за большую спешную работу: спасать провизию, валявшуюся в воде и грязи, которая с каждым днем портилась все больше. За провизию, вмерзшую в лед, мы особенно не беспокоились, она еще может ждать. Пока мы принялись собирать разбросанные везде банки, а их было много. Тут пришлось убедиться, что добрая половина банок, к сожалению, была уже негодных: иные были пробиты, иные проржавели насквозь, и провизия в них уже испортилась. Но оставшиеся были все собраны, просушены и рассортированы. Пока не была устроена нами кладовая для хранения провизии, мы эти банки расставили частью в нашем палисаднике, а частью прямо около амбара на досках.

После этого приступили к выкалыванию изо льда полуобнаженных ящиков и банок, сверху покрытых талой водой. Начались «раскопки Помпеи». Постепенно ящик за ящиком, банку за банкой, боясь повредить, работая ножами и топором, стали мы извлекать на свет божий различные консервы и вещи. Работа кропотливая, требующая терпения, но зато и интересная, полная самых неожиданных открытий и приятных сюрпризов.

Чего-чего мы не нашли только во время этих раскопок!

Пеммикан[58], мясо, баранина, свинина, кролик, всевозможная рыба, масло, какие-то колбасы в запаянных банках, сушеная и прессованная зелень, сушеный картофель, большие плитки шоколада, но без сахару, какой-то яичный порошок, должно быть, для печения и пр. и пр. Многое из этого перечня было порченое, хотя и сохранилось под слоем льда. Должно быть, оно испортилось ранее, когда этого льда еще здесь не было, следовательно, не в этом году.

Во льду же, покрытом водой, мы нашли целые пуды чая в жестяных полуфунтовых коробках; почти весь чай был никуда не годен, так как коробки поржавели и чай отсырел и заплесневел. Тем не менее мы взяли несколько коробок наиболее сохранившихся и, просушив его, пили с удовольствием. В больших железных банках, открытых сверху и залитых водой, нашли мы несколько пудов кофе, который был окончательно испорчен. В железных бидонах, тоже под водой, было найдено много овса, по-видимому, для лошадей. Хотя он и отсырел, но мы пробовали из него сделать овсяной кисель, и получилась вполне съедобная вещь, так что мы решили этот овес еще использовать зимой. В амбаре же нашли мы два ящика с галетами, совершенно размокшими и превратившимися в кашу. Нашли несколько пудов керосину и ящик стеариновых свечей, что будет очень кстати длинной зимней ночью. Найдены были лохмотья уже совершенно истлевшей одежды. Найдены были шелковые легкие палатки, причем на каждой из них были шелковые же красные надписи и номера каждой палатки, эти надписи, по-английски, поставили меня несколько в тупик: «Полярная экспедиция Циглера № 12». Подобные надписи или клейма были на многих найденных нами предметах: на топорах, на лыжах, на каяке, на приборах для варки пищи специально в санных экспедициях, на лопатах и пр. Все вещи были лучшего качества и каждая занумерована. Этот неизвестный нам Циглер [59]совершенно сбил меня с толку.

Как я уже говорил, первоначально у нас составилось очень простое представление: мы еще не нашли зимовки Джексона и находимся в становище Седова. Немного смущало, правда, обилие разного старья и запущенность построек, но часть хлама была еще закрыта снегом, а кроме того, мы это объясняли спешным уходом зимой, при вторичном посещении Флоры. Судно же Седова, должно быть, вернулось в Архангельск, высадив экспедицию на мыс Флору, как это предполагалось в 1912 году. В этом году судно должно прийти; в тех банках, привешенных к дому, находится почта на случай, если бы санная экспедиция вернулась позже прихода судна. Как могло у меня составиться такое ложное представление, я, право, не могу себе объяснить.

Дом, очень хорошо сохранившийся снаружи, которому, право, можно было дать на первый взгляд скорее год, чем двадцать лет, две надписи Седова, наше предвзятое ожидание найти только развалины становища Джексона, почта, составленная Седовым, две или три пустые банки из-под русских консервов, найденные в усадебке, где мы жили, это те первоначальные причины моего заблуждения, в котором я был дня два. Однажды, забравшись в большой дом, который очень походил внутри на помойную яму и в котором слой грязи и льда был толщиною до двух футов, у одной стены, в закоулке, за грязными заплесневевшими койками, мы нашли вместо обоев какой-то сгнивший лоскут. Он был невелик, и внутри дома нельзя было разобрать ни материала, из которого он сделан, ни цвета его. Но рассматривая эти лохмотья при свете солнца, мы увидели, что это сукно, совершенно истлевшее и когда-то зеленого цвета. Внезапно я припомнил, что Нансен, описывая жилище Джексона, говорит, что стены его были обтянуты зеленым сукном.

В середине большой комнаты стоит хорошая чугунная печь, и к потолку над ней аккуратно прибиты деревянные планочки, назначение которых ясно: сушить над печкой намокшее платье. Нансен тоже про это пишет. Присмотревшись к стенам, потолку, кухне, отделенной переборкой от главного помещения, я уже нашел, что дом далеко не так молод, как показался мне первоначально, благодаря предвзятым ожиданиям. Конечно, это дом Джексона! А с другой стороны, и не похоже… У того было чистое, удобное помещение, «масса места», как говорил он Нансену при встрече, а людей с ним было немного. А здесь устроены койки в три ряда, одна под другой, человек на сорок или тридцать пять. Какие-то переулки, закоулки, темнота. С одной стороны, как будто здесь было и хорошее помещение, а с другой стороны, и скверное. Койки сбиты даже из плохо строганных досок, кое-как, наспех, матрацы на них сгнили до того, что их приходится сбрасывать лопатой, а около стоит хорошее кресло.

Прекрасный удобный стол, может быть, когда-то служивший письменным, грубо починен обрезком не строганой доски. К потолку привешены на проволоках и прибиты гвоздями против каждого паза между досками длинные, кое-как согнутые из жести желоба, так как, должно быть, крыша и потолок протекали. Весь потолок был увешан этими некрасивыми заржавленными желобами. У каждой койки наспех сделаны полочки и ящики, в которых во всех были грязные банки и пузырьки с различными лекарствами, и, должно быть, ими частенько пользовались. Нет, положительно, в таком грязном, запущенном, нездоровом

помещении не мог жить Джексон, этот джентльмен, который, говорят, к обеду выходил во фраке. Ясно, что здесь было за двадцать лет двое, а то и больше хозяев. Сначала устраивалось удобное, светлое помещение, обставлялось с комфортом, обтягивали стены сукном, предусматривалась долгая, в течение нескольких зим, жизнь при приличных условиях. Такое помещение и застал Нансен.

Но вот, после уже, откуда-то появились какие-то другие люди: их было много, явились они поздно, надо было торопиться, чтобы как-нибудь устроиться поместиться всем до наступления зимы. И стали они наспех делать эти трехъярусные койки-гробы, приколачивать к потолку эти жестяные желоба, так как потолок к тому времени уже протекал. У них, должно быть, было несколько лошадей, скелеты и черепа которых мы видели в разных местах около амбара и «цирка». Поломанные нарты, которые мы видели на свалке, были слишком велики для собак — они предназначались для лошадей. В доме, на стене, висит уздечка, тут же рядом нашли мы винтовку, заржавленную до того, что для употребления она не годилась. На этой винтовке, на прикладе выжжено клеймо: «Полярная экспедиция Циглера». Такое же клеймо и на лежащем в доме топоре, на длинной ручке.

Нет, положительно, своим грязным запущенным видом дома обязаны не седовской экспедиции. Надо было много времени, чтобы сгнили эти матрацы и лохмотья одежды. Эта экспедиция была раньше седовской. Как спешно она пришла, так же спешно и ушла куда-то, не убрав грязи, не заколотив хорошенько окон и не закрыв крепко дверей. И, по всей вероятности, это была экспедиция Циглера, совершенно мне не известная. Откуда и куда шел этот таинственный Циглер или его экспедиция?

А вот, кажется, и ответ на этот вопрос. На одной из коек находим мы большой лист бумаги; по-видимому, это нечто вроде юмористической газеты, случайно изданной на мысе Флора по поводу наступления Нового года[60].

Первая картинка изображает двух джентльменов, сидящих за стаканом и пьющих виски. Они, должно быть, говорят между собой: «А хорошо бы открыть Северный полюс. Конечно, недурно». И вот корабль, по всей вероятности с этими джентльменами, уже в море. Но у какого-то высокого мыса, может, севернее Флоры, этот корабль от неизвестной причины идет ко дну и из воды видна только его корма. Следующая картина изображает путешествие обратно на юг по Земле Франца-Иосифа. Длинной вереницей растянулся обоз, запряженный и лошадьми, и собаками, и, по-видимому, все приходят на мыс Флору. Потом эта компания, уже, должно быть, в наступающем

году, каким-то образом очутится в обитаемых местах и поедет в железнодорожном поезде. Конечно, они доберутся благополучно до дома и, в один прекрасный день очутятся в кругу родных и знакомых.

Вот по каким «достоверным источникам» мы познакомились с экспедицией Циглера.

Около амбара среди нескольких порожних бочек мы нашли одну из-под вина. На ней было выжжено клеймо «Северный полюс». Не экспедиция ли Циглера предусмотрительно запасалась этим вином, которое предстояло распить по прибытии на Северный полюс? В нашем представлении этот Циглер или, вернее, остатки снаряжения этой экспедиции и «свалка» около домов были неиссякаемым источником всяких сокровищ: нечто вроде «универсального» магазина. Когда нам нужна была та или другая вещь для хозяйства, то мы смело шли в дом, амбар, «цирк» или на «свалку» и всегда находили нужную вещь. «Надо сходить к Циглеру, не найдется ли там ложек», — и мы находили. «Александр, не поищешь ли ты у Циглера ситечко для протирания овса», и Александр шел и находил. Таким образом, мы «у Циглера купили» кофейную мельницу, хорошую лампу, ножи столовые и вилки, различные инструменты и всевозможную посуду. Циглеровская винтовка у нас была разобрана и отмачивалась в керосине, после чего мы надеялись привести ее в надлежащий вид.

Проходя как-то на восток, за одним из холмов я увидел высокий, узкий, очень правильный камень. Подхожу ближе и, к своему величайшему изумлению вижу великолепный памятник-обелиск. Из надписи на нем золотыми буквами я узнал, что этот памятник поставлен в 1900 году судном «Стелла Поляре», Полярной экспедицией герцога Абруццкого, своей пропавшей без вести санной партии. Конечно, эта вторичная экспедиция, привезя с дальнего юга этот памятник своим пропавшим товарищам, не позабыла с собой захватить и более существенное, все необходимое для существования на севере. Должно быть, она много чего привезла и сложила в амбаре, но кто-то уже после раскидал и перепортил это добро.

Так что, хотя мы и называли все наши находки полезных вещей «покупкой у Циглера», но ясно было, что не одному Циглеру мы были обязаны ими. Возможно, что экспедиция Циглера сама многим воспользовалась из склада в амбаре.

Недалеко от нашей усадебки, ближе к утесам, мы нашли могильный холм с деревянным крестом, окрашенным красной краской. Какой бедняга нашел себе здесь успокоение, это нам не было известно. Здесь была земля и все нужные инструменты для

копания, а потому эта могила была лучше, чем могила нашего Нильсена. Там мы могли только сложить над телом его холм камней, а на крест у нас не было материала.

Постепенно из-под льда была выколота почти вся провизия. Оставалось немного несущественного, которое мы собирались разобрать после. Теперь же надо было убрать то, что уже было вынесено наружу.

В большом доме часть сеней была отгорожена переборкой под кладовую. Здесь, как и везде, была та же грязь, тот же лед. Очистив ее и добавив полок, мы сложили по сортам, рядами на полках, всю провизию. Вид получился внушительный и очень красивый. Длинные ряды банок различной формы и величины, со свежими даже этикетками, напоминали хороший гастрономический магазин. Кладовая оказалась полной.

Большую часть этой работы, раскопки провизии и сортировки, сделал Конрад. Работа эта серьезная и очень кропотливая, но Александр добросовестно ее выполнил. С утра и до позднего вечера проводил он время «в Помпее», только иногда навещая меня, чтобы поделиться тем или другим приятным открытием.

Я же с самого прибытия на мыс Флору был болен и мне становилось все хуже. Жар и озноб не покидали меня. Большую часть времени я был в бреду, а иногда были какие-то кошмары. Мне все казалось, что нас на мысе Флора живет трое. Лежа в бреду, я вскакивал и бежал к раскопкам звать Александра. Я знал, что он там работает, и никак не мог припомнить, куда отправился «он, третий». Спрашивал Александра, где «он», но кто он, я и сам не мог припомнить. На свежем воздухе я приходил немного в себя, припоминал все происшедшее с нами, что нас осталось только двое, и с тоской шел обратно на койку. К общему недомоганию прибавилась опухоль и боль в ногах, и в минуты сознания я опасался плохого конца для себя. Положим, что опухоль в ногах была и у Александра.

Мысль о пропавших спутниках, в особенности о Луняеве и Шпаковском, не давала обоим нам покоя. Временами, когда мне было лучше, мы садились у дверей своей усадебки и смотрели на расстилающееся перед нами море, втайне надеясь, что покажется где-нибудь каяк с пропавшими. Разве это не может быть? Возможно, что их отнесло очень далеко на каяке или на льдине, на которую они предпочли перебраться. Но ведь там за горизонтом должен быть лед и большой лед. Трудно ожидать, чтобы это свободное море тянулось вплоть до Мурмана, или до берегов Новой Земли, вероятнее, что южнее есть широкая полоса льда, такого же плавучего, как и тот, по которому мы шли.

Возможно, что наших спутников отнесло к этому льду, где они, конечно, могли убить несколько тюленей и, питаясь ими, при благоприятном ветре и погоде решили отправиться обратно к островам. Каяк у них крепкий, стойкий, и такой переход сделать возможно. Но напрасно мы всматривались в горизонт, напрасно рассматривали в бинокль отдаленные льдинки, ничего не было видно похожего на каяк. Медленно мимо нас проходили льдины, гонимые приливом и отливом то на запад, то на восток, часто на них мирно грелись на солнце моржи по несколько зараз, но наших пропавших спутников не было.

15(28) июля, рано утром, Конрад решил ехать на остров Белль, а если будет возможно, то есть если лед не взломан, то доехать до мыса Гранта и посмотреть, нет ли там береговой партии или, по крайней мере, их следов.

В то время я ехать не мог, так как только временами мне было настолько лучше, что я мог ходить, больше же я лежал на койке и чувствовал себя плохо, на каяке я был бы только лишним грузом. Да и Александра к этой поездке побуждало отчасти опасение остаться на зиму одному.

Взяв с собой ящик с провизией, двустволку с патронами, Александр, при хорошей погоде и легком попутном ветре, отправился под парусом к острову Белль. Скоро каяк превратился в точку, а через час и точка исчезла. Я остался один. Это время одиночества было очень тяжелое для меня. Лежа почти в забытьи, я переживал различные эпизоды из нашего странствования, которые перепутывались с ужасными кошмарами, во время которых я слышал голоса за дверью, или даже мне казалось, что кто-то открывает дверь, я выскакивал из домика, но, конечно, никого не оказывалось там. На некоторое время я приходил в себя, припоминал, что сейчас я один, но потом опять начиналось что-нибудь подобное.

На столе у меня стояли раскрытые банки с различной провизией, консервами, вода, галеты и лежала хина, взятая из аптечного сундука. Это все приготовил Александр для меня перед своим отъездом. Но аппетита у меня не было, я только принимал хину, пил воду, подбрасывая дров в печку, и опять ложился. По прибытии на мыс Флора, мы переделали нары в нашем домике, так как они занимали очень много места. Вместо них мы сделали две койки, одну над другой, и находили это удобнее. Моя койка была нижняя.

Через двое суток я начал беспокоиться об Александре, не случилось бы какого-нибудь несчастья и с ним.

Вечером 17(30) июля я оделся в малицу и решил дожидаться Александра, сидя около дверей на ящике.

Этот неумолкаемый гвалт на утесах, временами прерываемый какими-то дикими завываниями, способен был и на здорового человека нагнать тоску. Беспрестанно льется со скал водопадами вода, временами она подмывает где-то наверху лед и снег, и происходят шумные обвалы. Невольно вскочишь с места от этого шума, кажется, что обвал случился где-нибудь недалеко от нашего домика, так силен этот грохот и сотрясение воздуха.

Я прождал Александра всю ночь, только иногда заходя в домик. Часа в 4 утра я увидел по направлению на остров Белль какую-то точку, похожую на каяк, но все еще не верилось. В то время как лед медленно плыл по проливу на юг, точка эта как будто подвигалась немного на север. Немного погодя стало заметно, как по сторонам черной точки что-то поблескивает с правильными промежутками времени, то с одной стороны, то с другой. Да, конечно, не может быть сомнения, что это каяк, а по сторонам его блестит на солнце двухлопастное весло, то опускаясь, то поднимаясь из воды. Через час он скрылся за высоким берегом, а в 6 часов утра я увидел уже Александра, идущего по берегу, и побрел ему навстречу.

Конрад шел один. Когда я подошел к нему, то он не мог сдержаться и заплакал. Нечего было и расспрашивать, я понял, что он никого не нашел и не видел следов. До самого мыса Гранта дойти он не мог, так как там был наносный лед, но мыс был виден хорошо в бинокль: можно было рассмотреть каждый камень. Александр стрелял, кричал и даже переночевал в виду мыса.

Но мы все еще не теряли надежды. Решили вторично отправиться к мысу уже вдвоем, как только устроим себе помещение для зимовки.

В этом маленьком домике мы не предполагали зимовать, так как, по всей вероятности, здесь будет очень холодно. Надо было привести в порядок большой дом, за что и принялись с утра. Эта работа была немалая. Для очистки дома следовало принимать меры энергичные. Прежде всего были оторваны от всех окон доски и выставлены рамы, потом мы принялись ломать все до одной койки и вынесли всю мебель. Мы решили оставить только одни стены и печи: только таким способом можно было сколько-нибудь высушить помещение. На стенах были прибиты кое-как какие-то мокрые лоскутья тряпок, кожи и бумаги, какие-то дранки, доски с прослойкой сгнившего мокрого войлока. Такая грязь, такая вонь, что трудно себе представить.

Чугунный камелек, который стоял посредине помещения, был разбит, а потому мы решили здесь сложить небольшую кирпичную печь, которая держала бы больше тепла и в которой

одновременно мы могли бы готовить себе пищу. Кирпич, нужный для этой печи, нашелся частью от кузнечного горна, устроенного в нашем «палисаднике», а частью мы собрали его в разных местах около построек. За печником дело не стало. Конрад до поступления на «Св. Анну» работал печником, и, по его словам, был «дошлый» по этой части. Кроме того, нам предстояло починить потолок и крышу. Для этого надо было туда наносить побольше дерну и мху, а за этим материалом дело тоже не стало. Недалеко мы нашли большую кучу мха «ягеля», употребляемого для корма оленей. Должно быть, он был припасен еще Джексоном, который, кажется, делал попытку разводить здесь оленей. Часов в 7 утра мы аккуратно выходили на работу и проводили весь день в большом доме с перерывами только для обеда и чая.

Работая в большом доме, мы нашли под койками более тысячи патронов для «циглеровской» винтовки. Это была ценная для нас находка, так как мы надеялись привести в порядок винтовку, отсутствие которой для нас было чувствительно. Раза три нас уже навещали медведи, но они были осторожны, близко не подпускали, и потому мы не могли ни одного убить из двустволки. Медведи, видя за собой погоню, улепетывали очень быстро к морю, бросались в воду и плыли ко льдам, проносившимся около острова. Там они забирались на одну из льдин и спокойно продолжали свое путешествие.

А между тем нам необходимо было еще до наступления зимы убить нескольких медведей. Во-первых, их свежее мясо никогда не могло быть лишним, хотя бы мы имели достаточно консервов. А во-вторых, наша одежда очень нуждалась в ремонте и пополнении, а медвежьи шкуры не оставляли желать ничего лучшего для этой цели.

Кроме того, нам винтовка нужна была для моржей, мы еще предполагали за ними поохотиться как следует. Мясо и шкуры их для нас далеко не были бы лишними.

Различные обрывки одежды и оленьи шкуры, найденные нами в различных местах, мы аккуратно собирали и сушили их на крыше дома. Этот хлам должен был нам пригодиться тоже для ремонта нашего гардероба. Иглы и нитки мы нашли в доме, а материалом для нашего будущего белья должны были служить несколько парусов от каяков, сохранившихся у нас и сделанных из больших простыней; для той же цели мы собирались употребить одну из наиболее рваных шелковых палаток Циглера.

Исправлением и шитьем одежды и белья мы должны были заняться после нашей поездки на мыс Гранта уже в «новом» доме, когда настанут темные вечера и все работы на дворе будут

окончены.

В большом доме, «в мусоре», Конрад неожиданно нашел обыкновенный русский ситцевый кисет с махоркой. Как он попал сюда, не могу себе представить. Впрочем, его мог обронить кто-нибудь из команды Седова. Мы с Конрадом заядлые курильщики, но табак на «Св. Анне» вышел уже год тому назад, и могу сказать по личному опыту, что это слишком большой срок для курильщика. Чем только не пробовали на «Св. Анне» заменить табак! Курили и сушеный хмель, и чай, и даже траву от матрацев, но, увы, эти суррогаты только раздражали курильщиков, но табак заменить не могли.

Можно себе представить, с каким наслаждением теперь, на мысе Флора, после обеда, мы свертывали из бумаги «козью ножку», насыпали ее просушенной махоркой и курили! После долгого перерыва мы чувствовали себя, как пьяные, и у нас кружилась даже голова.

Впрочем, по окончании работ в большом доме, после ужина, мы сидели в своей усадьбе, занимались различными мелкими работами, делились своими планами, надеждами и делали различные предположения. Должен упомянуть об одном странном обстоятельстве, рисующем наше душевное состояние по прибытии на мыс Флора.

В тот момент, когда я увидел надписи Седова и две банки с почтой[61], привешенные над домом, у меня мелькнула мысль, что в этом году должно прийти судно из Архангельска за экспедицией Седова. Эта догадка с течением времени превратилась почему-то в твердую уверенность. Ждал я это судно в августе месяце.

Конечно, могло случиться, что ожидаемому судну не удастся пробиться в этом году к мысу Флора, вследствие большого скопления льда, который, безусловно, должен быть где-нибудь южнее этого мыса.

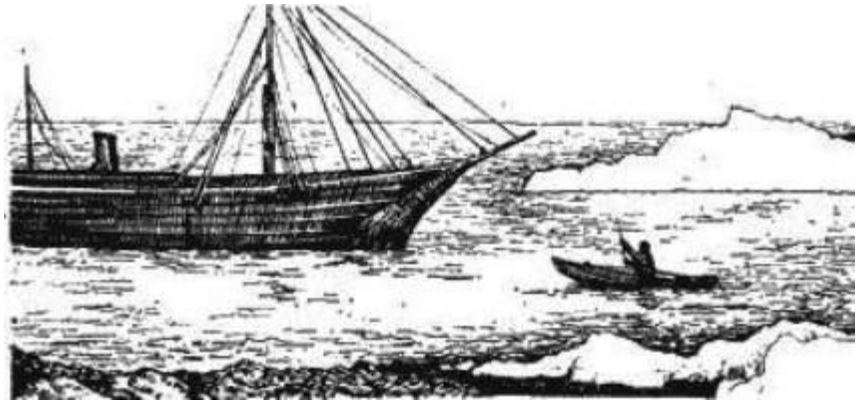
Только в таком случае приход судна мог быть отсрочен до будущего года. Это я допускал. На этот несчастный случай мы готовились к зимовке: собирали провизию, устраивали большой дом, готовили одежду. Но мы видели свободное ото льда море от мыса Мэри Хармсуорт и далее на восток от мыса Флора на протяжении около 90 миль, и я полагал, что в этом году вообще не следует ожидать большого скопления льда южнее. Вероятнее всего, что судну удастся пробиться к мысу Флора. Уверенность моя в этом была так велика, что я до прихода судна не вскрыл банок с почтой, которые были привязаны проволокой над большим домом.

Из писем, помещенных в них, я много узнал бы очень интересного для меня, и я уверен, что всякий на моем месте

первым делом открыл бы эти банки. Теперь, когда я оглядываюсь назад, мне самому кажется странной моя уверенность в ожидаемом приходе судна. Мне странно и самому теперь, почему я не открыл эти банки с почтой, которые для того и повешены, чтобы их открыли и прочли письма? Но тогда я спокойно проходил мимо них десятки раз в день и даже не обращал на них внимания. И очень, может быть, хорошо сделал, что не прочел содержимого банок. Многое узнал бы я из этих писем неожиданного для меня, что дало бы совершенно другое направление нашим планам и деятельности и, кто знает, может быть, сделали бы такой шаг, который мог быть для нас опасным.

Но так или иначе, мы спокойно ждали, а почта висела на своем месте. Работа по очистке дома приближалась к концу: оставалось только выбросить несколько десятков лопат льда и мусора, начать топить печи для просушки помещения и вымыть его.

Судно пришло!



20 июля(2 августа), около 6 часов вечера, я окончил работу в доме и отправился готовить ужин. Конрад еще остался на работе, желая во чтобы то ни стало сегодня закончить очистку дома. Остановившись на площадке перед домом передохнуть после усиленной работы в душном, затхлом помещении и подышать свежим воздухом, я смотрел совершенно бесцельно на море. Погода была тихая и теплая. Над морем повис туман, и горизонт был небольшой.

Как всегда, мимо острова медленно двигались льды, гонимые отливным течением как всегда, на этих льдинах дремали моржи, и вид их неподвижных туш направил мою мысль на необходимость как можно скорее исправить винтовку. Этим соображением я поделился с Конрадом через открытую дверь.

От моржей я бесцельно перевел свой взгляд левее и вдруг увидел то, что на несколько секунд лишило меня языка. Я явственно увидел две мачты: передняя высокая, со стеньгой и бочкой на ней, а задняя короче и без стеньги. Между мачтами из тумана была видна только верхняя половина трубы, из которой шел легкий, чуть видный дымок. Корпус судна очень слабо чернел сквозь туман. До судна было не более полутора или двух миль. Я, не меняя позы, остолбенев от неожиданности, смотрел на судно и не верил своим глазам.

Когда ко мне вернулся дар слова, я диким голосом закричал Александру: «Судно, судно идет!» В следующий момент я уже узнал «Св. мученика Фоку», которого раньше видел в Архангельске. Это судно должно было отвезти экспедицию Седова. Я продолжал кричать: «Александр, «Фока» идет! «Фока»

идет!» Но в то же время эти слова мне самому казались нелепостью, до такой степени появление судна теперь было невероятно. Но, однако, я видел его своими глазами и продолжал кричать до тех пор, пока Конрад, с испуганным лицом не выскочил из дома. Он испугался, не сошел ли я с ума, и первым делом внимательно посмотрел на меня. Но я указал ему на судно, еще видное сквозь туман. Оно остановилось на месте, как бы в нерешимости, по-видимому, стараясь ориентироваться и выбирая между льдами боле свободный ход. «Фока» медленно, чуть заметно, продвигался вперед, но намерение его подойти к мысу Флора было очевидно. Да и куда ему было идти иначе? Конечно, он шел за экспедицией Седова, которую в прошлом году доставил на этот мыс Флора. Через минуту мы уже были на крыше большого дома, где на высоком флагштоке подняли свой флаг, принесенный со «Св. Анны», и стреляли, стреляли, стреляли… Помню, что сгоряча я взвел оба курка, выстрелил из обоих стволов одновременно, «с руки» вертикально вверх, и при этом при отдаче повредил себе указательный палец правой руки, но даже не почувствовал боли и продолжал стрелять.

Меня могут спросить, почему мы так волновались, если были уверены, что судно должно было прийти. Дело в том, что мы ждали прихода судна из Архангельска в августе месяце, в наиболее благоприятное время для плавания в этих местах, а «Фоку» мы увидели 20 июля(2 августа) совершенно неожиданно для нас. Но я полагаю, что в нашем положении мы должны были радоваться пароходу, пришедшему даже точно «по расписанию». Так радовался Джексон приходу ожидаемого «Виндварда», так радовался приходу этого судна Нансен, наконец, так радуются каждый год новоземельские колонисты пассажирскому пароходу, приходящему к ним ежегодно два раза. Не надо забывать, что мы два года были отрезаны от всего мира, от всего человечества! На этом судне, приостановившемся в тумане, мы должны были вернуться в этот мир, к себе «домой»!

На наши сигналы и выстрелы с судна нам ничего не ответили: должно быть, там не слыхали наших выстрелов. Туман стал гуще, и судно совсем закрыло. Но оно подойдет своевременно, никуда не денется. Взволнованные, мы побежали готовиться к свиданию с незнакомыми людьми. Не хотелось явиться к ним в том виде, в каком мы были на работе: грязные и в одном парусиновом платье. Уже несколько дней на камнях сушилась наша одежда, которая перед этим была выварена в трех водах с золою. Теперь только нужно было счистить с нее трупы «бекасов», хорошенько умыться с кусочками мыла, найденными в доме, переодеться, — и мы приняли совсем приличный вид. Даже

сапоги помазали «для виду» жиром. Пошли на берег ожидать появление судна, чтобы плыть к нему навстречу на каяке. Вот уже слышны отрывистые фразы, отдельные слова и лай собак… Наконец показалась сквозь туман неясная темная масса… Я сел в каяк и поплыл навстречу. Там также заметили меня. Я снял шапку и помахал ею, приветствуя прибывших. Все столпились около борта и на мостике, с любопытством разглядывая незнакомого человека, и тоже замахали шапками и закричали «ура». Лица были радостные, возбужденные.

Меня несколько смутил такой сердечный прием. Мелькнула мысль, что прибывшие принимают меня за Седова, или за одного из его спутников; надо скорее их вывести из заблуждения и я закричал:

— Господа, на мысе Флора экспедиции Седова еще нет!

Это разоблачение, по-видимому, никого не поразило.

— Я, штурман экспедиции лейтенанта Брусилова, покинул «Св. Анну» три месяца тому назад и прибыл на мыс Флора.

В ответ послышались возгласы удивления, после чего еще громче пронеслось «ура», к которому примкнул и я.

— Нет ли у вас писем для «Св. Анны»? — почему-то спросил я.

Только теперь я узнал, что «Св. мученик Фока» пришел не из Архангельска, а с острова Гукера, где зимовал. Этот остров находился от мыса Флора на NO в 45 милях. Узнал я, что Георгий Яковлевич Седов умер на пути к полюсу и похоронен на Земле кронпринца Рудольфа. Прибывшие тоже два года уже не имеют никаких вестей с обитаемой земли.

В самый разгар этих переговоров, когда и «Фока» и я продолжали медленно двигаться вперед, вдруг раздались крики, предостерегающие меня:

— Берегитесь, морж сзади. Подходите к борту! — и с судна загремели выстрелы. Я оглянулся и увидел одного из старых наших врагов, плывущего ко мне, но морж сейчас же скрылся в воду.

Но вот «Фока» стал на якорь, и я поднялся на палубу.

Сейчас же мы все познакомились и перецеловались.

Приняли меня эти люди очень сердечно. Начался обмен новостями. Наших выстрелов, как я и ожидал, на «Фоке» не слыхали и о присутствии людей на острове не подозревали до тех пор, пока не увидели меня, плывущего на каяке.

В прошлом году, еще с зимовки на Новой Земле, Седов дал знать в Петербург, что «Св. мученик Фока» нуждается в угле и просит доставить его, если это будет возможно. Увидев меня, прибывшие первым делом и подумали, что судну с углем удалось

добраться до мыса Флора и что оно стоит где-нибудь за западной оконечностью острова. Меня же они приняли за капитана или штурмана этого судна.

На «Фоке» совершенно не было топлива. Для перехода от острова Гукера пришлось ломать на топливо самое судно: настилку второй палубы, стеньгу и пр. Пошли в топку даже убитые около острова Нортбрук моржи. Один из них и сейчас лежал на палубе «Фоки», ожидая очереди отправиться в топку.

Когда я увидел «Фоку» час тому назад, он, действительно, стоял на месте, так как пар в котле окончательно сел, и чтобы его немного поднять, пришлось сжечь еще кое-что из деревянных частей судна. «Фока» пришел к мысу Флора разобрать на топливо большой дом Джексона, который мы готовили для своей зимовки, и амбар, в котором мы нашли провизию. Надеялись, что этих дров хватит хотя бы для того, чтобы пробиться сквозь полосу льда, до свободного океана, когда можно будет идти под одними парусами.

Узнав о пропаже моих спутников, прибывшие выразили живое участие и решили сходить к мысу Гранта, когда окончена будет погрузка дров на судно.

Скоро перевезли с берега Конрада и нас пригласили в салон ужинать.

Кают-компания состояла из следующих лиц: исполняющий обязанности начальника экспедиции ветеринарный врач П. Г. Кушаков[62],командир судна штурман Н. М. Сахаров, метеоролог-географ экспедиции В. Ю. Визе, геолог М. А. Павлов и художник Н. В. Пинегин. Все были в высшей степени милые, приветливые люди и гостеприимные хозяева. Ужин, которым нас угостили на «Фоке», был великолепен: тут был «настоящий» мягкий хлеб, свежие яйца, консервы и жаркое из «зайца», перед которым в честь встречи было выпито по рюмке водки. После ужина был чай с молоком и настоящим сахаром и бисквиты. Гостеприимные хозяева то и дело угощали нас то тем, то другим, причем разговоры, рассказы и новости не прекращались ни на минуту. В кают-компании стояло хорошее пианино, на котором артистически играл В. Ю. Визе. Тут же был граммофон с громадным выбором пластинок.

Первым долгом после ужина я попросил дать мне и моему спутнику возможность хорошенько помыться и переодеться, так как хотя наша одежда и была вымыта, но все же я опасался во время ужина, что в разгар разговора у меня по рукаву поползет одно из тех насекомых, которых мы называли «бекасами». П. Г. Кушаков дал мне тужурку и брюки, другой белье, третий носки, и, таким образом, по пословице «С миру по нитке — голому рубаха»,

скоро у нас с Конрадом набрался полный гардероб. Отвели нас в машинное отделение, где мы основательно вымылись, остриглись и переоделись. Право, мы почувствовали себя гораздо легче после этого.

Удивительное чувство испытывал я теперь, так неожиданно очутившись опять в привычной судовой обстановке. Пусть это судно сейчас и находится почти в бедственном положении и нуждается в топливе, но все же я слышу шум в машинном отделении, шипение пара и временами шум работающей паровой донки. Кругом голоса людей и все разговоры вертятся около предполагаемого скорого плавания к обитаемой земле. Вечером, позже, г. Кушаков ознакомил меня подробно с историей экспедиции Седова, причем показал весь путь ее на карте.

Узнал я, что действительно во время стоянки «Фоки» у острова Гукера зимой несколько человек из экспедиции, во главе с В. Ю. Визе, приходили на мыс Флора и оставили здесь почту. Визе жил несколько дней в том маленьком домике, где жили мы с Конрадом. Вот почему этот домик сохранил еще следы недавнего пребывания людей[63], В. Ю. Визе зимой же был и на острове Белль. Пришлось мне узнать при этом такую новость, которую не мешало бы знать мне несколько ранее, когда я был на острове Белль.

Оказывается, что на северо-западном берегу острова, очень недалеко от того места, куда уходили мы искать гнезда гаг и смотреть, что такое представляет из себя «гавань Эйра», стоит и сейчас дом, построенный лет сорок тому назад Ли-Смитом[64]. Дом этот хорошо сохранился, годен для жилья, и там даже имеется небольшой склад провизии. Недалеко от дома лежит хороший бот, в полном порядке.

Когда мы ходили на северный берег острова, то не дошли до этого домика, может быть, каких-нибудь 200 или 300 шагов.

Тяжело сознавать, что сделай мы тогда лишние эти 200 или 300 шагов и возможно, что сейчас бы сидели на «Фоке» не вдвоем с Конрадом, а все четверо. Не спас бы, конечно, этот домик Нильсена, который в то время слишком уже был плох, но Луняев и Шпаковский, пожалуй, были бы живы. Уж одна находка домика с провизией и ботом сильно подняла бы дух у ослабевших людей. Пожив дня три на острове Белль в этом домике, мы, конечно, отправились бы далее не на каяках, а на боте, все вчетвером, имея достаточно провизии и даже зная, где находится экспедиция Седова, так как В. Ю. Визе оставил в этом домике записку. Не попали бы мы тогда и в ту бурную погоду, которая унесла нас в море и которая была гибельна для Луняева и Шпаковского. Тяжело сознавать все это… но и бесполезно, так как не вернуть

прошлого не воскресить погибших. Очень удивились прибывшие на «Фоке», что я не прочел их писем, повешенных в банках около дома на мысе Флора, и спросили у меня, почему я так поступил, но я и сам не мог объяснить этого. Пришло, правда, мне в голову следующее соображение. Из писем я узнал бы, что «Фока» зимует у острова Гукера в 45 милях от мыса Флора. Что бы я сделал тогда? Конечно, мы отправились бы с Конрадом туда, так как побоялись бы, что «Фока» оттуда пойдет прямо в море, без захода на мыс Флора. Пошли бы мы на каяке, так как бот, который мы нашли на мысе Флора, был слишком тяжел для двух человек в особенности там, где можно было ожидать встречи со льдом, пошли бы мы не ранее 18 или 19 июля, то есть тогда, когда я оправился от своей болезни настолько, что мог плыть на каяке. Путь мы выбрали бы, конечно, по западную сторону острова Нортбрук, то есть проливом Мирса, так как здесь мы видели свободную воду, а восточный проход был для нас незнаком и, кроме того, он казался слишком открытым для плавания на каяке.

«Фока» же пришел именно этим восточным проходом 20 июля, так что мы с ним разошлись бы дорогой. Придя к острову Гукера и не застав там судна, мы должны были плыть на мыс Флора обратно и сделать таким образом два конца 90 миль, то есть такой же путь, как от мыса Мэри Хармсуорт до мыса Флора. Путь этот достаточно велик и полон всевозможных случайностей для людей, плывущих на каяке, не говоря уже про то, что за это время нашего путешествия «Фока» мог бы уйти дальше в море.

На другой день с утра мы все принялись за разборку дома и амбара и перевозку леса на судно. Работа эта заняла несколько дней, так как погоды были все время ветреные и сильно задерживали погрузку.

Провизию, собранную нами и сложенную в кладовую при большом доме, пришлось перенести в маленький домик, в котором мы жили. Из запасов «Фоки» туда же добавили еще консервов, сухарей, кое-какой провизии, 500 штук патронов, две винтовки, палатку и прочие необходимые вещи, которые нам самим когда-то хотелось иметь и которые, конечно, пригодятся вольным или невольным Робинзонам, которым суждено в будущем очутиться на мысе Флора, — этой спасательной станции полярных стран.

Нельзя сказать, что на «Фоке» все чувствовали себя очень уверенно, в полной безопасности. Малый запас топлива и неизбежная при этом встреча со льдом многих смущала. Не доверяли уже и старику «Фоке», который сильно тек. Отливать воду приходилось ручной помпой регулярно два раза в день всем личным составом и каждый раз часа по три не менее. Все

невольно вздыхали: «Эх, только бы добраться благополучно до дома».

23 июля(5 августа) сильная зыбь при SSW ветре заставила «Фоку» сняться с якоря и перейти в бухту Гюнтер (На современных картах называется — залив Гунтера, на северном берегу о. Нортбрук.), по северную сторону острова. На мысе Флора оказалось два совершенно одинаковых бота — другой лежал дальше на запад, и его было решено взять с собой на «Фоку» на случай, если судно затрет во льдах и дальше придется спасаться на ботах.

Пятница, 25 июля(7 августа). Ну, вот, наконец дождались мы желанной минуты, наконец-то мы находимся на движущемся судне, слышим мерный стук винта и шипение пара. На острове, в запаянных банках, мы оставили две записки: одну от Кушакова, а другую от меня, в которой я описываю судьбу экспедиции лейтенанта Брусилова.

Вот содержание этой записки:

«Штурман паровой шхуны «Св. Анна» В. И. Альбанов и матрос А. Конрад отправляются с мыса Флора на паровой шхуне «Св. мученик Фока» экспедиции старшего лейтенанта Седова.

История экспедиции лейтенанта Брусилова такова: в октябре 1912 года шхуна «Св. Анна» была затерта льдами в Карском море и прижата к Ямалу на широте 71°45′, где и простояла полмесяца. SO-вым ветром шхуна, с окружающим льдом, была оторвана от берега и стала дрейфовать на север. Дрейф этот продолжался до 10 апреля 1914 года, когда штурман Альбанов с 13 матросами покинули шхуну на широте 82°55,5' и долготе 60°45′ О-вой, чтобы пешком достигнуть обитаемой земли. Продолжать дрейф на шхуне осталось всего, считая с командиром Брусиловым, 10 человек, и провизии у них должно было хватить еще на полтора года. Через два дня со шхуны было получено сообщение, что ее место: широта 83°18′ N-ая и долгота 60° О-ая. В расстоянии около 40 верст от судна матросы Пономарев, Шабатура и Шахнин повернули обратно на судно вследствие утомления, а Альбанов продолжал путь на юг с десятью человеками, фамилии которых следующие: Максимов, Луняев, Архиреев, Шпаковский, Баев, Губанов, Конрад, Нильсен, Смиренников и Регальд. 3 мая матрос Баев, уйдя на разведку, обратно не вернулся, и, несмотря на поиски в течение трех суток, найден не был. 9 июня идущими была усмотрена земля на SO, куда и направились. Высадиться на эту землю, которая оказалась ледником Уорчестер на Земле Александры, удалось только 26 июня. 29 июня прибыли на южный берег мыса Мэри Хармсуорт, где увидели свободное ото льда море. Так как на 10 человек осталось только два каяка,

могущих поднять только пять человек, то решено было разделиться на две партии, из которых одна пошла на двух каяках, а другая партия пошла на лыжах вдоль берега по острову. Береговая партия, соединившись с плывущими на мысе Ниль, сообщила, что в пути умер матрос Архиреев, который все последнее время был нездоров. Совершенно не имея провизии и затрудняясь добывать ее, решено было каякам двигаться быстрее и постараться достигнуть скорее мыса Флоры. Придя на мыс Гранта, где было назначено свидание с идущими пешком, и прождав их напрасно больше суток, каяки пошли к острову Белль, куда и прибыли 5 июля. Дорогой заболел, а в ночь на 6 июля умер матрос Нильсен, который был похоронен на острове Белль. 7 июля оба каяка направились к мысу Флора. На первом пошли штурман Альбанов и матрос Конрад, а на втором — матрос Луняев и Шпаковский. На полпути поднялся сильный ветер от N, против которого каяки выгребать не могли, и их понесло в море. Первый каяк успел прихватиться за большую плавучую льдину, другой же каяк скоро скрылся из виду. Зыбь была крупная, и помочь каяку было нельзя.

8 июля, при затихающем ветре, первому каяку удалось подойти опять к острову Белль, где он простоял до утра 9 июля. Не дождавшись пропавшего каяка и не видя даже его, решено было идти на мыс Флора, где и высадились того же 9 июля. 15 июля Конрад на каяке отправился на мыс Гранта, но не на нашел там партии, идущей пешком, и 18-го утром вернулся обратно на мыс Флора. 20 июля к мысу Флора подошла шхуна «Св. мученик Фока», и члены экспедиции Седова, узнав историю пропажи людей экспедиции лейтенанта Брусилова, выразили согласие идти на шхуне на поиски пропавших, как только удастся погрузить на судно дрова. На мысе Флора и на мысе Гранта будут оставлены склады провизии и других необходимых предметов.

Штурман дальнего плавания Валериан Иванович Альбанов 25 июля 1914 г. мыс Флора»[65].

Домой!

Около 9 часов вечера мы снялись с якоря и пошли, нет, не пошли, а поползли к острову Белль, рассчитывая посмотреть сначала, нет ли пропавших моих спутников в гавани Эйра. «Фока» не идет, а торжественно «шествует» со скоростью 2,5 или 3 мили в час. Это «шествие» — свойство всех почтенных полярных ветеранов, которым торопиться некуда и не с кем конкурировать, и надо думать не о быстроте хода, а об экономии в топливе. Старик «Фока» сейчас имеет топлива дня на три, на четыре, и с этим запасом ему надо постараться уйти как можно дальше. Хорошо будет, если мы встретим поменьше льда и побольше попутных ветров. Но будем надеяться на лучшее, худшее само придет.

Воскресенье, 27 июля(9 августа). Вчера не нашел времени записать в дневник, так как теперь, я тоже стою вахту, а остальное время так незаметно проходит, что едва остается времени для сна. В 2 часа ночи мы подошли к северо-западному берегу острова Белль и увидели домик Ли-Смита. Положительно не могу себе представить, как не заметили мы этого домика раньше. Он стоит на низком открытом месте и очень приметный. Мы были восточнее его; сюда не пошли, так как здесь все было занесено еще снегом. Дом, насколько удалось рассмотреть в бинокль, очень хорошо сохранился. Сделан из досок, и, по-видимому, легкой постройки, так как со всех сторон его поддерживают какие-то тяги[66]. На берегу хорошо виден и бот, перевернутый вверх килем.

Да, не судьба была нам найти этот домик с провизией и ботом 19 дней тому назад. Возможно, что мы не хотели сюда идти

и потому, что пролив этот тогда еще стоял и низкий берег казался береговым припаем. Впрочем, мало ли почему не пошли мы сюда; просто не знал о существовании этого домика, а каждый уголок обойти мы не могли. Никаких следов пребывания людей на чистом снегу заметно не было. На всякий случай стали звать свистки, а через четверть часа пошли далее к мысу Гранта.

К этому мысу подойти не удалось, так как вдоль всего берега нанесло много льду, который стоял плотной полосой шириною около четырех миль. Пробиваться в этом льду ближе к мысу на «Фоке», с ограниченным запасом топлива, было рискованно. Решили повернуть в море. Если бы кто-нибудь был на мысе Гранта, то, конечно, услыхал бы свистки и увидел бы судно. Но ни одной похожей на человека фигуры мы не могли рассмотреть ни на мысе, ни на льду, отделяющем его от нас[67]. Повернули и пошли на S. Сначала шли мы под парусами, а потом пустили и машину; часов около 12 дня острова Земли Франца-Иосифа стали скрываться из виду. Прощай, мыс Флора!

Льда не видели целые сутки. Сегодня около 3 часов ночи мы увидели-таки лед, который стал нас мало-помалу отжимать к W. Правда, этот лед был не сплоченный, но все же идти в нем одними парусами трудно. Температура воды понизилась. В полдень наша широта равна 78°23′. Это хорошо. Дров еще осталось на полтора суток, и потому сегодня к вечеру воспользовались попутным ветром, остановили машину и пошли только парусами, под которыми «Фока» идет очень хорошо, несмотря на то, что теперь он совершенно пустой. Идем, лавируя между льдинами в среднем на SW истинный. Днем, проходя мимо большого ледяного поля, видели на нем медведицу с двумя медвежатами. Дали свисток, медведи так проворно пустились наутек, что скоро скрылись из виду. На «Фоке» есть четыре живых медвежонка, из которых трем пошел уже второй год. Самая большая из них медведица «Полынья», или «Полыха», имеет очень серьезный вид. Все они совершенно ручные, и если сидят на цепи, то только потому, что любят безобразничать и воровать все, что только попадется. К людям они относятся очень миролюбиво, с собаками играют, а когда повздорят, то попадает больше медведям, чем собакам. При всяких «недоразумениях» между медведями Пинегин очень смело бросается с плетью водворять порядок. Плеть эта называется «самоучитель».

Понедельник, 28 июля(10 августа). До четырех часов шли в тумане под парусами, лавируя между льдинами, придерживаясь в среднем курса на S истинный.

При одном повороте нас навалило на большое поле и отойти от него мы не могли, да мы не особенно и спорили, решив

переждать, когда туман немного рассеется. В 9 часов 30 минут пошли далее под парами и парусами. Лед разреженный и легко проходимый: нам даже не приходится пробиваться, а только лавировать от WNW до SO. После двух часов фарватер стал еще лучше и образовался широкий канал с общим направлением на SSO.

Этим каналом мы и направились, работая и машиной и парусами при О-вом ветре. Близмеридиональная высота солнца дала широту 77°48′. Полагаем, что если бы удалось набрать дров еще хотя на полтора суток, то, может быть, и удалось бы проскочить ледяную область. Но, к сожалению, дров осталось только часа на полтора хода. Сейчас идет усиленная ломка переборок в помещениях. «Фока» и без того пришел к мысу Флора достаточно ободранным, теперь же доламывается все остальное, где только можно, без особенного ущерба для прочности судна. Не остается ни одной каюты, ни одной внутренней переборки. Спать будем на полу все в ряд. В. Ю. Визе усиленно уговаривает отправить в топку пианино, но пока до этого дело еще не дошло. О форстеньге и утлегаре подумываем. Делать нечего, надо же так или иначе выходить изо льда.

Вторник, 29 июля(11 августа). Приехали… Стоим во льду. Вчера, 11 часов вечера, лед стал настолько густ, что пробиваться с машиной даже стало трудно, в особенности принимая во внимание наш скудный запас дров. Пришлось встать у льдины на ледяной якорь и «ждать у моря погодушки».

Сейчас десять часов утра, из бочки видны полыньи, и между ними большие перемычки. С юга со вчерашнего дня слышен какой-то шум, похожий на шум прибоя, но, по всей вероятности, это шуршит передвигающийся лед.

Вечером, в 1 час дня мы пошли под парами, лавируя между льдами, сначала узкими каналами, но потом каналы стали все шире и многочисленнее. Одно время мы даже шли почти свободной водой между редкими льдинами, но к 6 часам вечера, когда накрыл туман, мы оказались окруженными льдом. Правда, вскоре опять открылся проход на S, но сегодня мы уже не пошли, так как туман очень густой и тратить наше последнее топливо на поиски проходов, чуть ли не ощупью, рискованно. Закрепились за льдину ледяным якорем и остановились на ночлег. Боже мой, если бы кто-нибудь видел, какой хаос царит у нас в помещении! Все разорено, обшивка и койки сожжены, спим мы вповалку на палубе на матрацах между ящиками и неубранными еще досками.

Четверг, 31 июля(13 августа). Вчера весь день простояли во льду, вследствие густого тумана, не желая напрасно расходовать дрова. Спустили форстеньгу, убрали утлегарь и блиндогафеля и

пилим их на дрова. Вытаскиваются из трюма на топливо все лишние паруса, тросы, блоки, матрацы и прочий инвентарь, без которого можно сейчас обойтись. Весь этот горючий материал складывается в угольные ямы и бережется для того момента, когда можно будет рискнуть всей этой «ставкой» и сыграть «ва-банк». Поговариваем о разборке всего кормового помещения, находящегося в «кожухах», но пока до него еще очередь не дошла. Если придется разобрать эти «кожуха», то предполагаем поместиться над машиной. Сильная течь «Фоки» осложняет вопрос о дальнейшем плавании. Каждый день по два раза качаем воду всем составом часа по три. Прибыль воды до 50 дюймов. Откачиваем вручную, не желая расходовать дорогое для нас топливо. Плоховат стал «Фока»! Трудно себе представить, до какой степени заезжено это, не так еще давно хорошее, крепкое судно, известное по всему северу[68]. Ряд последних владельцев его, к которым попадало оно какими-то необычайными путями, старались выжать из этого судна все, что только можно, не давая ему ничего, т. е. отделываясь жалкими подобиями ремонта. Печальная судьба постигла это судно в России, где из него сделали поистине «мученика Фоку». Когда я начинаю мысленно сравнивать «Фоку» со «Св. Анной», то вижу, что сравнивать их никак нельзя. Хотя «Св. Анна» еще старше «Фоки», года на три, но она сравнительно так сохранилась, что ей трудно дать больше 20 лет, как бы усердно не искать изъянов в ее шпангоутах, бимсах, кницах и обшивках.

Вчера к вечеру погода стала меняться: туман стал реже, и подул N ветер, обещающий посвежеть. Лед, а с ним и нас, понесло на S. Лед здесь не сплоченный и все время в движении. Ночью ветер посвежел, а к утру и туман рассеялся.

В 5 часов 30 минут утра снялись и пошли под парусами на S. Льдины разносит, и фарватер с каждым часом становится все шире. Начали не на шутку поговаривать о скором выходе изо льда в свободное море. Ход хороший, мили 4–5. Пара пока не поднимаем, так как бережем топливо до крайней необходимости. После полдня ход увеличился до 6 миль но, увы, ненадолго. В 3 часа мы очутились перед сплошным льдом, и прохода нигде не видно. Кругом не толстый, годовалый лед, местами сильно запачканный землей и песком. Убрали паруса и стали ждать. Ветер N, баллов 5.

Среда, 6(19) августа. Пять дней не открывал своего дневника. Противно было даже писать. Причина тому — наша продолжительная остановка в то время, когда мы уже поговаривали о выходе из льда в свободное море. Кругом мы были окружены громадными ледяными полями, и похоже было,

что никогда эти поля не разойдутся. «Пейзаж» вполне зимний. Положение казалось до такой степени безнадежным, что начали понемногу готовиться продолжать путешествие к Новой Земле по льду, вроде моего, с той только разницей, что тащить собирались не каяки, а громадный карбас. Провизия для этого путешествия была уже давно приготовлена. Оставаться жить на судне нечего было и думать. Все помещение поломано и для зимовки абсолютно не годилось. Провизии на «Фоке» тоже оставалось немного. Таким образом, выбора у нас не было: если не удастся выбраться изо льда с судном, то надо уходить пешком к Новой Земле. Решено было только выждать еще несколько дней, поломать на дрова все остальное и идти на этих дровах, пока их не сожжем, после чего «пожалуйте на лед и готовьте ноги».

К сожалению, эти ноги имелись не у всей команды. Между командой есть два человека, которые буквально не владеют ногами и передвигаются на «четвереньках», так как сами они здоровы и целый день ползают по палубе, а один из них даже исполняет обязанности кочегара и машиниста. Это жертвы полярной зимовки. Хворают они давно и болезнь их уже потеряла острый характер. Какая это болезнь, никто не знает[69], но во всяком случае скверная, и если эти два человека когда-нибудь будут ходить, как ходят все люди, то есть на двух ногах, без помощи рук, то они должны очень благодарить бога.

Но вот 4(17) августа подул NW ветер, погода стала холодная, еще более зимняя, но зато лед пришел в движение. Вчера к вечеру начали появляться полыньи и открылся канал на S. В том же направлении было видно «водяное небо», а с мачты можно, было рассмотреть даже и самую воду. Капитан судна Н. М. Сахаров почти не слезает с мачты, ища воду и соображая, как удобнее добраться до нее. Сейчас же начали поднимать пары, а в 12 часов 10 минут ночи мы снялись и пошли на S под парами и парусами. Скоро миновали ненавистные нам большие ледяные поля, преграждавшие нам дорогу и продержавшие нас в плену столько времени, и мы пошли, лавируя между разреженными мелкими льдинами. Так шли целый день. В топку пошло все, что только можно: разломали полубак, уменьшили еще наши и без того уже поломанные фальшборты, спилили два огромных бимса второй палубы и даже отправили в топку найденную в трюме бочку смолы. Но несмотря на все эти жертвы, топлива хватило только до 9 часов вечера. Пар стал садиться, машина стала «побалтывать» менее энергично и наконец встала… Больше пару нет. Слабый ветерок чуть-чуть двигал нас на S, но вот и он затих…

Но недалеко уже чистое море! Мы уже видим впереди

мелкий, сильно разреженный лед и даже, о, какое счастье, мы уже ощущаем чуть заметную пологую зыбь моря! Бушприт медленно, плавно начинает подыматься и опускаться. О, это верный признак свободного моря, он не обманет!

Кругом, между льдинами, начали показываться крупные «морские зайцы» целыми стадами. Они высоко высовываются из воды и с любопытством поглядывают на «Фоку». А плавают около судна глупыши, не желая ни за что отстать от нас, и важно покачиваются на легкой зыби.

Четверг, 7(20) августа. Ночью совершенно заштилило, но утром потянул слабый NO ветерок. Он чуть-чуть надувал наши паруса, и мы весь день шли со скоростью не больше мили в час. Близмеридиональная высота солнца дала широту 75°16′. В 3 часа взяты еще высоты солнца и определена долгота 46°45′ О. Лед становился все реже и реже. Погода солнечная, теплая, но горизонт закрыт мглой. В 4 часа дня, или около того, мы вышли наконец из области льда в свободный океан. Великий для нас всех момент! Два года я видел вокруг себя лед и, если и было время, когда я видел перед собой на юге чистую воду, то все же за этой водой, близко ли, далеко, ли, но где-то была ледяная преграда, отделявшая меня от мира, от людей! Виденное мною с Земли Франца-Иосифа большое пространство воды была та же клетка, но только больших размеров. Но теперь перед нами расстилалась далеко на юг блестящая, чуть рябившая поверхность моря, на этот раз уже вплоть до берегов Мурмана, до берегов России. Вода была красивого синего цвета, характерного для Гольфстрима. Мы вышли на широкую дорогу и решили воспользоваться ею несколько иначе, чем предполагали ранее. Дали мы прощальный салют из наших зверобойных пушек оставшимся сзади полярным льдам и взяли курс на Св. Нос, хотя раньше предполагали идти вдоль Новой Земли. Конечно, последнее было бы более благоразумно, в особенности принимая во внимание сильно потрепанный вид «Св. мученика Фоки» и его сильную течь. Идя вдоль берегов Новой Земли, мы могли получить достаточно плавника для топлива и, в случае слишком бурной погоды, могли укрыться в какую-нибудь бухту. Идя же прямо на Св. Нос, нам предстоял путь в 420 миль совершенно открытым океаном. При этом мы должны были совершить этот путь на парусах, на судне, совершенно порожнем и имеющим только незначительную часть своей нормальной парусности, следовательно, не обладающем всеми хорошими качествами парусного судна. Но сократить свой путь более чем на 200 миль было так соблазнительно, что решили рискнуть и идти прямо к Мурманскому берегу. Команда была освобождена от руля, и она

должна была все время, повахтенно, качать воду. На руле стояли капитан судна Сахаров, художник Пинегин и я.

Весь день сегодня «ветерочек чуть-чуть дышит», он едва только шевелит парусами. Даже на руле стоять все время нет надобности. Но это маловетрие не должно тревожить нас. В этих местах и в это время года надо скорее опасаться обратного.

Пятница, 8(21) августа. Хотя ветерок был и слабый, но все же мы подвигались понемногу вперед и рассчитывали, что еще утром перешли 75-ю параллель. Каково же было наше разочарование, когда полуденная высота солнца дала широту 75°16′, то есть точно ту же, какая была и вчера в полдень. Горизонт сегодня был хороший, так что сомневаться в высоте солнца нельзя. Безусловно, в этом неприятном для нас казусе виновата ветка течения Гольфстрима, скорость которой мы не могли пересилить при слабом ветре. Утром температура воды была -0,2 °С, в полдень +2 °С, а сегодня вечером даже +3,4 °С. Льда уже не встречаем. Ветер утром был NO, но потом перешел на O. Ходит зыбь и нас целый день покачивает. После полудня наши дела в смысле хода поправились, а вечером мы уже шли около 5 миль в час. Хорошо, если бы и дальше так продолжалось. Я держал с Визе пари: если мы откроем Мурманский берег до 15(28) августа, то я выигрываю, если 15 августа и позже, то выигрывает Визе. Уже несколько дней, как мы не видим больше полуночного солнца, а сегодня около 12 часов ночи в помещении стало так темно, что пришлось зажечь свечи. Завтра, пожалуй, и в нактоузе компаса придется зажигать огонь. Одним словом, мы в этот день подвинулись на юг; это заметно. Покачивает, и больше всех от этого страдают П. Г. Кушаков и М. А. Павлов. Они все время лежат.

Воскресенье, 10(23) августа. Вчера с утра мы шли хорошо — не менее 5 миль в час. Рассчитывали бог знает как далеко уйти, но увы, опять пришлось разочароваться. Полуденная высота вчера дала широту 74°18′, то-есть за сутки хода мы не прошли и градуса. Пожалуй придется проиграть пари. Безусловно, встречное течение сильно задерживает наш ход. Сегодня температура воды + 5,8 °С.

Так или иначе, но мы очень медленно подвигались вперед. Ветра все время были неблагоприятные, крепких попутных совсем не было, а сильное течение задерживало ход. Срок, назначенный мною для открытия берега, прошел, и я проиграл пари В. Ю. Визе.

16(29) августа, около 5 часов вечера, я был на вахте и стоял на руле. Слабый O ветер едва надувал паруса, и мы шли со скоростью около 2 миль в час.

Погода теплая. Трудно поверить, что еще так недавно мы

были зажаты сплошным льдом и собирались даже покинуть судно, чтобы пешком и на карбасе идти к Новой Земле.

Теперь мы уже подходили к Мурманскому берегу и с минуты на минуту ожидали, что ветром немного «раскинет» на горизонте мглу, и он предстанет недалеко перед нами. Внимательно вглядывался я в мглистый горизонт, стараясь первый увидеть этот желанный берег или какое-нибудь проходящее мимо судно, так как теперь мы находились на самой «большой дороге», ведущей из России за границу.

На мостике мне скучно не было: поминутно то один, то другой выходил наверх и смотрел в бинокль вперед; все интересовались, все ожидали берег.

Вдруг мне показалось, что впереди, сквозь повисшую мглу, обрисовывается какая-то неясная волнистая линия; я стал внимательно присматриваться в бинокль, мгла немного поредела, и линия стала видна уже яснее. Это был Мурман, не могло быть и сомнения. Он не особенно далеко от нас и, пожалуй, сегодня к ночи мы должны подойти к нему.

Ура! Я первый увидел берег, и если проиграл пари Визе, то выиграл коньяк у П. Г. Кушакова.

Медленное плавание под малыми парусами нам страшно надоело. Мы мечтали встретить какой-нибудь пароход, который согласился бы взять нас на буксир и отвести, если не в Архангельск, то в какое-нибудь становище, или, по крайней мере, дал бы нам немного угля, чтобы подойти к становищу своей машиной. Теперь мы старались не прозевать проходящего парохода, а соответствующий сигнал, уже заранее набранный, был наготове у мачты.

Не более как через час после открытия берега, по направлению на SO, над мглой, закрывшей горизонт, показались густые клубы дыма, но вскоре рассеялись опять: какой-то пароход, шедший из горла Белого моря, по-видимому «подшуровал». Некоторое время ничего не было видно, но через полчаса показался и самый пароход. Это был «норвежец», идущий из Архангельска с грузом леса, высоко наложенного на палубе. Шел он гораздо «мористее», далеко от нас, и вряд ли мог быть нам полезен: будет ли он задерживаться в море, раз мы еще можем идти под парусами. На всякий случай подняли мы набранные сигналы, но, должно быть, они с парохода даже не были замечены.

Тем временем мы продолжали медленно, при противном ветре, подвигаться вперед, и берег стал значительно ближе. Стараемся разобрать место, к которому подходим: капитан Сахаров утверждает, что перед нами «Семь островов», но почему-

то мы не видим огня маяка «Харлов», хотя он должен бы уже открыться.

Стало темно. Повернули на SO, вдоль берега.

После ужина, уже около 10 часов, впереди показались огни парохода, идущего навстречу. Этот шел уже ближе к нам, и его мы надеялись не упустить.

Он быстро приближался и был ярко освещен электричеством. По-видимому, это почтово-пассажирский пароход Мурманского срочного пароходства, совершающий обычный рейс по Мурману; лучшего нам и желать было нечего, так как этот пароход мог подвести нас к любому становищу.

Моментально наш капитан лег в дрейф, высоко в воздух полетели сигнальные ракеты и, кроме того, мы стали жечь фальшфейры. Мы ожидали, что пароход сейчас же повернет на нас, чтобы узнать, в чем дело, но того не случилось. Неужели на нем не заметили ракет и фальшфейров? Стали на баке жечь паклю, облитую керосином; пламя поднялось такое, что можно было подумать, что на судне пожар, но пароход по-прежнему шел своим курсом и на наши сигналы не обращал внимания. Оставалось еще одно средство в нашем распоряжении: это наши зверобойные пушки. Это должно подействовать!

Поднялась такая канонада, что наши артиллеристы только успевали забивать заряды по очереди то в правую, то в левую пушки.

Действительно, это произвело впечатление сильное на пассажирском пароходе, но только совершенно для нас неожиданное. Моментально пароход, который был так недалеко, исчез, как сон. Невольно стали протирать глаза: да был ли это в действительности ярко освещенный пароход, или только нам показалось!

Нет, пароход был, но он почему-то закрыл все электрические огни и куда-то исчез…

Все были поражены, первое время даже молчали, но затем по адресу исчезнувшего парохода посыпалась такая отборная ругань, что капитану после этого, должно быть, долго «икалось».

Нам не досадно было, когда давеча нас не заметил «иностранец», идущий далеко от берега, и которого мы, действительно, только стеснили бы; но этот пассажирский русский пароход, заходящий во все становища Мурмана, имевший возможность без труда помочь нам и не захотевший этого сделать, «подло» скрывшийся где-то во тьме, он положительно нас взбесил.

Капитан Сахаров объяснял исчезновение парохода тем, что поморы на парусных судах часто «балуют», зажигая большие огни,

как бы требуя помощи от проходящего парохода, но когда к ним подходят, оказывается, что они все перепились пьяные.

Однако чем же мы виноваты, что пьяные поморы «балуют», и зачем исчезать таким «чудесным» образом, то есть закрыв огни. Ведь могло быть, что мы и на самом деле тонули.

Но пароход, на который мы так надеялись, исчез, а так как мы еще не тонули, то продолжали всю ночь трепаться под парусами, почти на одном месте.

Утром, когда стало светло, удалось, наконец, опознать берега; оказалось, что капитан Сахаров не ошибся вчера. Так как ветер был слабый и противный, идти самостоятельно под парусами в Белое море было слишком долго, то мы повернули обратно вдоль берега, надеясь в каком-нибудь становище высадиться и дать телеграмму в Александровск о высылке или буксира, или угля.

Против становища Рында к нам подошла «шняка»[70] с рыбаками. Это были первые люди, которых увидели мы за два года; они узнали «Св. мученика Фоку» сразу видя его таким необычайно потрепанным, подошли к борту. Рыбаки первые сообщили нам о крупных событиях, происшедших без нас. Помню, мы сами задали им вопрос, самый обычный и интересный после двух лет отлучки.

— Что, войны-то никакой нет?

— Как нет? Большая война идет; немцы, австрийцы, французы, англичане, сербы, — почитай, что все воюют. Из-за Сербии и началось.

— Ну, а Россия-то воюет ли?

— А как же! Известно и Россия воюет!

— Так это же Европейская война! — вырвалось у кого-то восклицание.

— Вот, вот. Так ее называют. Европейская война.

Узнали мы после этого и некоторые подробности, которые можно узнать от рыбаков, встреченных в море у берегов Мурмана. Пароход, который вчера убежал от нас, был, действительно, Мурманского пароходства — «Ломоносов». Он испугался наших выстрелов, приняв в темноте бедного «Фоку» за неприятельский корабль.

Время на Мурмане было тревожное…

Рыбаки дали нам свежей рыбы и… целых две осьмушки махорки. Теперь мы всласть покурили, так как на «Фоке» табак тоже вышел, и все давно уже страдали от неимения его.

П. Г. Кушаков дал за это рыбакам бутылку рома, даже и не подозревая, что представляет из себя теперь в России ром…

Войти и Рынду при этом ветре и при начавшемся отливе мы

не могли самостоятельно, а потому Кушаков отправился туда с рыбаками на «шняке», чтобы телеграфировать в Александровск, а в ожидании «Фока» стал лавировать около Рынды. Часов около четырех дня из Рынды показался большой промысловый моторный бот, идущий к нам. Это местный рыбопромышленник и торговец Соболев, по собственному почину, спешил нам на выручку. Немного погодя показался и еще такой же бот; покричав, как полагается, достаточно долго «ура», оба бота соединенными усилиями взяли «Фоку» на буксир и повели в Рынду.

Соболев не забыл захватить для нас целую пачку газет, из которых мы более подробно ознакомились с крупными политическими событиями, происшедшими в Европе.

По странной случайности в этой же пачке газет мы прочитали о поисковых экспедициях, снаряженных Гидрографическим управлением морского министерства для поисков экспедиции 1912 года Седова, Брусилова и Русанова. Поисковые экспедиции уже отправились по назначению. «Св. Анну» отправились искать, оказывается, в Карское море.

В 8 и 9 часов вечера мы были в почтово-телеграфной конторе Рынды, где уже сидел Кушаков, и давали телеграммы о нашем возвращении к жизни.

Самым богатым из нас был Кушаков, обладавший несколькими сотнями рублей. Вторым был Конрад, имевший один фунт стерлингов, который нашел на «Св. Анне» в прошлом году, ломая переборки и койки в кубрике на топливо. У остальных же, кажется, ни у кого не было ни копейки. По крайней мере за мои телеграммы заплатил П. Г. Кушаков. Неудивительно, что все мы нуждались в деньгах, без которых здесь обойтись было труднее, чем на Земле Франца-Иосифа или на льду. Поэтому-то и смысл большинства наших телеграмм главным образом сводился к требованию «денег, денег и денег».

Вечером, сидя за чаем у Соболева, мы узнали, что завтра в Рынду придет пассажирский пароход «Император Николай II» на пути в Архангельск.

На другой день на этом пароходе мы уже впятером: Визе, Пинегин, Павлов, я и Конрад плыли в Архангельск. Командир этого парохода Вальнев был так любезен, что согласился не только бесплатно доставить нас до Архангельска, но и в «долг» кормить нас дорогой. Так как пассажиров на пароходе было очень много и свободных мест в первом классе не было, то Вальнев для четверых из нас уступил одну из своих кают, в которой мы с комфортом и доехали до Архангельска. Тяжелый четырехмесячный путь со «Св. Анны» был окончен, а вместе с ним было закончено мое двухлетнее полярное путешествие. 28

июля(10 августа) 1912 года отправился я в него из Петрограда и 19 августа(1 сентября) 1914 года прибыл в Архангельск.

notes

Примечания

1

Свои записки В. И. Альбанов сдал для публикации в журнал «Записки по гидрографии» в марте 1917 года.

2

Курсив в этом и следующих случаях мой. — Прим. В. Альбанова.

3

Было убито 47 медведей и 40 тюленей.

4

Шкала Реомюра с реперными точками 0 и 80°ныне повсеместно вышла из употребления. То есть выше -2,5 °С ночью и +5 °С днем.

5

Легкая кожаная лодка на каркасе из дерева или кости с обтянутым кожей верхом, распространенная в прошлом у народностей Севера. Приводилась в движение и управлялась одним двулопастным веслом.

6

Бензель — вид морского узла.

7

До -37,5 °C.

8

Раксы — деревянные или металлические скобы, удерживающие паруса и скользящие по мачте при их подъеме.

9

Американская полярная экспедиция Де Лонга на судне «Жаннетта» с 1879 года совершила преднамеренный дрейф в Северном Ледовитом океане с целью таким способом достичь Северного полюса. В июне 1881 года судно было раздавлено льдами севернее Новосибирских островов, до которых ее команда с помощью собак тащила по льду три судовые шлюпки, на них экипажу удалось добраться до дельты Лены, где большинство спасшихся погибли от голода.

10

Альбанов имеет ввиду книгу известного норвежского полярного ученого Ф. Нансена «Среди льдов и во мраке полярной ночи» о знаменитом трехгодичном дрейфе «Фрама» во льдах Северного Ледовитого океана и о санном походе Нансена и Иогансена с дрейфующего корабля к Земле Франца-Иосифа. Последний раз издавалась в Москве Географгизом в 1956 году под названием «Фрам» в Полярном море».

11

Существование Земель Петермана и Оскара предполагалось севернее Земли Франц-Иосифа. Автором этой гипотезы был Юлиус Пайер, один из руководителей австрийской полярной экспедиции на судне «Тегеттгоф», которая в 1873 году случайно открыла архипелаг, названный Пайером Землей Франца-Иосифа. Тремя годами раньше выдающийся русский географ П.А. Кропоткин предсказал эту землю теоретически на основании анализа дрейфа льдов в Северном Ледовитом океане. Дрейф «Св. Анны» и поход отряда В. И. Альбанова доказали отсутствие этих «земель», и на последующие карты Арктики их уже не наносили.

12

Открытая вода среди льдов дает темное или синеватое отражение в воздухе, отличающееся от белесоватого ледяного отсвечивания. Такое отражение чистой воды в воздухе часто наблюдается среди льдов за пределами видимости самой открытой воды.

13

Самый северный остров в архипелаге Земля Франца-Иосифа. На современных картах наносится под названием «остров Рудольфа».

14

Ропаки — старинное поморское название выделяющихся среди торосов больших вертикальных льдин, образующихся при сжатии ледяных полей. Ныне почти не употребляется.

15

Ф. Джексон — руководитель английской полярной экспедиции, в 1894–1897 годах исследовал острова западной и северо-западной части Земли Франца-Иосифа. Намеревался достичь Северного полюса, основываясь на бытовавшей тогда гипотезе о существовании Земель Петермана и Оскара. Заложил на Земле Франца-Иосифа несколько продуктовых складов и базу на мысе Флора.

16

Название тогдашнего астрономического календаря-ежегодника, необходимого при вычислении широты и долготы по наблюдениям высот небесных светил.

17

Большой пролив, разделяющий Землю Франца-Иосифа на две части.

18

Итальянская экспедиция герцога Абруцкого, пыталась достичь Северного полюса на собаках, базируясь на самом северном острове Земли Франца-Иосифа — о. Рудольфа. В походах 1899–1901 годов экспедиция смогла дойти лишь до широты 86°31′, но доказала отсутствие Земли Петермана, об этом на «Св. Анне» не знали.

19

В первые же дни похода состав уходящих изменился: вместо Г. Анисимова пошел стюарт Ян Регальд, а И. Пономарев, А. Шахнин, М. Шабатура, испугавшись трудностей лагерной жизни, вернулись на судно. Из ушедших профессиональными моряками, кроме Альбанова, были П. Максимов, бывший матрос военного флота, и О. Нильсен, служивший на «Св. Анне» еще до покупки ее Брусиловым. До поступления на «Св. Анну» П. Баев был промысловиком в Архангельской губернии, А. Конрад — печником, А. Архиреев — плотником В Вологде. Остальные характеризовались в предисловии к первому изданию книги Альбанова как «не моряки и не промышленники».

20

Одометр — прибор для учета пройденного расстояния в санных экспедициях, состоит из велосипедного колеса, укрепляемого сзади нарты, и счетчика его оборотов.

21

Малица — мужская одежда ненцев и частично хантов и коми. Шьется из шкуры годовалого оленя мехом внутрь и представляет собой длинную без разреза рубашку с пришитым к ней капюшоном.

22

Выяснилось (см. Алексеев Д. А. Неизвестные письма участников русской полярной экспедиции 1912 г. на шхуне «Св. Анна». Летопись Севера, М., 1985, т. XI, с. 184), что фактически Г. Л. Брусилов был всего лишь наемный капитан у действительной владелицы «Св. Анны», жены его дяди А. Н. Брусиловой, по имени которой было названо судно и перед которой он был обязан отчитываться за каждую истраченную копейку. Фактически же от её имени экспедицией распоряжался дядя Брусилова, постоянно задерживавший её оснащение.

23

Александровск (на Мурмане) — ныне город Полярный.

24

Многолетний дрейфующий лед в полярных бассейнах. Образует ледяные поля в несколько метров.

25

Паровые шхуны «Нимврод» (последнее виденное со «Св. Анны» судно в Югорском Шаре) и «Св. мученик Фока» экспедиции Г. Я. Седова по своим мореходным качествам уступали «Св. Анне».

26

Моторный катер «Св. Анны», на котором предполагалось подняться по Енисею до Красноярска.

27

Сухое обезжиренное мясо кусочками или порошком, рецепт изготовления разработан Скориковым.

28

Сало — скопление на поверхности воды смерзшихся ледяных игл в виде пятен или тонкого сплошного слоя серовато-свинцового цвета, имеющего вид застывающего сала. Ледяное сало удерживается недолго и превращается в шугу.

Шуга — рыхлое, белесоватого цвета комочки льда, появляющиеся перед ледоставом. Шуга передвигается вместе с водой в виде кашеобразной массы.

29

Полосатый кит, названный за характерные продольные складки на брюшной поверхности, принадлежат к подотряду беззубых или усатых китов.

30

Ворвань — жир, вытопленный из морских животных (кита, тюленя).

31

Поперечная балка, связывающая правую и левую ветви шпангоута для создания необходимой прочности корпуса судна. На больших судах на бимсы настилают палубу.

32

Имеется в виду запись Ф.Нансена от 10 августа 1895 года, в день открытия группы островов, названных им Белой Землей.

33

Океаническая птица из отряда трубконосых или буревестников.

Причиной столь необычной окраски льда служит присутствие на его поверхности множества микроскопических водорослей. Но Альбанов, правильно определяя причину явления, заблуждался, связывая его с якобы недавним прибыванием льда у берега.

35

Ученые-медики, изучив записи о заболеваниях на «Св. Анне» в первую зимовку, предположили, что на судне болели не цингой, а трихинеллезом. Эпидемии этого заболевания случаются у полярных млекопитающих, и оно передается людям, питающимся плохо проваренным мясом медведей, тюленей (см. Алексеев Д. А. Неизвестные письма участников русской полярной экспедиции 1912 г. на «Св. Анне». — Летопись Севера, М, 1985, т. XI, с. 185).

По сути, В.И. Альбанов является открывателем постоянного Восточно-Шпицбергенского течения поверхностных вод, направленного от северо-западных берегов Земли Франца-Иосифа к юго-восточным берегам Шпицбергена. По справедливости его следовало бы называть «течением Альбанова».

37

Несуществующая «земля», показывавшаяся на картах начала XX века к северо-западу от Земли Александры.

38

«Ныркáми» Альбанов называет кайр тонкоклювых, а маленькие «ныркú» — это люрики из вида чистиковых птиц.

39

Это был, скорее всего ледник Вустер на северо-западном побережье Земли Александры.

40

Альбанов видел северную возвышенность острова Земля Георга, высотой свыше 400 метров.

41

Встречающееся в литературе название высотной позиционной линии, служащей для определения местонахождения морского судна.

42

Морской заяц, или лахтак, — вид крупного тюленя.

С того направления, которым шла группа Альбанова, на востоке высоким островом им казалась северная часть острова Земля Георга.

44

Вероятно, полярный мак.

45

Ср.: F. Jackson. A. thousand days in the Arctic. London o New-York, 1889, pag. 359. — Прим. автора.

46

Южная часть нынешнего пролива Кембридж, отделяющего Землю Александры от Земли Георга, на которой расположен мыс Ниль.

Вероятно, Альбанов имеет в виду люриков.

Один из видов рода поморников- Прим. ред. первого издания.

49

Южный мыс острова Земля Георга.

50

На современных картах — залив Грея, вдающийся в юго-западный берег Земли Георга.

51

На современных картах пишется — «о. Мейбл»

52

На современных картах обозначается как «ледник Вустер» — на северо-западе Земли Александры.

53

Могила Нильсена впоследствии не была обнаружена. В память о погибшем моряке бухта западного берега острова Белль в пятидесятые годы присвоено название «бухта Нильсена».

На современных картах обозначается как «пролив Майерса».

55

Описание этого случая, дается в книге Ле Руа «Приключения четырех российских матросов, к острову — Щпицбергену бурею принесенных». М., Мысль; 1975.

56

Официальное провозглашение Земли Франца-Иосифа российской территорией и подъем русского государственного флага на мысе Флора состоялись только в конце августа 1914 года. Это было сделано спасательной экспедицией на судне «Герта», прибывшей на поиски экспедиции Седова уже после ухода «Св. Фоки» с мыса Флора. Узнав из записки Альбанова о пропаже четырех человек на Земле Георга, «Герта» подходила к мысу Гранта, но людей там не обнаружила.

Эта доска ныне хранится в Музее Арктики и Антарктики в Ленинграде.

58

Консервированный корм для собак, в состав которого входят мясо, китовый жир, гороховая мука.

59

Американский миллионер Циглер снарядил в 1903 году экспедицию для достижения Северного полюса под руководством фотографа Фиала. Два года экспедиция на пони и собаках пыталась идти к полюсу с базы на о. Рудольфа, но дальше 82° широты продвинуться не смогла. Зиму 1905 года американцы провели в доме Джексона на мысе Флора, устроив в нем трехъярусные нары. Были вывезены прибывшим за ними судном «Терра нова».

60

Эта стенная газета хранится ныне в Музее Арктики и Антарктики.

61

В жестяной запаянной банке находилась записка заместителя начальника Седовской экспедиции Кушакова о местонахождении и положении экспедиции. Записка была доставлена с места зимовки судна экспедиции «Св. Фока» в бухте Тихой на острове Гукера Н. В. Пинегиным на собаках в конце марта 1914 года. — Прим. Н. В. Пинегина.

62

П. Г. Кушаков в 1915 году возглавил строительство радиостанции на острове Диксон и до августа 1917 года оставался ее начальником.

63

В этом месте дневника Альбанова содержится ошибка. В. Ю. Визе зимой на мыс Флора не приходил. Почта экспедиции Седова была доставлена туда Н. В. Пинегиным. Он же привел в порядок постройку, избранную Альбановым для житья. Эта постройка была возведена экспедицией Фиала из бамбуковых палок и, по-видимому, остатков зимовья Ли-Смита. Н. В. Пинегин, очистив эту постройку от заполнявшего ее льда и мусора, построил нары, стол и перенес в нее из джексоновского дома железную печь. — Прим. Н. В. Пинегина.

64

Паровая яхта «Эйра», именем которой названа упоминаемая выше гавань, шотландского исследователя Ли-Смита была раздавлена льдами у мыса Флора летом 1881 года. Шотландский яхтсмен Ли-Смит на свои средства организовал экспедицию для исследования южного побережья Земли Франца-Иосифа, работавшую в 1880–1882 годах на судне «Эйра». После гибели судна у мыса Флора английские исследователи добрались к Новой Земле на шлюпках.

65

Эта записка Альбанова, найденная спасательной экспедицией на судне «Герта» в 1914 году, хранится ныне в Центральном государственном архиве Военно-морского флота (ЦГАВМФ, ф. 404, оп. I, д. 306, 244).

66

Дом Ли-Смита выстроен по типу норвежских дощатых построек довольно прочно. Построил его английский яхтсмен Ли-Смит в 1880 году в качестве убежища на случай гибели судна. Кроме довольно холодного приюта, в этом доме Альбанов ничего бы не нашел. Дом не вполне достроен, без печей. Некогда Джексон устроил в домике склад провианта, но, видимо, сам же использовал его, так как при посещении Пинегиным 31 марта 1914 года в домике имелось всего 5–6 банок консервов и 150 килограммов каменного угля. — Прим. Н. В. Пинегина.

67

Менее чем через месяц в августе 1914 года мыс Гранта и побережье Земли Георга на 15 миль к западу осматривались с моря спасательной экспедицией на судне «Герта», но признаков людей обнаружено не было. Многие специалисты-полярники высказывают предположение, что пешеходная группа партии Альбанова погибла, провалившись в трещину одного из многочисленных прибрежных ледников Земли Георга.

68

Бывший норвежский промысловый барк «Geyser», построенный в 1870 году. — Прим. ред. к первому изданию.

69

Больные ногами на «Фоке» хворали цингой. Сведение ног — одно из частых последствий этой болезни. — Прим. Н. В. Пинегина.

Официально эта «шняка» называлась гафель-шхуна «Сириус» и принадлежала рыбопромышленнику И. Я. Соболеву.